

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**КОАЛИЦИОННЫЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕ:
ШАНСЫ И РИСКИ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2020

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**КОАЛИЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ:
ШАНСЫ И РИСКИ**

**Доклады Института Европы
№ 374**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2020**

УДК 328.122.2(4)
ББК 66.3(4),123
К55

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Ответственный редактор В.Я. Швейцер,
редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Храмцов Александр Фёдорович, доктор политических наук
Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук

Тема НИР 0191-2019-0006

«Эволюция партийной системы, электоральные тенденции,
формирование и деятельность органов законодательной
и исполнительной власти в странах – членах Евросоюза»

В подготовке материалов к печати принимали участие
к.и.н. Н.С. Плевако, к.полит.н. В.С. Грибовский

Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски = *Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks* : [монография] / [В.Я. Швейцер и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2020. – 136 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 374). – Парал. тит. л. англ. – Авт. указаны на об. тит. л. – ISBN 978-5-98163-163-4.

В научной монографии анализируются политические процессы в современной Европе. Основное внимание уделено взаимоотношениям различных партий, составляющих правительственные коалиции в большинстве стран – членов Европейского союза.

Авторский коллектив: В.Я. Швейцер (введение, заключение), Е.В. Ананьева (гл. 1), А.А. Синдеев (гл. 2), С.М. Фёдоров (гл. 3), Г.Н. Канинская (гл. 4), Е.С. Алексеенкова (гл. 5), П.А. Яковлев (гл. 6), Н.М. Яковлева (гл. 7), Ю.Д. Квашнин (гл. 8), П.В. Осколков (гл. 9), О.В. Охошин (гл. 10), Н.С. Плевако (гл. 11), В.С. Грибовский (гл. 12), П.Е. Кандель (гл. 13), В.А. Оленченко (гл. 14), Б.П. Гуселетов (гл. 15).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72020_374

© ИЕ РАН, 2020

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**COALITION GOVERNMENTS
IN CONTEMPORARY EUROPE:
CHANCES AND RISKS**

Reports of the Institute of Europe

№ 374

Monography

Moscow

IE RAS

2020

Аннотация

Авторский коллектив анализирует взаимоотношения партнёров по коалициям в правительствах большинства стран – членов Европейского союза, их деятельность в последние два десятилетия. Рассмотрены причины как достижений, так и неудач коалиционных правительств. Авторы полагают, что крупнейшие партии стран Евросоюза в целом пока не готовы определить в коалиционных взаимоотношениях с другими политическими силами чёткие ориентиры своей стратегии и своего конкретного политического курса.

Annotation

The authors analyze the relationship of coalition partners in the governments of most member states of the European Union, their activities over the past two decades, the reasons for both the achievements and failures of the coalition governments. The authors believe that the largest parties of the EU countries as a whole are not yet ready to define clear guidelines for their strategy and their specific political course in coalition relations with other political forces.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Европейская политика в поисках выхода из кризисных ситуаций начала XXI века.....	7
Глава 1. Британия: неудачный опыт коалиционного сотрудничества.....	10
Глава 2. Внешнеполитический консенсус в коалиционных правительствах А. Меркель.....	21
Глава 3. Опыт правительственных коалиций во Франции (2002–2020 гг.).....	28
Глава 4. Франция: сложный путь непартийных коалиций.....	36
Глава 5. Коалиционные метаморфозы в Италии: стабильность неустойчивости.....	42
Глава 6. «Прогрессистская коалиция» в Испании: стратегия реформ и вызовы Covid-19.....	51
Глава 7. Формирование и распад коалиции левых сил в Португалии.....	60
Глава 8. Греция: малые партии в борьбе за место во власти.....	67
Глава 9. Коалиционные правительства Бельгии: от «Нью-Йорка» к «Аризоне».....	76
Глава 10. Ирландия: нюансы коалиционного сотрудничества.....	83
Глава 11. Кризис системы политических блоков в Швеции.....	93
Глава 12. Австрия: обновление коалиционного ландшафта.....	99
Глава 13. Балканские сюжеты.....	103
Глава 14. Особенности и перспективы партийной жизни в странах Балтии.....	109
Глава 15. Влияние партийных фракций Европарламента на формирование Европейской комиссии.....	116
Заключение. Шансы, риски, перспективы.....	123
Список литературы	125
Об авторах	132

CONTENTS

Introduction. European Polity in Search of a Way out of Crisis Situations at the Beginning of the XXI Century.....	7
Chapter 1. Britain: the Unsuccessful Experience of Coalition Cooperation.....	10
Chapter 2. Foreign Policy Consensus in the Coalition A. Merkel’s Government.....	21
Chapter 3. The Experience of Government Coalitions in France (2002–2020).....	28
Chapter 4. France: The Hard Way of Non-Party Coalitions.....	36
Chapter 5. Coalition Metamorphoses in Italy: Stability of Instability.....	42
Chapter 6. «Coalición progresista» in Spain: Reform Strategy and the Challenges of Covid-19.....	51
Chapter 7. The Formation and Collapse of the Coalition of Left Forces in Portugal.....	60
Chapter 8. Greece: Small Parties in the Struggle for a Place in Power.....	67
Chapter 9. Belgium’s Coalition Governments: from «New York» to «Arizona».....	76
Chapter 10. Ireland: Nuances of Coalition Cooperation.....	83
Chapter 11. Crisis of the System of Political Blocks in Sweden.....	93
Chapter 12. Austria: Updating the Coalition Landscape.....	99
Chapter 13. The Balkan Plots.....	103
Chapter 14. Party Life Features and Prospects in the Baltic States.....	109
Chapter 15. The Impact of Europarliament Party Factions on the Formation of the European Commission.....	116
Conclusion. Chances, risks, prospects.....	123
Literature	125
About the authors	132

ВВЕДЕНИЕ

Европейская политика в поисках выхода из кризисных ситуаций начала XXI века

Для современной политики очевидна необходимость поиска общего знаменателя партиями, представляющими неоднозначные по своим социальным и экономическим интересам группы европейского населения. Тем самым создаются предпосылки для укрепления в политической культуре Старого Света такой формы власти, как правительственные коалиции. В первые десятилетия XXI в. неизбежность таких взаимоотношений различных субъектов европейской политики определяется, прежде всего, сложностью и даже непредсказуемостью развития в Европе интеграционных процессов. В странах – членах ЕС постепенно улетучивается эйфория от первоначальных экономических успехов. Практически иссяк энтузиазм по поводу столь важного для хозяйственной сферы притока иностранной рабочей силы. В первом случае перманентные и разнообразные финансовые кризисы отрезвили тех, кто свято верил во всемогущие экономические механизмы ЕС. Во втором слабый, а то и вовсе отсутствовавший контроль над иммиграцией создал проблемы, связанные с ментальной несовместимостью «старых» и «новых» европейцев.

Тема разнообразия, по многим показателям, между старожилами и новыми членами ЕС также не способствовала монолитности суперорганизации. Сегодня многие сомневаются в целесообразности расширения Евросоюза. К этому добавилась и явная трещина во взаимоотношениях стран – основателей Европейского союза, вылившаяся в конце второго десятилетия XXI в. в пресловутый брекзит. Отнюдь не из области фантастики возникла перспектива умножения таких «экзитов» за счёт стран, по многим причинам неуютно себя чувствующих в недостроенном общеевропейском доме. Под большим вопросом надежды на взаимовыгодное партнёрство ЕС с США, Китаем, Россией и другими ключевыми игроками геополитического пространства. Более того, налицо острый кризис взаимоотношений Европы с упомянутыми государствами, который объясним не сменой политической элит, а, прежде всего, изменившимися объективны-

ми обстоятельствами современного мира.

В нынешнем турбулентном потоке политических событий партии вполне естественно искали новые, либо в крайнем случае обновляемые варианты формирования провластных структур. Тем более что традиционные экспоненты европейского истеблишмента (христианские демократы, консерваторы, социал-демократы и либералы) ослабили свои позиции на электоральном поле многих государств Старого Света. Прежние формы коалиционного сотрудничества между ними уже не позволяли решать текущие и перспективные проблемы, как отдельных стран – членов ЕС, так и Европы в целом. Отсюда и вынужденный поиск новых партнёров, который никак не мог дать сиюминутный оптимальный результат.

Партнёры не скрывали своих амбиций, и каждый по-своему, стремились продвигать идеи и политические замыслы, свойственные их политической природе. Партии националистического толка прочно оседлали тему иммиграции, которая для традиционного истеблишмента была второстепенной. Лево-социалистическое направление партийного спектра Европы настаивало на приоритете социального компонента. Для традиционной социал-демократии он почти повсеместно уступил место экономическому прагматизму. На социальном поле искали своего избирателя и социал-популисты, активно эксплуатируя такие реперные точки европейской политики, как борьба с бюрократизмом, непомерно разросшимися надгосударственными структурами ЕС и преступностью. Постепенно обрёл новое политическое дыхание и регионал-сепаратизм, ставивший в низшей точке своих требований повышение статуса отдельных регионов, а в высшей – предоставление им государственности. Наконец, в условиях неконтролируемого технического прогресса с его негативным воздействием на различные сферы человеческой жизнедеятельности, укрепились представители радикальных экологических течений. Они стали серьёзными оппонентами партиям истеблишмента, всегда ставившими экономическую выгоду выше нематериальных потребностей населения. К выше названным субъектам европейского политического пространства вполне применимо понятие «политическая альтернатива», охватываю-

щая достаточно широкий и внутренне противоречивый спектр партий и движений¹.

География коалиций «старых» и «новых» игроков европейской политической арены достаточно широка. Если говорить о Севере Европы, то здесь наиболее заметно участие в структурах государственной власти партий националистического толка в Дании и Финляндии. В первой они, хотя и не входили формально, в коалиции с правившими местными либералами, однако постоянно поддерживали их особенно в иммиграционных делах. Более продвинутыми во власть оказались «Истинные финны», получившие на какое-то время кресла в правительстве. В Норвегии местные консерваторы из «Хейре» длительное время сотрудничали в своём правительстве с националистической партией Прогресса. Примером националистической инкорпорации во власть была в последние годы Австрия, где правившая Народная партия формировала правительство с партией Свободы, чьи антииммигрантские эскапады приобрели в последние годы общеевропейскую известность. Добавим к этому устойчивые позиции в правительстве Швейцарии Народной партии, которую также никак нельзя вынести за рамки европейских националистических тенденций.

Укрепились властные позиции и у партий противоположного фланга политического спектра Европы. Опыт коалиционного сотрудничества рассчитывает приобрести левосоциалистическая испанская «Подemos», нынешний правительственный партнёр ИСПП. В соседней Португалии местные социалисты избрали иной путь – на стезе неформального сотрудничества с двумя левыми объединениями коммунистического и экологического толка. Нестандартные коалиционные взаимоотношения сложились в Италии и Греции. В первой политическое лидерство захватило «Движение пяти звёзд», чей популизм отнюдь не помешал сотрудничать сначала с националистами из «Лиги», а затем с итальянским вариантом социал-демократии (Демократическая партия). Уникальный образец коалиционной тактики продемонстрировала левориентрированная греческая «СИРИЗА», избрав-

¹ См. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. М., ИЕ РАН, 2018.

шая себе партнёра в лице местных националистов – Независимых греков. Европейские «зелёные» также не утратили свои властные амбиции. В Австрии и Ирландии они сегодня делят министерские кресла с партиями консервативно-либерального толка, а в Швеции в середине нынешнего десятилетия вошли вместе с социал-демократами в коалиционное правительство.

И всё же политическое лидерство христианских демократов, консерваторов и либералов сохранилось, хотя и в ослабленном варианте. В условиях прежних и новых кризисных явлений европейские избиратели предпочитают доверять власть испытанным игрокам на политической арене. И дело не только в инерции менталитета традиционного электората. На него, безусловно, влияют события, происходящие вне Европы, будь то в США, на Ближнем или Дальнем Востоке. Европейцы ещё не готовы к передаче политическим новичкам ключевых функций исполнительной власти. Даже пройдя обкатку в национальном масштабе, они лишь фрагментарно представляют интересы своих стран на международном уровне. Показательно, что ни в одной из вышеупомянутых стран, за исключением Греции, представители партии «политической альтернативы» не занимали ключевые государственные посты. Не оказалось их и в структурах Европейской комиссии и руководстве Европарламента, хотя на последних выборах в ЕП (май 2019 г.) многие экспоненты «политической альтернативы» получили значительный прирост голосов. Будущее покажет, насколько долговечна данная ситуация.

ГЛАВА 1. БРИТАНИЯ: НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТ КОАЛИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Коалиционные правительства нетипичны для Соединённого Королевства: однопартийный характер правительств во многом объясняется мажоритарной избирательной системой. Впервые со времён Второй мировой войны² коалиционное правительст-

² Коалиционным по итогам выборов было правительство Р. Макдональда (1929–1935). Правительство У. Черчилля (1940–1945) было сформировано как коалиционное в виду обстоятельств Второй мировой войны.

во было сформировано в 2010 г., поскольку к всеобщим выборам того года в стране сложилась неординарная внутривнутриполитическая ситуация.

Бразды правления по итогам выборов попеременно находились либо у консерваторов, либо у лейбористов. Исправно работавший маятник классической двухпартийной системы стал надолго зависать то в одном, то в другом сегменте политического спектра. С 1979 г. он резко качнулся вправо – на 18 лет, что объяснялось не только популярностью М. Тэтчер, но и кризисом в стане лейбористов. Давно назревшую модернизацию Лейбористской партии начал Н. Киннок, а завершил Т. Блэр, выведя её из гетто узкоклассовых интересов численно снизившегося традиционного рабочего класса в центр политического спектра, к новым средним слоям. Отсюда триумфальные победы лейбористов в 1997 и 2001 гг. Однако их победу в 2005 г., когда война в Ираке ощутимо сказалась на популярности партии, в немалой степени следует отнести за счёт кризиса уже в Консервативной партии.

Тори почти двадцать лет не могли представить ни убедительную программу, ни выдвинуть в лидеры партии политика, способного претендовать на общенациональное лидерство. Узкопартийные интересы «чистоты идеологии» постоянно довели над целью завоевания власти. Точно так же было ранее и в Лейбористской партии, когда в 1982 г. её возглавил представитель левого крыла М. Фут. Консерваторы нашли адекватную фигуру в лице Д. Кэмерона только в конце 2005 г. после третьего поражения на выборах. Этому способствовало, в частности, смягчение разногласий в партии по отношению к ЕС.

Характерно, что и консерваторам, и лейбористам пришлось менять утративших популярность лидеров партии и, соответственно, премьер-министров в середине срока полномочий парламента (М. Тэтчер – в 1990, а Т. Блэра – в 2007 г.). Нежелание лидера «уйти вовремя», доведение своего положения до стадии политически неприемлемого (хотя и вполне законного) надолго тормозило возвращение партии во власть. В целом неспособность как правящей, так и оппозиционной партии быстро перестраиваться, невольное нарушение принципа сменяемости вла-

сти (если не по букве, то по духу) «развращало» сами партии и вызывало эффект «психологической усталости» избирателей.

Напомним, что после отставки дискредитировавшего себя иракской войной Т. Блэра его в июне 2007 г. сменил Г. Браун. Без голосования членов партии – на безальтернативных выборах (соперники сняли свои кандидатуры) он стал лидером ЛПВ и соответственно премьер-министром. Впоследствии, теряя популярность у электората, он так и не решился провести досрочные парламентские выборы, чтобы получить мандат избирателей.

К концу 2009 г. разрыв в рейтингах консерваторов и лейбористов составлял незначительные 3-5%, и возникла перспектива «подвешенного парламента»³.

Тори собирались в случае победы ввести меры жёсткой экономии, чтобы снизить госдолг из-за кризиса 2008–2009 гг., но их, как и лейбористов, подвёл разгоревшийся весной 2009 г. на фоне экономического кризиса «расходный скандал» (нецелевое использование депутатами парламента средств налогоплательщиков на личные нужды). Избиратели сочли порочной саму мажоритарную систему голосования, позволяющую ведущим партиям «засиживаться» во власти, а, как известно, «власть развращает». Более того, 44% опрошенных заявили, что хотели бы избрания «подвешенного парламента»⁴, чтобы партии, лишённые гарантий пребывания у власти, оглядывались друг на друга, а главное – на избирателей.

К избранию «подвешенного парламента» в преддверии выборов весны 2010 г. государственное руководство – прежде всего, канцелярии кабинета министров и королевы, а также соответствующий комитет парламента – готовилось ещё с зимы. При отсутствии в Соединённом Королевстве писаной конституции власть обратилась к прецеденту 1974 г.⁵ Был разработан регла-

³ В «подвешенном парламенте» ни одна из партий не располагает большинством для формирования однопартийного правительства (326 депутатов). В результате формируется либо правительство меньшинства, либо коалиционное правительство.

⁴ Tories up three in Guardian/ICM poll as Labour fightback stalls. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2010/mar/15/tories-up-three-guardian-icm-poll-labour-fightback> (дата обращения 14.06.2020).

⁵ В феврале 1974 г. на парламентских выборах партия лейбористов получила относительное большинство – на 4 места больше, чем тори. Однако действующую

мент передачи власти в условиях «подвешенного парламента». Согласно нему, действующий премьер-министр остаётся в должности, пока не будут проведены переговоры между партиями и ситуация с формированием правительства не определится. Необходимо было гарантировать функции монарха как символа единства нации, свободного от политических пристрастий. В итоге процесс передачи власти был намеренно растянут во времени.

На выборах 2010 г. партия тори не смогла переломить ситуацию в свою пользу⁶. Тем не менее, консерваторы, опередив лейбористов на 7% голосов, получили и относительное большинство голосов, и относительное большинство мест в парламенте⁷, что, однако, не позволяло им сформировать однопартийное правительство. Соответственно, встал вопрос о коалиции.

Лидеру Партии либеральных демократов (ПЛД) Н. Клеггу в ходе избирательной кампании удалось поднять рейтинги партии на 8-10% и догнать лейбористов (27-29%). Он заявлял о будущей поддержке той партии, которая получит «более сильный мандат» по итогам выборов, намеренно не выдавая предпочтения одним или другим. Н. Клегг рассчитывал на свободу рук: термин «сильнейший мандат» он мог истолковывать и как большее количество мест в парламенте, и как большую долю голосов из-

ий премьер-министр, консерватор Э. Хит не подал немедленно в отставку, а в течение уик-энда пытался создать коалиционное правительство с партией либералов (с 1988 г. – ПЛД). Только после неудавшихся переговоров Э. Хит ушёл в отставку, и Королева Елизавета II поручила лейбористу Г. Вильсону сформировать правительство. Его правительство меньшинства продержалось до октября 1974 г., и снова результатом выборов стал «подвешенный парламента», причём преимущество лейбористов снизилось до 3 мест. В 1977 г. при угрозе вотума недоверия лейбористы и либералы заключили пакт (the LibLab pact) о включении правительством некоторых положений из программы либералов в обмен на голосование либералов в пользу правительства лейбористов. На выборах 1979 г. к власти пришла партия тори во главе с М. Тэтчер.

⁶ См.: Громыко Ал.А. Всеобщие выборы – 2010: нестандартность и беспрецедентность // Дилеммы Британии. Поиск путей развития. М., Весь мир, 2014. С. 147-156.

⁷ Итоги выборов (для большинства необходимо 326 мест в Палате общин): партия консерваторов получила 306 мест (36,1% голосов), ЛПВ – 257 мест (29,1% голосов), а ПЛД – 57 мест, другие партии – 28 мест (в 1 округе выборы были отложены). Явка составила 65,1%. Election 2010. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/shared/election2010/results/> (дата обращения 12.06.2020).

бирателей. Заметим, что при мажоритарной системе голосования консерваторы могли получить бóльшую долю голосов избирателей, но меньшую долю мест в парламенте, чем лейбористы, и история могла пойти по иному пути⁸. Избиратели, даже симпатизируя Н. Клеггу и его партии, предпочли всё же консерваторов. Последние отобрали у лейбористов те округа, которые в своё время перешли к ЛПВ в эру централизма Т. Блэра. В итоге ПЛД пострадала вдвойне. Во-первых, из-за того, что 5% избирателей в последний момент не решились отдать голос за либдемов (доля полученных голосов – 23%, доля мест – примерно 8%) в силу так называемого «тактического голосования»⁹. Во-вторых, из-за «несправедливой» мажоритарной избирательной системы: по сравнению с выборами 2005 г. либерал-демократы получили на 1% голосов больше, но на 5 мандатов меньше. Тем не менее, при меньшем количестве мест политическая роль «третьей силы» неизмеримо возросла: именно она предопределила судьбу правительства.

В силу предвыборного обещания поддержать партию «с сильнейшим мандатом», Н. Клегг не мог не вступить в переговоры с консерваторами, не потеряв лица, хотя естественными союзниками были бы лейбористы, да и право сформировать правительство получал действующий премьер-министр Г. Браун.

Обе ведущие партии на первом этапе переговоров, не желая выполнить главное условие ПЛД – референдум по пропорциональной избирательной системе – предлагали либерал-демократам паллиативы, поскольку отказ от мажоритарной системы фактически лишил бы их возможности формировать однопартийные правительства.

Велики были разногласия между тори и либдемами также и по другим основополагающим темам: срокам сокращения госрасходов; отношению к ЕС (консерваторы – «евроскептики»,

⁸ Например, при мажоритарной системе на выборах президента США в 2000 г. А. Гор получил на 0,5 млн голосов больше, чем Дж. Буш-мл., но проиграл, как Х. Клинтон проиграла Д. Трамп в 2016 г., получив меньшее количество голосов выборщиков.

⁹ По расчётам аналитиков, партия могла в соответствии с рейтингами (даже с учётом искажений мажоритарной системы) получить 80 мест, а в самой ПЛД рассчитывали на 120 мест.

либдемы – «еврооптимисты»); по ядерной системе «Грайдент», политическим и парламентским реформам. Переговоры шли о том, чтобы фракция ПЛД в Палате общин не голосовала бы против тронной речи королевы (фактически законодательной программы правительства) в случае формирования консерваторами правительства меньшинства. Имелось в виду соглашение о поддержке либерал-демократами консерваторов в парламенте (confidence-and-supply).

Разногласия с лейбористами сфокусировались вокруг самой фигуры непопулярного Г. Брауна: Н. Клегг требовал его замены, но ЛПВ была категорически против принятия решений по «указке» извне. К тому же премьер, снова не имеющий мандата избирателей, был бы для нации политически неприемлем. Другим препятствием было то, что ПЛД не желала «коалиции радуги»¹⁰, требовала повышения госрасходов на неприемлемую для ЛПВ величину.

Браун объявил, что осенью покинет посты лидера партии и премьер-министра, но консерваторы уже сделали ПЛД более выгодное «окончательное предложение» – референдум по избирательной системе при условии, что тори, естественно, будут активно агитировать за сохранение её мажоритарного варианта.

Премьер-министр Браун рекомендовал Её Величеству поручить формирование правительства лидеру оппозиции Д. Кэмерону. Лидеры и видные деятели консерваторов и либдемов участвовали в переговорах, а члены парламентских фракций утвердили решение о создании коалиционного правительства. Н. Клеггу требовалось $\frac{3}{4}$ голосов парламентской фракции и федерального исполнительного комитета, чтобы не ставить вопрос на голосование всех членов партии. Решение об участии партии в коалиции было одобрено практически единогласно, хотя многие были недовольны тем, что их не ознакомили со всем перечнем договорённостей.

На какие же уступки пошли друг другу консерваторы и ли-

¹⁰ Для большинства в парламенте необходимо было заручиться поддержкой региональных и других более мелких партий – Шотландской национальной партии (6 мест), Плайд Камри (3 места), Социал-демократической и лейбористской партии (3 места).

берал-демократы¹¹ ради возвращения к рулю государственного правления¹²? Они договорились провести референдум по избирательной системе в обмен на полноценную коалицию с ПЛД. К другим существенным политическим уступкам со стороны консерваторов относились: закон о фиксированном сроке полномочий парламента¹³; предполагалось, что Палата лордов могла стать полностью или в значительной мере выборной. Другие политические реформы касались перекройки избирательных округов с целью уравнивать их по численности избирателей, уменьшить количество депутатов парламента после следующих выборов, а также ввести право отзыва депутата.

Н. Клегг занял важный пост заместителя премьер-министра, и его задачей стало проведение политической реформы. Кроме того, либеральные демократы получили ещё 4 министерских портфеля, а также около 15 постов младших министров.

Консерваторы пошли на уступки и по экономическим вопросам. Вначале они намеревались начать сокращение дефицита государственного бюджета уже в 2010 г. на 6 млрд ф.ст. (57 млрд ф.ст. в течение срока полномочий парламента). Либерал-демократы согласились на разработку чрезвычайного бюджета в течение 50 дней. Консерваторы согласились на то, что либдемы воздержатся при голосовании о повышении порога налогообложения наследства до 1 млн ф.ст. и на ряд других мер, согласованных партиями.

Что касается оборонной стратегии Британии (замена оружия ядерного сдерживания «Трайдент»), то либдемы считали программу модернизации слишком дорогостоящей и ненужной в стратегическом отношении, но консерваторы настояли на модернизации системы, хотя и обещали пересмотреть «смету расходов».

ПЛД отказалась от планов вхождения страны в зону евро в

¹¹ Либеральная партия правила в последний раз 70 лет назад в составе коалиционного правительства времён Второй мировой войны.

¹² Full Text: Conservative-Lib Dem deal. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/election_2010/8677933.stm (дата обращения 12.06.2020).

¹³ Ранее премьер-министр имел право по своему усмотрению и в благоприятный для партии момент назначать выборы до истечения 5-летнего срока полномочий парламента. Закон был принят в 2011 г.

течение работы данного созыва парламента и согласилась, чтобы Брюсселю не передавали новые полномочия. Они также настаивали на ограничении притока иммигрантов из стран, не входящих в ЕС. Это была ещё одна уступка со стороны ПЛД, выступавшей за предоставление иммигрантам «заслуженного гражданства» (earned citizenship) после нескольких лет пребывания и работы в стране.

Лорд Нортон, один из ведущих специалистов по конституционному праву в Британии, был настроен скептически: «подвешенный парламент» – не «народный парламент, а его противоположность, т.е. парламент политиков. Политический курс вырабатывается в результате постэлекторального торга, с которым граждан не знакомят. Возникают компромиссы, которые могут не иметь никакого отношения к чаяниям избирателей. Исчезает институт, который можно было бы призвать к ответу»¹⁴. Именно такой закулисный торг и происходил на глазах британцев с 7 по 12 мая, создав гибрид, которого не ожидал никто.

В принципе, коалиционная политика влияла на баланс между исполнительной и законодательной властями. Правительство утрачивало часть своей власти, поскольку его курс стал зависим от ключевых решений, принятых партийным руководством. В этих обстоятельствах фактор партийной лояльности, дисциплины и единства многократно возрастал: ведь рядовые парламентарии-заднескамеечники – как тори, так и либерал-демократы – могли быть недовольны достигнутыми межпартийными компромиссами и стали бы голосовать «против» правительства¹⁵.

Коалиция позволяла создать стабильное правительство, поскольку имела перевес над остальными партиями почти в 80 голосов в парламенте. Однако члены Консервативной партии бы-

¹⁴ Coalition government: can they make it work? URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/politics/david-cameron/7713512/Coalition-Government-can-the-y-make-it-work.html> (дата обращения 12.06.2020).

¹⁵ Примечательно, что Д. Кэмерона подвели заднескамеечники-консерваторы, объединённые в «Комитет 1922 года». В попытке гарантировать их поддержку Д. Кэмерон намеревался предоставить действующим министрам право голосовать на выборах председателя комитета. Даже при соотношении голосов 168:118 в пользу своего предложения Д. Кэмерон не решился обострять отношения с заднескамеечниками и отозвал предложение.

ли озабочены вопросом: не слишком ли велики уступки либдемам. Сторонников ПЛД волновало, не станет ли для либдемов расплатой за коалицию с консерваторами утрата ими на следующих выборах всех мест от Шотландии, где консерваторы поддержкой не пользовались.

В целом коалиция устраивала консерваторов, поскольку либдемам пришлось разделить с тори ответственность за непопулярные решения. «The Telegraph» предупреждала, «руки в крови» будут и у либерал-демократов¹⁶. Такие опасения со стороны либеральных демократов имели место с самого начала. Многие в ЛПВ считали, что референдум по избирательной системе в мае 2011 г. одновременно с местными выборами (по инициативе Н. Клегга) через год после формирования коалиционного правительства мог бы стать не столько голосованием собственно по данному вопросу, сколько оценкой деятельности правительства, принимающего «трудные» для населения меры.

Коалиционный характер правительства выявил недостатки пропорциональной системы, хотя «подвешенный парламент» сложился при мажоритарной системе. Тем не менее, превращать временную, как казалось, аберрацию в постоянную избиратели не хотели. Недовольными остались как сторонники старшего, так и сторонники младшего партнёра по коалиции, считая уступки слишком рискованными. В результате британцы, сделав вывод, что мажоритарная система предпочтительнее, провалили референдум 2011 г.

В том же 2011 г. был принят Закон о фиксированном сроке полномочий парламента, которого добивались либдемы. Коалиция изменила формулу о вотуме доверия правительству с простого большинства (50% + 1 голос) на большинство в 55% голосов в Палате общин. В случае вотума недоверия партийные фракции могли договариваться о формировании нового правительства, пользующегося доверием нижней палаты. Досрочные выборы могли состояться лишь с одобрения $\frac{2}{3}$ её депутатов.

В соответствии с Законом о фиксированном сроке полномочий парламента, принятым при коалиционном правительстве, следующие выборы состоялись в мае 2015 г. Все опросы обще-

¹⁶ Coalition government...

ственного мнения указывали на равные позиции двух ведущих партий (по 33-34%). Более того, их совокупный рейтинг (менее 70%) указывал на возросшие возможности для малых партий занять своё место «под солнцем». Результат всеобщих парламентских выборов 2015 г. стал сенсационным: тори получили 331 место в Палате общин, лейбористы – 232, ШНП – 56, ПЛД – 8, ПНСК и «Зелёные» – по 1¹⁷. Итоги выборов 2015 г., благодаря сохранённой мажоритарной избирательной системе, стали самыми диспропорциональными в истории страны. Обе ведущие партии по-прежнему получили большую долю мест в парламенте, чем доля поданных голосов. Разгромлены были либдемы и Партия независимости Соединённого Королевства (ПНСК). Однопартийное правительство консерваторов оказалось «менее нежелательным» (-3 п.п.) для избирателей по сравнению с остальными вариантами – однопартийным лейбористским или каким-либо коалиционным. Лейбористы, по существу, расплатились за нежелание реформировать избирательную систему. Тори укрепили своё преимущество, однако оно оставалось шатким.

Неудивительно, что Тереза Мэй, сменившая Д. Кэмерона на посту премьер-министра после проигранного им референдума о членстве Британии в ЕС (июнь 2016 г.), обратилась к Палате общин с предложением о досрочных выборах. Её цель состояла в том, чтобы на фоне кризиса в Лейбористской партии укрепить позиции правящей партии, которой предстояли сложные переговоры с Брюсселем о выходе Британии из ЕС.

Казалось, триумфальная победа тори на досрочных выборах была предreshена. Однако большинство в парламенте они утратили. Консерваторы уже не могли сформировать коалицию с ПЛД (либдемы испили свою чашу за «соглашательство» в коалиционном правительстве – лишь 8 мест), а со своей соперницей

¹⁷ Данные приведены по: Election 2015 results. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2015/results>; UK general election results in full. URL: <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2015/may/07/live-uk-election-results-in-full>; Election polls made three key errors. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/may/09/election-polls-made-three-key-errors>. Подробнее см.: Ананьева Е.В. Неожиданные итоги парламентских выборов 2015 г. Виноваты ли аналитики? // *Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выборов 2015 г. в Великобритании* / под ред. Е.В. Ананьевой. М., ИЕ РАН, 2015. С. 28-36.

ПНСК – отказывались. Оставался единственный выход – соглашение о поддержке (confidence-and-supply) с Демократической юнионистской партией – ДЮП (от Северной Ирландии), получившей лишь 10 мандатов. В целом большинство составило всего 328 мандатов (на 2 мандата превышая требуемое большинство в 326 мест). В итоге Британия вступила в полосу политического кризиса; правительство Терезы Мэй сотрясали отставки, вызванные несогласием его членов и депутатов-тори поддерживать курс премьер-министра на переговорах с ЕС. К серьезным осложнениям на этих переговорах привела позиция ДЮП. Таким образом, квазикоалиция с ДЮП на 3 года ввергла Британию в конституционный и политический кризис.

Между тем вотум недоверия, внесённый лейбористами 16 января 2019 г., провалился, а правительство было не в состоянии проводить через парламент свои законы, что вызвало паралич власти. Эксперты и политические деятели ещё в 2010 г. предупреждали о «серьёзной ошибке» этой идеи: право распустить парламент было передано не просто Палате общин, а её «супер-большинству» в 55% голосов. Получалось, что правительство, которое поддерживали лишь 45% депутатов, нельзя было сместить, а оно в свою очередь не могло добиться ни утверждения бюджета, ни положений своего предвыборного манифеста. По выражению в то время бывшего министра внутренних дел Д. Дэвиса, это «ужасная формула для правительства, которая может сделать его ущербным» (crippled)¹⁸.

Более того, в клинч вступили исполнительная, законодательная и судебная ветви власти в остром противостоянии сторонников и противников брекзита. Оппозиция строила планы создать коалиционное правительство, но не могла прийти к согласию, потому что вотум недоверия правительству уже не вносила.

Вывести из тупика ситуацию пытался уже третий за 5 лет премьер-министр Б. Джонсон, настаивая на роспуске парламента и досрочных выборах – вторых за 2 года. Ему удалось до-

¹⁸ Д. Дэвис – в правительстве Т. Мэй министр по делам выхода Британии из ЕС – ушёл в отставку 2018 г. в знак протеста против её плана брекзита (так называемого «чеккерского компромисса»). Fixed term 55% rule a serious mistake, says David Davis. URL: http://news.bbc.co.uk/2/mobile/uk_news/politics/8687110.stm (дата обращения 12.06.2020).

биться своего лишь с четвёртой попытки, когда оппозиция достигла своей цели – отсрочки брекзита до 31 января 2020 г., формального выхода Британии из ЕС.

На досрочных выборах 12 декабря 2019 г., благодаря мажоритарной системе, Консервативная партия под руководством Б. Джонсона получила неоспоримое большинство: 43,4% голосов, 56% мест (365 мандатов), а лейбористов ожидал разгром – 32,3% голосов и 31% мест (203 мандата)¹⁹. Правящая партия намерена изменить Закон о фиксированном сроке полномочий парламента, исходя из негативного опыта его действия, вызвавшего паралич законодательной и исполнительной власти. И оппозиция не сможет противостоять этим планам, учитывая подавляющее преимущество консерваторов в парламенте. Другое дело, воспользуется ли премьер-министр возвращённым правом назначить выборы до истечения срока полномочий парламента в случае падения рейтинга своей партии. В условиях кризисного состояния Лейбористской партии, которое она вряд ли сможет преодолеть к следующим выборам, коалиционного правительства не будет по меньшей мере два легислатурных срока, даже если положение консерваторов пошатнётся.

ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС В КОАЛИЦИОННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ А. МЕРКЕЛЬ

Используя базовые идеи, свойственные политической культуре²⁰, коалиционные правительства Германии способствуют формированию общественно-политического консенсуса. Благодаря этому можно оценить не только текущее состояние политической культуры, но и прогнозировать её перспективные тенденции.

¹⁹ UK results: Conservatives win majority. URL: <https://www.bbc.com/news/election/2019/results> (дата обращения 12.06.2020).

²⁰ Подробнее о политической культуре см.: Синдеев А.А. Европейская интеграция в политической культуре ФРГ // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001351-5-2> (дата обращения: 28.05.2020). DOI: 10.18254/S0001351-5-2.

Изучение внешнеполитического консенсуса позволяет решить три практические и одну теоретическую задачи: выявить содержательное наполнение подобного консенсуса применительно к ФРГ в период канцлерства А. Меркель; оценить его значимость с точки зрения развития российско-германских и российско-европейских отношений; высказать гипотезы, касающиеся основных трендов европейской и мировой политики; охарактеризовать роль коалиционных правительств в обновлении, воспроизводстве, освоении и применении базовых идей, т.е. в поддержании и изменении политической культуры и требуемого для деятельности политических акторов пространства. В данном случае под консенсусом понимаются общие идейные установки коалиционных договоров.

Все правительства А. Меркель были коалиционными. Три из них (2005–2009, 2013–2017, 2018–2021 гг.) представляли собой так называемые большие коалиции, в которые входили ХДС/ХСС и социал-демократы; одно (2009–2013 гг.) было построено на принципах малой коалиции и состояло из ХДС/ХСС и либералов (СвДП).

Укрепившаяся после объединения экономическая и политическая мощь Германии стимулировала политический истеблишмент к большей международной ответственности. В коалиционном договоре 2013 г. записано: «Мы хотим активно участвовать в оформлении глобального порядка... мы будем руководствоваться интересами и ценностями нашей страны»²¹. Участие «в оформлении глобального порядка» подразумевает участие в установлении правил этого порядка.

К интересам Германии, согласно коалиционным договорам, относятся создание пространств стабильности, или максимально дружественной международной среды; ценностная экспансия (распространение демократии, верховенства права и прав человека, выстраивание с их помощью отношений между государствами); «усиление субрегионального и межрегионального сотрудничества»²²; сохранение доверия «союзников и партнё-

²¹ Deutschlands Zukunft gestalten: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin, 2013. S. 117.

²² Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit: Koalitionsvertrag

ров»²³ и «эффективных мультилатералистских структур»²⁴, поскольку «[т]есная координация и совместные действия западного сообщества ценностей, просвещённых, правовых демократий... были и остаются одним из успехов “рецепта” германской внешней политики»²⁵.

Более того, «в глобализованном мире XXI столетия мы рассматриваем, – зафиксировано в коалиционном договоре 2009 г., – идею Запада как основу, а его институты как платформу германской внешней политики»²⁶. Впрочем, «концепция эффективного мультилатерализма» имеет и другую трактовку: согласно ей «начать действовать [должны такие] международные организации, которые наиболее приспособлены для решения той или иной конкретной проблемы»²⁷. Участие Германии и её активность ставятся в зависимость от «союзов и международных организаций», где членство принесло бы ей бóльшую пользу.

Европейский союз мыслится в качестве «гарант[а] политической стабильности, безопасности и благополучия»²⁸, а франко-германский тандем («уникальный по своей ширине и глубине»²⁹) назван «важным [непреложным] генератором импульсов (*Impulsgeber*)»³⁰. Этим, по всей видимости, объясняется и поиск средств повышения доверия к ЕС.

Во внешней политике и политике безопасности ЕС, по меньшей мере в «элементарных вопросах безопасности, обороны и разоружения в Европе», Федеративная Республика настаивает на «общих консультациях и совместном принятии решений»³¹, обязуется «участвовать в развитии и предоставлении необходимых компетенций»³², «будет использовать *все возможности*

zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin, 2005. S. 157.

²³ Ibid. S. 146.

²⁴ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit: Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. Berlin, 2009. S. 113.

²⁵ Ibid. S. 118.

²⁶ Ibid.

²⁷ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 158.

²⁸ Ibid. S. 147.

²⁹ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 114.

³⁰ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 148.

³¹ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 118.

³² Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 153.

(выделено автором), чтобы продвигать европейскую кооперацию в сфере вооружений при условии сохранения основных компетенций немецкой оборонной промышленности и её международной конкурентоспособности»³³. И в 2009 г., и в 2013 г. не сопаривалась идея европейской армии («всё более тесного союза европейских вооружённых сил») «с полным парламентским контролем»³⁴.

Незавершённый интеграционный проект в сфере обороны и безопасности, по мнению партий – участниц коалиций, не создаёт трудностей для «[е]вропейско[го] объединени[я] и атлантическо[го] партнёрств[а]», поскольку «[е]вропейск[ую] и атлантическ[ую] безопасность нельзя отделить друг от друга»³⁵; «[с]ильный Атлантический союз»³⁶ и дееспособная Европа дополняют друг друга»³⁷. При этом Германия «не исключает различия позиций» партнёров в их «наиболее ориентированных друг на друга экономических пространствах»³⁸.

В 2005 г. НАТО рассматривалась как место, «где... партнёры равноправно проводят консультации и координируют своё стратегическое представление»³⁹. В 2009 г. речь пошла даже о восприятии германо-американских отношений «в качестве усилителя мощи... интересов, что [якобы] повышает вес Германии в Европе и в мире»⁴⁰.

На первый взгляд отсутствуют какие-либо сомнения в значении ООН. В коалиционном договоре 2005 г. отмечено: «Объединённым Нациям и в дальнейшем отводится ключевая роль в сохранении мира и разрешении международных (*weltweit*) буду-

³³ Ibid.

³⁴ Подробнее см.: Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 118; Deutschlands Zukunft gestalten... S. 123.

³⁵ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 146.

³⁶ «Североатлантический альянс останется и в будущем самым надёжным якорем нашей совместной безопасности» (Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 119). «Трансатлантический альянс является и остаётся основополагающим фундаментом нашей политики безопасности и обороны перед лицом новых рисков и угроз глобализованному миру» (Deutschlands Zukunft gestalten... S. 117).

³⁷ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 113.

³⁸ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 152.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 118.

щих задач»⁴¹. Практически такую же формулировку можно встретить в коалиционном договоре 2013 г.⁴² Правда, одновременно с этим подчеркнута и роль «всеобъемлющей реформы ООН и Совета Безопасности... [для того] чтобы структуры этой международной организации отражали современные реалии»⁴³.

Внешнеполитические установки применительно к России остаются противоречивыми. С одной стороны, Германия в 2005 г. «совместно с ... европейскими партнёрами (выделено автором) выступ[ила] за стратегическое партнёрство»⁴⁴; в 2009 г. была бы удовлетворена «евро-атлантическ[ой] архитектур[ой] безопасности, которая... охватыва[ла бы] тесное партнёрство с Россией»⁴⁵. В 2013 г. предложила «расширить партнёрство модернизации на другие сферы»⁴⁶. С другой стороны, ФРГ ограничила данное партнёрство в 2005 г. ролью «важн[ого] партнёр[а] при устранении региональных и глобальных вызовов, в борьбе против международного терроризма и в отношениях... со странами-соседями [России]»⁴⁷. В 2009 и в 2013 гг. был добавлен ещё один ограничитель: «справедливые интересы соседей», которые ФРГ собиралась «учитывать при оформлении... двусторонних отношений»⁴⁸. Слова президента РФ В.В. Путина («мы рассматриваем пространство СНГ как сферу наших стратегических интересов»⁴⁹) всерьёз не принимались.

Таким образом, наличие консенсусных внешнеполитических установок в коалиционных правительствах А. Меркель в период с 2005 по 2017 гг. не вызывает сомнений. Мультилатерализм, к примеру, понимается через эффективность и иерархичность структурирующих его организаций и объединений: сначала ЕС

⁴¹ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 158.

⁴² Deutschlands Zukunft gestalten.... S. 119.

⁴³ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 113.

⁴⁴ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 156.

⁴⁵ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 119.

⁴⁶ Deutschlands Zukunft gestalten.... S. 118.

⁴⁷ Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit... S. 156.

⁴⁸ Wachstum. Bildung. Zusammenarbeit... S. 120. Ср. также: Deutschlands Zukunft gestalten.... S. 118.

⁴⁹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному собранию РФ, 16 мая 2003 г. // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998> (дата обращения 10.06.2020).

и НАТО, затем – ООН. России де-факто предлагается ограниченное сотрудничество. Китай, теперешний «стратегический противник», в отношении которого в то время согласие, по всей видимости, отсутствовало, упоминается в коалиционных договорах редко. Что касается ООН, то Германия была заинтересована в её реформировании, уменьшении влияния крупных (великих) держав – победительниц во Второй мировой войне.

Сравнение установок 2005–2017 гг. с коалиционным договором 2018 г.⁵⁰ позволяет выделить ещё три аспекта:

1) появляются «основанные на правилах международные формы сотрудничества (*Kooperationen*), институты и организации»⁵¹. Отказ от упоминания международного права завуалирован формулой «Объединённые Нации – фундамент основанного на правилах порядка»⁵². По сути, предпринята попытка нивелировать различие между «порядком, основанном на международном праве» и «порядком, основанном на правилах»;

2) коалиция из ХДС/ХСС и СДПГ согласилась сделать ставку «на сильные партнёрства и альянсы»⁵³, что «подпитывает» иерархичность международных отношений. В договоре 2018 г. декларируется, что «Германия преследует две главные (*zentral*) цели: Европа должна в международном плане становиться самостоятельнее и дееспособнее», укреплять «связи с США»⁵⁴;

3) применительно к России в договоре наблюдается явное смягчение позиции, поскольку подчёркивается «*víðdenie* (выделено мною – А.С.) общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока»; указывается на «возвращение к отношениям, основанным на обоюдном доверии и мирном балансе интересов»⁵⁵. Однако, с учётом пунктов 1 и 2, а также условий, отягощающих «возвращение», отличия от предыдущих коалиционных договоров не существенны.

⁵⁰ Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land: Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Berlin, 2018.

⁵¹ Ibid. S. 146.

⁵² Ibid. S. 149.

⁵³ Ibid. S. 146.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. S. 152.

Российско-германские и российско-европейские отношения перестали играть прежнюю роль во внешней политике ФРГ. Быстрое втягивание нашей страны в орбиту Запада не состоялось. Исходя из сложившихся реалий, Германию устраивают стабильные, а в некоторых вопросах даже доверительные, отношения с Россией, которые, однако, не помешают ей продолжить работу над стратегическим ослаблением международных позиций РФ путём подготовки реформ ныне действующих мультилатералистских институтов и создания нового варианта сплочения западной цивилизации⁵⁶.

Анализ внешнеполитического консенсуса в коалиционных правительствах А. Меркель позволяет высказать две гипотезы, касающиеся основных трендов европейской и мировой политики: *во-первых*, период занятости Германии в Европе и связанные с ней преобразования на национальном уровне потребуют по самым оптимистическим оценкам не менее десяти лет, в течение которых одна из важнейших задач Федеративной Республики будет заключаться в том, чтобы поддерживать управляемую нестабильность международной среды, поскольку нестабильность не даст возможность быстро, до появления согласованного западного варианта, укрепиться потенциальным конкурентам, что, впрочем, не мешает попыткам оказать влияние на «сложных партнёров», втянуть их в выгодные решения и заставить принять выгодные для Запада принципы и подходы; *во-вторых*, одновременно с этим стране предстоит делать всё от неё зависящее, чтобы на фоне управляемой нестабильности

⁵⁶ Профессор Н.В. Павлов придерживается другой точки зрения. «Очевидно, – подчёркивает он, – что Москва и Берлин заинтересованы в сохранении и приумножении накопленного за долгие годы позитивного потенциала российско-германского взаимодействия. Как минимум, вербально они будут последовательно выступать за поддержание и углубление равноправного, взаимоважительного диалога и демонстрировать готовность обсуждать самые различные инициативы и предложения, в конструктивном ключе решать имеющиеся вопросы. Все понимают, что, несмотря на “кризисы доверия”, вызовам и угрозам XXI в. можно противостоять только сообща и поддерживая постоянные контакты (Павлов Н.В. Германия – Россия – ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? // МЭиМО. 2019. №5. С. 73). Ср. также: Синдеев А.А. «Защита Запада»: вызов для Германии // Пределы лидерства Германии в Европе / Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 97-105.

и решения текущих проблем продвигаться по пути сплочения Европы и Запада. В целом, пока ФРГ, по всей видимости, только настраивается на данную роль.

На очередном этапе развития глобализации внешнеполитический консенсус будет помогать организовывать общественное большинство, поскольку благодаря консенсусу с 2005 по 2021 гг. появилось то, что Т.А. ван Дейк назвал «общекультурным знанием»: «Общекультурное знание, – писал он, – представляет собой основу коммуникации и интеракций в обществе, а также формирует корпус элементов предполагаемой дискурсивной компетенции собеседника. Данный тип знания носит, в основном, объективный, непротиворечивый характер»⁵⁷. Под «объективностью» и «непротиворечивостью», прежде всего, в силу частоты предъявления определённых установок, следует понимать сложившееся и поддерживаемое представление о бесспорности внешнеполитических базовых идей.

Таким образом, в период глобализации внешнеполитический консенсус в коалиционных правительствах, способствуя консолидации общества, может обеспечить изменение политической культуры и межпартийного взаимодействия.

ГЛАВА 3. ОПЫТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОАЛИЦИЙ ВО ФРАНЦИИ (2002–2020 гг.)

Начало XXI в. в политической истории Франции было ознаменовано двумя важными событиями. Во-первых, своеобразным «политическим землетрясением» стал выход одиозного Ж.-М. Ле Пена во второй тур президентских выборов 2002 г. – он сумел опередить Л. Жоспена, лидера социалистов, который, как казалось, имел все шансы занять президентское кресло. В результате Ж. Ширак с огромным отрывом над соперником одержал победу во втором туре выборов. Во-вторых, триумф Ширака, ставшего президентом во второй раз, был подкреплён солидным парламентским большинством – правые получили 398

⁵⁷ Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 209.

депутатов мандатов из 577 на выборах в Национальное собрание страны. Такие результаты во многом объяснялись тем, что в ходе президентских выборов практически все правоцентристские силы страны, представленные разными политическими формированиями (традиционные консерваторы, социальные либералы, неоконсерваторы и в первую очередь неоголлисты), удалось объединить в одну весьма эклектичную с идеологической точки зрения партию – «Союз за народное движение» (СНД). Нельзя не отметить также и то, что внушительной победе блока правоцентристов способствовало совмещение по времени (с разницей в один месяц) президентских и парламентских выборов. Оно сводило к минимуму вероятность «политического сожительства» президента и парламента, представляющих разные политические силы, тем более что срок президентского мандата был сокращён с 7 до 5 лет.

Три правительства Ж.-П. Раффарена (2002–2005 гг.), а затем Д. де Вильпена (2005–2007 гг.) формально были коалиционными, так как в них присутствовали представители малых партий – союзников СНД – «Радикальной партии»⁵⁸ и «осколков» «Союза за французскую демократию». На деле из 15-17 министров только 2-4 человека были беспартийными или союзниками неоголлистов.

Правоцентристская коалиция во главе с СНД повторила успех во время президентства Н. Саркози (2007–2012 гг.). На парламентских выборах 2007 г. она получила 345 мест – на 53 меньше, чем в предыдущую легислатуру. Расширился и состав правоцентристской коалиции: помимо «радикалов» в неё вошли малые партии – «Новый центр», «Форум социальных республиканцев», «Современные левые».

Шестой президент Пятой Республики, победивший под лозунгом «разрыва» с политикой своего предшественника, при формировании первых правительств Ф. Фийона⁵⁹ принял реше-

⁵⁸ «Радикальная партия» (полное название «Республиканская, радикальная и радикал-социалистическая партия») – одна из старейших из старейших во Франции – была основана в 1901 г. и просуществовала до 2017 г.

⁵⁹ Ф. Фийон оставался премьер-министром на протяжении всего пятилетнего президентского мандата Н. Саркози (беспрецедентный случай в истории правительств V Республики, начиная с 1970-х гг.), хотя состав трёх правительств

ние о привлечении в исполнительную власть политиков других политиков. Так, одна из ключевых должностей – министра иностранных дел в первом правительстве Ф. Фийона – была предложена бывшему социалисту Б. Кушнеру. Министерские портфели получили также бывшие социалисты: Эрик Бессон (вероятно, в качестве благодарности – он ушёл из команды С. Руаяль во время избирательной кампании) и Ж.-П. Жуойе. Министром обороны стал Эрвэ Морэн, а министром жилищного и городского строительства – Кристина Бутен, представлявшие «Новый центр» и «Форум социальных демократов». В состав кабинета вошёл также беспартийный представитель гражданского общества. Стоит отметить, что из 15 госсекретарей пятеро не были членами партии СНД.

Впрочем, первоначальное «разворачивание влево и к центру», выразившееся в приглашении бывших социалистов и беспартийных в состав правительства Фийона, к концу президентского мандата Н. Саркози потеряло свою актуальность – в третьем правительстве Фийона хотя и сохранились 4 новых министра, но все 9 министров-секретарей и 8 госсекретарей были членами СНД. К тому же президента и парламентское большинство при формировании правительства и внесении частичных изменений в его состав, пожалуй, больше заботило сохранение гендерного равенства, чем привлечение непартийных кандидатур.

Десятилетнее пребывание у власти правоцентристской коалиции во главе с неголлистами завершилось в 2012 г. победой социалиста Ф. Олланда и его партии в союзе с левыми партнёрами – в основном «Радикальной левой партией» и «Зелёными». Объединённые левые завоевали 295 мест в нижней палате парламента (абсолютное большинство) превзойдя триумф 1981 г., когда социалисты (правда, без учёта голосов партнёров) заняли 285 депутатских кресел. Сформированные по итогам выборов правительства Ж.-М. Эйро, М. Вальса и – под конец президентства Олланда – Б. Казенёва формально можно также считать коалиционными. Дело в том, что социалисты получали большинство портфелей министров, министров-делегатов и госсекретарей. Например, в первый состав правительства Эйро, состоявшем из

за это время частично менялся 12 раз.

18 министров, были включены 2 «левых радикала», 2-е «зелёных» и 1 человек, представлявший гражданское общество. В составе следующих правительств количество партнёров по «социалистической коалиции» ещё больше уменьшилось. Так, во втором правительстве Вальса из 18 министров на их долю приходилось только 2 министерских портфеля, а из 20 госсекретарей – всего 3 должности.

Неожиданная и, на наш взгляд, во многом случайная, объясняемая конъюнктурными обстоятельствами, победа в 2017 г. Э. Макрона на президентских выборах и его партии «Республика на марше» в ходе парламентских выборов переломила сложившуюся десятилетиями ранее практику формирования правительств. Хотя, вроде бы, все политические институты и механизмы политического устройства страны остались неизменными, но ситуация изменилась кардинально, так как фактически в результате электорального цикла 2017 г. разрушилась старая бипартийная структура партийно-политической системы Франции, главными столпами которой выступали две системные партии (де-факто политические блоки) – левоцентристы (социалисты и их «разнообразные левые» мелкие партии-союзники) и правоцентристы (эклектичная СНД, сменившая в 2015 г. название на «Республиканцев», и союзники).

Если для описания ситуации употреблять боксёрскую лексику, то французские социалисты оказались в глубоком нокауте, получив всего лишь 31 депутатский мандат в нижней палате парламента (худший результат за всю современную историю социалистов – предыдущий антирекорд 1993 г. в 57 депутатских мест был «улучшен» практически вдвое). Дальнейшее падение социалистов, проявившееся в ходе европейских выборов 2019 г. и муниципальных выборов 2020 г., поставило вопрос о выживаемости этой некогда могучей политической силы.

Не менее болезненно выборы 2017 г. сказались и на состоянии «Республиканцев». Казалось, на фоне бесславного правления Ф. Олланда и скромных результатов социалистического правительства успех был бы неминуем. Однако дискредитация Ф. Фийона, сомнения избирателей в политических перспективах всего руководства «Республиканцев», переход союзной партии

центристов «Демократическое движение» во главе с Ф. Байру на сторону Макрона не позволил правым добиться хорошего результата на парламентских выборах – они смогли получить только 99 парламентских кресел. Тем не менее, «Республиканцы», в отличие от социалистов, сохранили статус основной оппозиционной силы в новом составе парламента, хотя это было слабым утешением, сравнимым фактически с поражением. Особое сожаление вызывал тот факт, что победу над крупнейшей системной партией одержала наспех созданная под выборы макроновская партия «Республика на марше», получившая 313 мест в Национальном собрании, то есть абсолютное большинство.

Поражение двух системообразующих партий на парламентских выборах 2017 г. и выход на политическую авансцену новой политической силы нецентристской направленности, стало поворотным моментом в эволюции партийно-политической системы Франции последних двух десятилетий. Беспрецедентным событием в политической истории Пятой Республики можно считать и своеобразное формирование правительства. Действительно, впервые в современной Франции было образовано реальное коалиционное правительство, в которое вошли представители нескольких политических партий помимо «Республики на марше» и «Демократического движения»: «Республиканцы», социалисты, левые радикалы, а также представители гражданского общества (пост министра экологии достался известному и популярному в стране защитнику природы – Николя Уло). Самое интересное и, наверное, в известной степени парадоксальное, состояло в том, что премьер-министром стал не «маршист», а представитель оппозиционной партии – «республиканец» Эдуар Филипп. В результате в первом правительстве Филиппа 14 человек из 18 министров, входящих в состав правительства, не были представителями правящей партии.

Во втором правительстве Филиппа доля «чужаков» заметно поубавилась – из 19 министров уже 10 представляли «маршистов», из 17 госсекретарей – 11, тем не менее, коалиционный подход к формированию правительства остался неизменным. Это можно объяснить кадровым дефицитом: в новой партии было немного людей, имеющих опыт государственного управления,

работавших в региональных и местных органах власти. Тем не менее, представляется, что рекрутирование в исполнительную власть представителей различных политических сил, в том числе из оппозиции, соответствовало центристской линии молодого президента и его партии, считавшего, не без основания, что деление на правых и левых уже давно перестало отражать реальность, что нужно делать ставку на адекватных сегодняшним проблемам и вызовам политиков и технократов, независимо от партийной принадлежности, способных проводить необходимые, но одновременно болезненные реформы.

Такой подход, на наш взгляд, показал свою эффективность и в сложный для страны период пандемии COVID-19. Неслучайно один из малоизвестных чиновников, в прошлом мэр небольшого городка на юге Франции, затем занимавший должность заместителя генерального секретаря Елисейского дворца (т.е. второго человека в президентской администрации) во время президентства Н. Саркози, «республиканец» Жан Кастекс, координировавший работу властей по борьбе с пандемией, возглавил новое правительство страны в начале июля 2020 г. Конечно, можно предположить, что назначение на оставшиеся 600 дней президентства Макрона «технического премьер-министра», без политических амбиций (в отличие от популярного Эдуара Филиппа), является логичным шагом в программе подготовки к переизбранию нынешнего президента в 2022 г. Тем не менее, важно отметить, что Э. Макрон сохранил коалиционный подход при формировании нового правительства Кастекса. Правда, соотношение в его составе представителей различных партий и беспартийных заметно поменялось. Так, по подсчётам журналистов газеты «Le Figaro», процент представителей гражданского общества уменьшился с 39,5 до 21%⁶⁰. В целом доля левых сил снизилась с 25 до 21%, а что касается «Республиканцев» и других правоцентристов, то они вообще исчезли из состава правительства, в то время как в прошлом составе их было 22% (столько же, сколько и

⁶⁰ D'abord féminin, plus jeune, autant de gauche que de droite... Le gouvernement en un coup d'œil. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/plus-age-plus-feminin-plus-a-droite-le-nouveau-gouvernement-en-un-coup-d-oeil-20200707> (дата обращения 06.07.2020).

социалистов)⁶¹. Одновременно удельный вес «маршистов» впечатляюще возрос – 58%! Спрашивается: можно ли в таком случае говорить о сужении коалиционной базы нового правительства? Формально – да. Однако отмеченное резкое увеличение доли представителей правящей партии в правительстве объясняется тем, что многие в прошлом «чужаки» вышли из своих партий и вступили в ряды «Республики на марше» (например, так поступили бывшие «Республиканцы» Брюно Ле Мэр, Жерар Дарманэн, Себастьян Лекорню, вошедшие в новое правительство), к ним примкнула также часть беспартийных. Исчезновение из состава правительства Кастекса социалистов также объясняется тем, что практически все они вышли из рядов этой партии, положение которой после выборного цикла 2017 г., евровыборов 2019 г. и, наконец, муниципальных выборов 2020 г. стало критическим.

За последние два десятилетия во Франции в целом не сложилась практика создания полноценных, «классических» коалиционных правительств, если не считать некоего подобия коалиционной исполнительной власти в виде двух правительств Э. Филиппа (2017–2020 гг.) и недавно образованного правительства Ж. Костекса. Впрочем, такой подход президента Макрона к формированию правительств во многом объясняется тем, что собственных квалифицированных кандидатур в своей партии не нашлось, поэтому пришлось использовать «перебежчиков» из других политических сил, часто медийных персонажей из гражданского общества или маломощных союзников по парламентской коалиции.

Попытка Э. Макрона создать «правительство народного единства» (читай: широкой коалиции), чтобы эффективно преодолеть тяжёлые социально-экономические последствия пандемии COVID-19, не увенчалась успехом, что, в общем-то, было предсказуемо⁶². В силу этого формирование правительства

⁶¹ Gouvernement Castex: ceux qui entrent, ceux qui sortent. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/gouvernement-castex-ceux-qui-entrent-ceux-qui-sortent-20200706> (дата обращения 05.07.2020).

⁶² См. подробнее: Фёдоров С.М. «Перспективы формирования “правительства национального единства” во Франции». Аналитическая записка №23(206), 2020. ИЕ РАН. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/>

Ж. Кастекса во многом напоминало картину дежавю.

Вероятно, президент Макрон понимал невыполнимость задачи, так как её глубинной причиной послужила не столько сложившаяся политическая конъюнктура, специфика партийно-политической системы страны и французской политической культуры, сколько сами особенности политического устройства институтов Пятой Республики. Ведь её президентско-парламентская конструкция была предназначена для того, чтобы если не исключить, то, по крайней мере, ограничить практику формирования правительственных кабинетов на основе партийных коалиций, отличительной чертой которых была нестабильность. Именно она считалась основным пороком политической системы страны во времена как Третьей, так и послевоенной Четвёртой Республик. Аналогичную функцию выполняла и мажоритарная система голосования в два тура, способствовавшая формированию крупных политических партий, способных получить большинство мест в Национальном собрании и сформировать исполнительную власть, как правило, в одиночку или с ограниченным привлечением сторонних политических сил. Система в целом исправно работала, пока фактическую монополию на власть удерживали голлисты и близкие к ним политические формирования. Однако всё изменилось в 1981 г., когда впервые за многие десятилетия обе ветви власти оказались в руках социалистов. Затем, чем быстрее происходили общественные, экономические и политико-идеологические изменения и появлялись новые влиятельные политические силы, тем больше возникала неадекватность и негибкость адаптации институтов Пятой Республики к политическим реалиям – три периода «политического сожительства» яркое тому подтверждение. В результате достоинства системы, исключавшие правительственную чехарду, со временем стали тормозом политических процессов и демократического развития страны.

В этой связи предложения, высказываемые в основном крайне левыми («меланшоновцами» и остатками социалистов, объединившимися в политическую партию «Поколение S» под руководством Бенуа Амона), о переходе к Шестой республике

представляются сегодня не столь уж популистскими. Конечно, в ближайшее время вряд ли кто-то из серьёзных политиков решится на такое масштабное и рискованное реформирование институтов государственной власти. Тем не менее, на повестку дня, вероятно, до окончания срока пребывания Макрона в Елисейском дворце будет поставлен вопрос о введении – скорее всего, частичном – пропорциональной системы голосования на парламентских выборах. Напомним, что эта институциональная реформа входила в президентскую программу Макрона. В случае реализации предполагаемой реформы возможности для формирования полноценных коалиционных правительств во Франции существенно возрастут. Правда, не стоит думать, что это станет неким «волшебным лекарством» для упрочнения политической устойчивости страны. Дело в том, что тогда неизбежно проникновение во власть крайне правых и левых популистов. Их поддерживает более 40% французских избирателей, но популисты сейчас очень слабо представлены в нижней палате парламента. Между тем коалиции могут привести к тем проблемам, которые уже были в политической истории Франции.

ГЛАВА 4. ФРАНЦИЯ: СЛОЖНЫЙ ПУТЬ НЕПАРТИЙНЫХ КОАЛИЦИЙ

Новая ситуация или «испытание на прочность» в системе власти Пятой Республики возникла в 1986 г., когда из-за разницы в сроках выбора президента и парламента на очередных парламентских выборах большинство получили правые партии, а президентом ещё на два года оставался социалист Ф. Миттеран. По Конституции он имел право досрочно распустать парламента, однако ввёл в практику режим «сосуществования», назначив премьер-министром лидера правых Ж. Ширака. Для основателя Пятой Республики де Голля подобная ситуация оказалась бы совершенно немыслимой, но, как пишут французские исследователи, к середине 80-х гг. XX в. «у режима Республики прочно укрепился генетический код»⁶³, а система власти начала ви-

⁶³ Comprendre la V-e République (s.l.d. de J. Garrigues, S.Guillaume, J-F. Sirinel-

доизменяться. «Сосуществований» по итогам парламентских выборов было ещё два: в 1993–1995 гг. – Ф. Миттерана и правого премьер-министра Э. Балладюра; в 1997–2002 гг. – правого президента Ж. Ширака после неудачной попытки укрепить своё большинство за счёт досрочного роспуска Национального собрания и левого премьер-министра социалиста Л. Жоспена, правительство которого называлось «множественная левая» и состояло из социалистов, коммунистов, левых радикалов и экологов.

Влияние «сосуществований» имело двойственный эффект: с одной стороны, наблюдалась конфликтность отношений между президентом и премьер-министром, а с другой, «произошло выравнивание политических курсов»⁶⁴ традиционных правых и левых партий – неоголлистов и социалистов – в сторону центра. Первое обстоятельство привело правительство Ж. Ширака к успеху в 2000 г. референдума о сокращении президентского срока до 5 лет и проведении сначала президентских выборов, а затем парламентских. Таким образом укоренялась система «президентского большинства». Подтверждением второго фактора стали выборы по новым правилам 2002 г., когда во второй тур неожиданно для левых сил против Ж. Ширака вышел не социалист, а «несистемный» кандидат – лидер крайне правого Национального фронта Ж.-М. Ле Пэн, и, чтобы воспрепятствовать его победе, левые в большинстве голосовали за правого, но «системного» кандидата или предпочли воздержаться. В итоге, единственный раз в истории Пятой Республики президент Ж. Ширак был переизбран подавляющей долей голосов – свыше 80%, а вновь созданная в его поддержку во время избирательной кампании неоголлистская партия «Союз за народное движение» (СНД) получила в парламенте абсолютное большинство. В то же время биполярность режима власти сохранялась, и левые не участвовали в новом правительстве, которому Ж. Ширак попытался «придать характер умеренного управления, назначив пре-

li). P., PUF, 2010. P. 13.

⁶⁴ Raynaud Ph. Dans L'esprit de la Ve République. P., 2017. URL: <https://www.cairn.info/l-esprit-de-la-ve-republique--9782262034443-page-245.htm> (дата обращения 04.06.2020).

мьер-министром вышедшего из рядов СФД и присоединившегося к СНД Ж.-П. Раффарена»⁶⁵ и пытаюсь таким способом сгладить противоречия внутри президентского большинства. В случае если таковые возникали, во избежание его распада и ради победы на очередных выборах президент, как уже отмечалось выше, имел возможность заменить премьер-министра. Эволюция избирательной системы после 2002 г. исключила практику «сосуществования», и с этого момента вошла в практику стратегия избрания «рационального парламента»⁶⁶, где победившее во втором туре большинство стремится избегать досрочного роспуска президентом, но в то же время обладает правом в случае несогласия с его курсом, вынести на голосование вопрос о доверии его правительству.

Одержав победу на президентских выборах 2007 г. и получив на парламентских прочное правительственное большинство, лидер СНД Н. Саркози провёл в 2008 г. реформу Конституции, чтобы, как он сам об этом заявил, сделать Пятую Республику в демократическом отношении «примерной по части равновесия полномочий между ветвями власти и гарантии гражданских свобод»⁶⁷. Тактика реформы сводилась к «открытию» правоцентристского большинства влево, а суть – к выравниванию баланса полномочий между президентом и парламентом⁶⁸. Реформа создавала «эффект симметрии» между президентом и премьер-министром в системе власти. Не вдаваясь в детали политики Н. Саркози, отметим, что за первый пятилетний срок он не сумел «сохранить гетерогенное большинство, которое сплотил вокруг себя во время избирательной кампании»⁶⁹. Недовольство вызывали «мегаломания и грубость «гиперпрезидента», которые вели к навязыванию авторитаризма президентом и мешали работе правительства»⁷⁰.

Во втором туре президентских выборов 2012 г. Н. Саркози

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Le Monde, 15 mars 2007.

⁶⁸ Подробно о реформе см.: Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., Международные отношения, 2011. С. 89-97.

⁶⁹ Raynaud Ph. Dans L'esprit de la Ve République ...

⁷⁰ Ibid.

проиграл социалисту Ф. Олланду, которого поддержал глава правоцентристской партии Демократическое движение (MoDem) Ф. Байру. Он уже в 2007 г. дрейфовал в сторону соцпартии, но не решился тогда открыто поддержать её кандидата С. Руаяль⁷¹. Олланд поддержал лидер крайне левой партии «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшон. Оба политика надеялись, что войдут в левоцентристское правительство, но социалисты получили на парламентских выборах абсолютное большинство, Ф. Олланд мог в парламенте вообще обойтись без альянсов с другими партиями, но включил в коалиционное правительство лишь экологов.

Однако и коалиционное правительство Ф. Олланда не оказалось сплочённым. После смены премьер-министра в 2014 г. и назначения на этот пост социалиста левоцентристского толка М. Вальса из правительства Ф. Олланда вышли не только экологи, но и часть социалистов-фрондёров. Последние считали политический курс нового премьер-министра слишком либеральным и ратовали за «парламентское правительство». Они также выступали против использования главой государства ст. 49.3 Конституции, позволявшей принимать особо важные решения без консультаций с парламентом. В конечном итоге они «поставили вопрос о доверии собственному правительству»⁷². Распри внутрикоалиционные перекинулись на активистов социалистической партии и сильно разочаровали её электорат. В результате впервые в истории Пятой Республики действующий президент объявил 1 декабря 2016 г., что не будет выставлять свою кандидатуру на второй срок.

Специалисты посвятили немало публикаций анализу неординарной президентской кампании 2017 г., стремительному и блестящему «start-up» нынешнего президента Франции Э. Макрона, создавшего незадолго до выборов партию «На марше!» и объединившего своих сторонников после сокрушительной победы на парламентских выборах того же года в группу «Республика на марше» (РНМ)⁷³.

⁷¹ Poignant B. François Hollande en quelques dattes. URL: <https://www.cairn.info/revue-commentaire-2020-2-page-289.htm> (дата обращения 30.05.2020).

⁷² Raynaud Ph. Dans L'esprit de la Ve République...

⁷³ См., например: Бунин И. Выборы Макрона, или выбор Франции: француз-

Э. Макрон почувствовал, насколько исчерпала себя созданная после переизбрания в 1988 г. Ф. Миттераном практика чередования у власти традиционных левых и правых партий, предлагавших обществу с конца 80-х гг. свой либеральный, социальный и европейский выбор для защиты достижений французской модели в условиях глобализации, и рекомендовал её трансформировать⁷⁴. Он апеллировал особенно к тем социальным слоям, которые, разочаровавшись в сложившейся системе власти «либо находили прибежище среди антисистемных популистских партий, либо воздерживались во время голосований. Э. Макрон выдвинул позитивный проект, способный привести в движение застывшее общество»⁷⁵. Помогло ему и то, что неоголлисты и социалисты предложили снять кандидатов, непопулярных у электората. В результате система начала «дрейфовать в центр, а умеренные из обеих партий оказались в большинстве, чтобы поддержать кандидата центристов»⁷⁶, которым выступил Э. Макрон.

Весьма символичным стал факт воссоединения в 2017 г. после более чем 40-летнего распада партии радикалов и радикал социалистов на две части, о чём было сказано выше, в партию «Радикальное, социальное и либеральное движение» (РСЛД). Она заявила о безоговорочной поддержке «кредитоспособного» Э. Макрона, предложившего гражданам «достойную альтернативу традиционным партиям», и об участии в парламентской группе «Республика на марше»⁷⁷.

ская политика в 2017–2018 годах. М., Школа гражданского просвещения, 2018; Президентские выборы во Франции – 2017. М., ИМЭМО, 2017; Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. М., ИМЭМО, 2018; Свет и тени «эры Макрона». М., ИЕ РАН, 2019; Raynaud Ph. Trois ans après. URL: <https://www.cairn.info/revue-commentaire-2020-2-page-245.htm> (дата обращения 03.06.2020); Cayrol R. Remercié, Edouard Philippe deviendrait un recours // L'Obs. URL: <https://www.nouvelobs.com/mon-magazine/2900/e7ebf3f7-3beb-41d1-b7c7-a52179dde0bf> (дата обращения 05.06.2020).

⁷⁴ Raynaud Ph. Trois ans après. URL: <https://www.cairn.info/revue-commentaire-2020-2-page-245.htm> (дата обращения 03.06.2020).

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ <https://www.lejdd.fr/Politique/nous-sommes-en-marche-dix-deputes-radicaux-sopposent-a-la-creation-dun-nouveau-groupe-3650189> (дата обращения 03.06.2020).

Формируя правительство, Э. Макрон отказался от «коалиционной логики, альянсов и компромиссов в пользу «Республики на марше», что существенно сужает его социальную базу, лишает возможности создать «большую коалицию из левых «социал-либералов», правых либералов и христианской демократии»⁷⁸ и создаёт трудности для деятельности правительства. У Макрона обозначился типично президентский подход к Республике, давно вписанный в политическую культуру Франции. Её специфическое проявление – недоверие большинства граждан к системе «издержек и противовесов» во власти. Поэтому своих первых министров он рекрутировал на основе личной лояльности из представителей разных партий и гражданского общества, что было не совсем обычным для властных институтов.

Необычным оказалось назначение премьер-министром Э. Филиппа, принадлежащего к классической правой партии «Республиканцы», возникшей в результате преобразования СНД. Впервые в истории Пятой Республики «технократический тандем Макрон–Филипп» сложился из политиков, которые раньше не сотрудничали друг с другом. Как отмечают аналитики, «у них разные политические пристрастия: Э. Филипп часто повторяет, что он – выразитель правых взглядов, тогда как Макрон претендует на преодоление клише левые/правые. Если президент говорит о трансформации, то премьер-министр о восстановлении»⁷⁹.

После череды острых социальных конфликтов, прокатившихся по Франции в 2018–2019 гг. и далеко ещё не завершённых, а также выхода ряда министров из правительства, Э. Макрон и Э. Филипп, обновляя правительственный кабинет, взяли курс на усиление левого крыла, введя семь новых министров из социалистов и левых радикалов⁸⁰. В то же время угрозу абсо-

⁷⁸ Raynaud Ph. Trois ans après. URL: <https://www.cairn.info/revue-commentaire-2020-2-page-245.htm> (дата обращения 03.06.2020).

⁷⁹ Cayrol R. «Remercié, Edouard Philippe deviendrait un recours» // L'Obs. URL: <https://www.nouvelobs.com/mon-magazine/2900/e7ebf3f7-3beb-41d1-b7c7-a52179dde0bf> (дата обращения 05.06.2020).

⁸⁰ Ottenheimer G. Un parlement digne d'une démocratie de seconde zone // Challenge's, №657, 4 juin 2020. URL: <https://www.bfmtv.com/politique/avec-le-nouveau-gouvernement-macron-fait-des-oeillades-a-la-gauche-1191670.html> (дата обращения 05.06.2020).

лютному парламентскому большинству партии «маршистов», как называют сторонников президента, создал выход из группы «Республика на марше» семнадцати депутатов, которые образовали независимую девятую фракцию «Экология. Демократия. Солидарность» и заявили, что отныне они «ни в большинстве, ни в оппозиции»⁸¹. Положение спасло последовавшее неделю спустя формирование также из семнадцати депутатов пропрезидентской десятой фракции «Действовать вместе», объявившей о полной поддержке президента, «желании быть опорой его большинства», защищая идеи «политического и социального либерализма, гуманизма и европеизма»⁸². Отметим, что после 2020 г. премьер-министром стал бывший «республиканец» Ж. Кастекс.

Перечисленные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что при сохранении на всех уровнях власти мажоритарной системы выборов в два тура избежать биполярности Пятой Республике не удаётся. Э. Макрон, противопоставляя свой «прогрессивный» политический курс «консервативному» курсу партии «Национальное объединение» во главе с М. Ле Пэн, по сути, встал на тот же путь «политической игры», избегая внедрения в избирательную систему элементов пропорциональности, что могло бы привести к формированию во Франции правительств «большой коалиции».

ГЛАВА 5. КОАЛИЦИОННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ИТАЛИИ: СТАБИЛЬНОСТЬ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Прошло чуть более года с тех пор, как в результате правительственного кризиса в августе 2019 г. коалиция «Движения пяти звёзд» (Д53) и Демократической партии (ДП) пришла на смену «правительству перемен» (Д53 и «Лига»). Однако по-прежнему итальянские средства массовой информации, как и при

⁸¹ Ibid.

⁸² Assemblée: un 10ème groupe se crée et se place dans la majorité. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/assemblee-un-10eme-groupe-se-cree-et-se-place-dans-la-majorite-7800552336> (дата обращения 28.05.2020).

предыдущем кабинете, с завидной регулярностью продолжают сообщать о всё новых и новых разногласиях среди правящих партий, угрожающих распадом коалиции.

Формирование «правительства перемен» из двух популистских партий – «Лиги» и «Движения пяти звёзд» – в июне 2018 г. вызывало удивление как за пределами Италии, так и внутри, поскольку две политические силы относились к разным частям политического спектра. «Лига» выросла из региональной партии сепаратистского толка в общенациональную правую партию, стоящую на антииммигрантских и антиевросовских позициях. Д53 позиционировало себя как политическая сила, направленная против истеблишмента, ни правая, ни левая, но движимая желанием избавить Италию от засилья политического класса, управляемого, с их точки зрения, из Брюсселя и позволившего навязать стране политику жёсткой экономии. Она, по их мнению, вовсе не выводила Италию из кризиса, а всё больше загоняла в долговую яму и способствовала разрыву Севера и Юга страны. И хотя «Движение пяти звезд» никогда особо не заботила проблема иммиграции, а «Лиге» не свойственно было защищать права отстающего Юга, две партии сошлись в том, что коренную проблему Италии увидели в проблеме суверенитета⁸³. Именно в ЕС и исходящем из Брюсселя «внешнем управлении» «Лига» и Д53 обнаружили корень обеих главных проблем Италии – наплыва иммигрантов и экономического отставания.

Ключевые для обеих партий положения программы вошли в компромиссный «правительственный контракт», который жёлто-зелёная коалиция пыталась реализовать в течение 14 месяцев пребывания у власти. За данное время были проведены приоритетные для Д53 реформы, направленные на улучшение экономического положения наиболее уязвимых категорий населения: введён «доход от гражданства» и проведена пенсионная реформа. «Лига» же получила свободу рук в сфере безопасности и контроля над миграционными потоками, закрыв порты для судов с иммигрантами и приняв нашумевший «закон о безопасности», ужесточающий правила получения гражданства и статуса

⁸³ Алексеевкова Е.С. Страна победившего популизма: Италия после выборов. Современная Европа. 2019. №2. С. 106-117.

беженца на территории Италии.

Конфликт «правительства перемен» с ЕС стал, пожалуй, наилучшей точкой отношений Рима и Брюсселя. Публичный скандал с Францией из-за миграции и соперничества в Африке, антисанкционная риторика в отношениях с Москвой, присоединение к китайской инициативе «Пояса и пути» вопреки предостережениям ЕС, бескомпромиссная позиция в вопросе приёма мигрантов, отказ следовать рекомендациям Брюсселя в вопросах экономического и бюджетного планирования – вот тот неполный перечень тем, который на протяжении 14 месяцев составлял ЕС всерьёз беспокоиться о том, как бы Италия не стала лидером европейского «парада суверенитетов». Руководство Франции и Германии позволяло себе даже публично называть лидеров «суверенистов» «новой проказой» XXI в.

Между тем в самой коалиции не было полного единства по всем вопросам и сохранялся ряд значимых разногласий. Так, например, партии по-разному смотрели на проблему региональной автономии. Лидер «Лиги» М. Сальвини, отдавая дань политическим и идейным истокам своей партии как региональной силы, отстаивавшей некогда независимость Падании, поддерживал автономистские устремления ряда регионов севера страны. В частности, вопрос «дифференцированной автономии» довольно остро стоял с 2017 г., когда на основании проведённых консультативных референдумов в Венето и Ломбардии, а также по решению законодательного собрания Эмилии-Романьи стартовали переговоры с центральным правительством о предоставлении им большей автономии на основании ст. 116 Конституции. В жёлто-зелёной коалиции Д53 выступало против «деления граждан на категорию А и категорию Б», а «Лига» традиционно поддерживала автономистов⁸⁴. Другим поводом для разногласий стало строительство высокоскоростной магистрали Турин-Лион: «Лига» выступала за проект, с помощью которого планировала повысить инфраструктурную связность севера Италии с трансальпийскими соседями, а Д53 выступала против по

⁸⁴ Regioni. Salta il varo dell'autonomia differenziata. Il Tesoro e il M5S dicono no // La Repubblica. 14.02.2019. URL: https://rep.repubblica.it/pwa/longform/2019/02/14/news/regioni_autonomia_differenziata_cdm-219158337/

экологическим соображениям и усматривала в планах строительства коррупционные риски.

Формально именно голосование в парламенте по вопросу строительства магистрали и стало поводом для выхода «Лиги» из правительственной коалиции в августе 2019 г. Однако гораздо более значимыми факторами, спровоцировавшими кризис, стали два других, а именно: усиление позиций «Лиги» внутри страны и рост напряжённости в отношениях с ЕС после выборов в Европейский парламент в мае 2019 г. Накануне выборов самый харизматичный «суверенист», лидер итальянской «Лиги» М. Сальвини заявлял об «исторической миссии» по изменению всей Европы. Итоги выборов показали, что с марта 2018 г. «Лига» и Д53 фактически поменялись местами по уровню поддержки электората. Так, «Движение пяти звезд» с 32% опустилось до 17%. «Лига» же, напротив, удвоила результат (с 17% в марте 2018 г. до 34% в мае 2019 г.). Две других правых партии также попали в Европейский парламент: «Вперёд, Италия!» получила 6 мест (8,79% избирателей), а «Братья Италии» – 5 мест (6,46%)⁸⁵. Это, видимо, дало повод М. Сальвини думать о том, что в случае новых национальных выборов он может сформировать чисто правую правительственную коалицию, а Брюсселю – начать всерьёз опасаться возможности прихода правых суверенистов к власти в Италии. К лету 2019 г. стало понятно, что у М. Сальвини и премьер-министра Дж. Конте были диаметрально противоположные взгляды на выстраивание отношений с Брюсселем. В то время как нарастающая изоляция Рима в ЕС совсем не пугала лигистов, умеренный Конте и потерявшие значительную часть народной поддержки пятизвёздочки оказались отнюдь не готовы идти до конца в борьбе за идеалы национального суверенитета. Вскоре при голосовании в Европарламенте по вопросу утверждения главы Еврокомиссии Д53 поддержало кандидатуру Урсулы фон дер Ляйен (как и премьер-министр Дж. Конте), в то время как представители «Лиги» выступили против. Такой расклад даёт основание полагать, что ключевая роль в политическом кризисе августа 2019 г. принадлежала фактору

⁸⁵ Авилова А.В. Сила и слабость итальянских еврокритиков // Выборы в Европарламент – 2019. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 88-94.

ЕС, а вовсе не разногласиям по поводу реформ и строительства магистралей. После выборов в Европарламент стало понятно, какая из политических сил Италии готова к компромиссам и более гибкой позиции в отношении ЕС, а какая – нет. Исход политического кризиса, в ходе которого М. Сальвини просчитался и не получил досрочных выборов, подтвердил данный тезис: Д53 оказалось готовым демонстрировать лояльность ЕС и даже заключить новое коалиционное соглашение с главным представителем той самой «касты», повергшей Италию в затяжной кризис – Демократической партией – лишь бы сохранить свои позиции в кабинете, которые в случае проведения внеочередных выборов занять снова не удалось бы (на тот момент рейтинг партии не превышал 17%, а иногда опускался и до 15%).

Политический кризис августа 2019 г. и последовавшая в начале 2020 г. пандемия коронавируса принесли с собой снижение поддержки «Лиги», но не улучшение положения Д53 и ДП.

Неожиданный выход «Лиги» из коалиционного правительства стоил М. Сальвини существенной доли политической поддержки. Если накануне кризиса его рейтинг достигал почти 40%, то уже к концу августа он едва превышал 30% и с тех пор неуклонно снижается. Однако и новая жёлто-красная коалиция не может похвастаться ростом легитимности: в момент образования нового правительства рейтинг Д53 не превышал 18%, а рейтинг ДП – колебался вокруг 22%⁸⁶, так что даже сумма их поддержки не составляла большинства.

Пандемия закрепила эту тенденцию. М. Сальвини, лишённый возможности использовать методы площадной дипломатии в условиях COVID-19, продолжил терять позиции. Миграционная тема также отошла на второй план, и даже напротив – пандемия высветила потребность итальянской экономики (особенно аграрного сектора) в привлечении труда мигрантов. В целом в ряду угроз, наиболее остро ощущаемых обществом, иммиграция уступила место проблемам здравоохранения и экономическому кризису. Стоит отметить, однако, что снижение поддер-

⁸⁶ Ultimi sondaggi oggi 11 agosto: non è la Lega il primo partito. Tpi.it. 11 agosto 2019. URL: <https://www.tpi.it/politica/ultimi-sondaggi-politici-oggi-11-agosto-20190811391435/>

жки М. Сальвини не означало автоматического взлёта рейтинга его конкурентов – Д53 и ДП. На конец августа 2020 г. популярность «Лиги» составила всего 26%, при этом ДП доверяют по-прежнему 20%, а Д53 – 15% населения⁸⁷. Д53 и ДП, очевидно, не смогли проявить себя наилучшим образом в борьбе с пандемией и их рейтинг остаётся невысоким.

Однако другая тенденция итальянской политики стала ещё более очевидной под влиянием коронакризиса: персонализация политики и повышение роли премьер-министра в процессе принятия решений.

Ещё в период формирования жёлто-красной коалиции уровень поддержки Дж. Конте выгодно отличался от рейтингов ДП и Д53. Нельзя не отметить, что кандидатура премьера в новом правительстве была известна прежде, чем было принято окончательное решение Д53 и ДП о формировании коалиции. Это ослабляло позиции обеих политических партий, усиливало их зависимость друг от друга и от премьера, без поддержки которого лидерам едва ли удалось бы договориться. В итоге Дж. Конте за два года пребывания на посту премьера превратился из никому не известного профессора права в одно из главных лиц, принимающих решения. Сегодня фактор персонализации продолжает усиливаться. Об этом свидетельствуют данные соцопросов, согласно которым персональные рейтинги партийных лидеров оказываются стабильно выше рейтингов партий в целом⁸⁸. Уровень поддержки⁸⁹ премьер-министра Дж. Конте за время пандемии также возрос (62% в конце сентября 2020 г.).

Д53 до сих пор испытывает на себе последствия коалиционного соглашения с бывшим идейным врагом – Демократической партией. Партийный кризис, наступивший вскоре после форми-

⁸⁷ Il sondaggio politico di lunedì 31 agosto 2020. URL: <https://tg.la7.it/sondaggi/il-sondaggio-politico-di-luned%C3%AC-31-agosto-2020-31-08-2020-153128>.

⁸⁸ Sondaggi politici: gradimento per Conte al 62%, poi Speranza. In crescita Salvini e Meloni // Il Messaggero, 06.09.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/politica/sondaggi_politici_giuseppe_conte_governo_speranza_gradimento_matteo_salvini_giorgia_meloni-5446417.html.

⁸⁹ Sondaggi politici, fiducia governo, Conte e i leader: giù Meloni e Salvini, ok Di Maio e Zingaretti// Money.it, 26.09.2020. URL: <https://www.money.it/Sondaggi-politici-fiducia-governo-Conte-e-i-leader-giu-Meloni-e-Salvini-ok-Di-Maio-e-Zingaretti>.

рования жёлто-красной коалиции, привёл к отставке Л. ди Майо с поста главы партии в январе 2020 г. С тех пор Д53 не может определиться с фигурой политического лидера⁹⁰.

Никак не проявил себя во время пандемии лидер ДП Н. Дзингаретти: его рейтинг среди 20 глав регионов Италии во время борьбы с первой волной пандемией был самым низким (37%), а как первого лица партии и того ниже – всего лишь 25%⁹¹. Поддержка М. Сальвини снизилась до 31%. Зато на подъёме «Братья Италии» Дж. Мелони, персональный рейтинг которой вырос до 36%, что увеличивает её значимость не только на партийном ландшафте Италии, но и в масштабе ЕС (28 сентября стало известно, что Мелони возглавила Партию консерваторов и реформистов Европы⁹²).

Разногласия внутри коалиции ДП и Д53, а также внутри правой оппозиции («Лига», «Братья Италии» и «Вперёд, Италия!») обостряются в связи с различными подходами к мерам экономического восстановления. В целом всё это ослабляет партии, заставляя их уступать лидерство в политическом процессе премьер-министру, который к тому же в условиях пандемии взял на себя роль главного переговорщика Италии в ЕС, от которого зависит объём и условия экономической помощи из Брюсселя.

Необходимо более подробно остановиться на тех противоречиях внутри правящей коалиции, которые позволяют говорить о её хрупкости и неустойчивости.

Во-первых, они касаются возможности использовать Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ). 37 млрд евро фонда Италия может получить на цели улучшения системы здраво-

⁹⁰ Il voto fa bene al governo, ma ha tramortito i 5 Stelle. Il leader, le regole interne, i temi e la strada di Grillo: ecco quali sono i nodi (e le scadenze) del M5s dopo le Regionali // Il Fatto Quotidiano, 23.09.2020. URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2020/09/23/il-voto-fa-bene-al-governo-ma-ha-tramortito-i-5-stelle-il-leader-le-regole-interne-i-temi-e-la-strada-di-grillo-ecco-quali-sono-i-nodi-e-le-scadenze-del-m5s-dopo-le-regionali/5940024/>

⁹¹ Sondaggi politici: gradimento per Conte al 62%, poi Speranza. In crescita Salvini e Meloni// Il Messaggero, 06.09.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/politica/sondaggi_politici_giuseppe_conte_governo_speranza_gradimento_matteo_salvini_giorgia_meloni-5446417.html.

⁹² Giorgia Meloni eletta presidente dei Conservatori e riformisti europei // La Repubblica, 29.09.2020. URL: https://www.repubblica.it/politica/2020/09/29/news/giorgia_meloni_presidente_conservatori_europei-268859970/

охранения в случае согласия прибегнуть к инструменту ЕСМ. Однако внутри коалиции нет единства по данному вопросу. Д53 последовательно отстаивает позицию, что Италия не должна вновь опираться на ЕСМ, который был создан для преодоления последствий глобального экономического кризиса 2010–2011 гг. и известен своими жёсткими условиями. И даже после того как в Брюсселе было решено не связывать выделение денег какими бы то ни было условиями, кроме целевого расходования средств, Д53, апеллируя к народной коллективной памяти, по-прежнему настаивает на том, что инструмент эпохи жёсткой экономии не должен быть использован в данной ситуации, а сначала стóит израсходовать средства «Фонда восстановления», которые ЕС выделяет Италии (всего 209 млрд евро). Противоположной позиции придерживается ДП, считая, что неразумно отказываться от возможности дополнительного финансирования, в котором так нуждается итальянская система здравоохранения. Премьер Дж. Конте сохраняет нейтралитет, пытаясь выступать медиатором внутри коалиции и понять, удастся ли обойтись без ЕСМ, и готовит план реформ для утверждения в ЕС с тем, чтобы получить средства «Фонда восстановления»⁹³.

Серьёзные разногласия в коалиции вызывала также конституционная реформа, суть которой состояла в сокращении количества депутатов парламента с 945 до 600. Инициатором данных мер было Д53 ещё в составе предыдущей коалиции, где они совместно с правыми популистами рассматривали их в контексте общей задачи борьбы с правящей «кастой». Для Д53 было чрезвычайно важно провести до конца хоть одну реформу из того списка, с которым они пришли в правительство в 2018 г., потому как локомотив «Движения» в виде «дохода от гражданства» явно буксует⁹⁴. Демократическая партия в ходе трёх голосований в парламенте (два в нижней палате и одно в сенате) выступила против сокращения, но на четвёртом неожиданно поддержала инициативу, причём без изменения единой буквы за-

⁹³ Conte dribbla ancora il Mes ma il Pd aumenta il pressing // Formiche.it. URL: <https://formiche.net/2020/09/mes-conte-europa-pd-sanita/>

⁹⁴ I problemi del reddito di cittadinanza // Il Post, 28.09.2020. URL: <https://www.ilpost.it/2020/09/28/reddito-di-cittadinanza-scade-prima-tranche-disoccupazione-lavoro-navigator/>

конопроекта. Такая непоследовательность, безусловно, не идёт на пользу репутации левоцентристов, однако в краткосрочной перспективе помогла предотвратить распад коалиции.

Результаты референдума по конституционной реформе («за» проголосовало почти 70%), казалось бы, говорят об общественной поддержке её инициатора – Д53. Однако победу «Движения» омрачило то, что голосование проходило одновременно с региональными выборами в семи регионах Италии (Тоскана, Марке, Лигурия, Кампания, Апулия, Венето и Валле Д'Аоста), ни в одном из которых Д53 не показало конкурентоспособный результат (самый лучший показатель составил всего лишь 11% в Апулии)⁹⁵. Договориться о «коалиционных» кандидатах с ДП «Движению» удалось лишь в одном регионе – Лигурии, в остальных шести кандидаты от ДП и Д53 шли на выборы самостоятельно. Кандидатам «Лиги» удалось победить лишь в Марке и Валле Д'Аоста, а также Лука Дзайа с оглушительным успехом в 77% голосов остался главой региона Венето. В целом, анализируя итоги выборов, Институт Катанео делает вывод о превышении общего числа голосов, отданных за ДП и Д53 (в совокупности 57%), над числом голосов, отданных за правоцентристов, подчёркивая, тем не менее, что данная благоприятная для правящей коалиции ситуация едва ли может в полной мере характеризовать общенациональную ситуацию⁹⁶. Признавая слабые позиции Д53 на региональных выборах, Дж. Конте, однако, предпочитает разграничивать их результаты и оценки деятельности коалиции на общенациональном уровне, надеясь, что правительству удастся избежать реформатирования⁹⁷. В целом, по мнению премьер-министра, позиции суверенистов едва ли смогут укрепиться в ближайшее время, поскольку экономическое восстановление Италии зависит от финансовой помощи со стороны ЕС и от тех политических сил, которые этим восстановлением будут руководить. Однако анализ общественного

⁹⁵ Regionali: tutti i risultati // Corriere della sera. URL: https://www.corriere.it/elezioni/risultati-regionali-2020/?refresh_ce.

⁹⁶ Regionali, l'analisi del voto: Pd primo partito in Italia, M5S cede ma area di governo al 57% // Il Messaggero, 22.09.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/politica/elezioni_regionali_2020_pd_m5s_governo_percentuali-5478940.html.

⁹⁷ <https://www.facebook.com/GiuseppeConte64/posts/2611283172495810>.

мнения показывает, что лишь 38,6% итальянцев верят в то, что данное коалиционное правительство проработает до конца legislatury, т.е. до 2023 г.⁹⁸

Прошедший год пребывания у власти жёлто-красной коалиции можно охарактеризовать словосочетанием «стабильная неустойчивость». Помимо разногласий между правящими партиями по вопросам проводимых реформ, ситуация усугубляется серьёзным экономическим кризисом, вызванным пандемией, и необходимостью быстро договариваться и принимать решения. В этих условиях на первый план выдвигаются конкретные политические лидеры и происходит персонализация политики в ущерб нормальному функционированию политических институтов. Изначальный недостаток легитимности правящей коалиции, обусловленный тем, что она пришла к власти не в результате национальных выборов, а посредством закулисных переговоров, пока что компенсируется высоким уровнем доверия к премьер-министру. В целом, анализируя опыт двух последних коалиционных правительств в Италии, можно сделать вывод о том, что в современном политическом процессе Италии доминируют ситуативность и прагматичность коалиций, возрастание роли неформального переговорного процесса, дальнейшая деидеологизация и персонализация процесса принятия решений.

ГЛАВА 6. **«ПРОГРЕССИСТСКАЯ КОАЛИЦИЯ» В ИСПАНИИ: СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ И ВЫЗОВЫ COVID-19**

В начале января 2020 г. в новейшей истории Испании произошло знаковое политическое событие – впервые за 80 лет было образовано коалиционное правительство левых сил, пришедшее к власти с обширной программой социально-экономических преобразований. Однако вспышка коронавирусной эпидемии, поместившей испанское государство в эпицентр глобального распространения пандемии COVID-19, существенно затруднила

⁹⁸ Sondaggi politici elettorali oggi 29 settembre 2020: quanto durerà il governo Conte // TPI.it, 28.09.2020. URL: <https://www.tpi.it/sondaggi/sondaggi-politici-elettorali-oggi-29-settembre-2020-meloni-durata-governo-conte-20200928672686/>

деятельность испанских властей, поставив перед ними новые сложные проблемы.

В течение 2015–2019 гг. испанцы пережили несколько напряжённых избирательных кампаний. Только в 2019 г. дважды состоялись всеобщие выборы (28 апреля и 10 ноября), а также голосование в регионах. 26 мая граждане Испании выбирали депутатов Европейского парламента. В результате этого изнурительного электорального марафона все ведущие партии понесли определённые потери. По сути, страна находилась в состоянии затянувшегося институционального кризиса («политического паралича», как оценивали ситуацию многочисленные эксперты)⁹⁹, что помешало последовательному проведению в жизнь назревших социально-экономических реформ. Более того, в обстановке общественной дезориентации заметно оживились и перешли в наступление каталонские сепаратисты, подняли голову правые националисты, из партии «Вокс» (Vox), мощно ворвавшейся на общенациональную политическую сцену¹⁰⁰.

Исполнявший обязанности председателя правительства социалист П. Санчес по итогам всеобщих выборов 28 апреля, где социалисты показали неплохой результат, а их главный соперник из правоцентристской Народной партии (НП) потерпел неудачу. Всё же социалисты не сумели получить достаточного количества голосов для формирования кабинета без приставки (и.о.) и в конечном счёте пошли на проведение ещё одних выборов (четвёртых с 2015 г.). П. Санчес, выдвинув привлекательную для рядовых испанцев программу мер в социальной области, явно рассчитывал закрепить и развить апрельский электоральный успех и добиться необходимого парламентского большинства. Политическая действительность обратила эти расчёты в просчёты.

Состоявшиеся 10 ноября 2019 г. досрочные всеобщие парламентские выборы, как и в апреле, принесли победу Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), стоящей на социал-

⁹⁹ Santaaulalia I. Los que pagan la parálisis política // El País. Madrid, 15.09.2019.

¹⁰⁰ Яковлев П.П. Испания после избирательного марафона: вызовы нового политического цикла // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2(18). С. 61-75.

демократических позициях. Однако по итогам ноябрьского голосования социалисты не только не увеличили свой парламентский корпус, но потеряли три места (получили 120 мандатов вместо 123) в конгрессе депутатов – Нижней, но главной палате Генеральных кортесов (испанского парламента), тогда как консервативная НП неожиданно для лидеров ИСРП и многих местных и международных наблюдателей расширила своё представительство с 66 до 89 парламентариев.

Вопреки ожиданиям П. Санчеса и его сторонников, ноябрьские всеобщие выборы 2019 г. отнюдь не развязали тугие узлы испанской внутренней политики, а напротив – загнали её в тупик, когда ни одна партия в одиночку не могла сформировать правительство большинства.

Единственным выходом для ИСРП являлось скорейшее достижение договорённости с другими левыми силами о формировании *коалиционного правительства*. Подчеркнём, что в истории постфранкистской Испании такого прецедента не было, что отличает эту страну от многих других государств Европейского союза, где правительственные коалиции – неотъемлемая часть политической культуры. Собственно говоря, подобного рода правительственные кабинеты в Испании последний раз существовали в годы Народного фронта и гражданской войны (1936–1939 гг.).

По итогам почти двухмесячных интенсивных переговоров с руководителями Унидас Подемос, Левых республиканцев Каталонии и региональных партий П. Санчесу 7 января 2020 г. удалось заручиться их поддержкой и получить минимальное преимущество при голосовании в конгрессе депутатов своей кандидатуры на пост председателя правительства (167 голосов «за», 165 – «против» и 18 парламентариев воздержались).

Главной ценой этой не слишком убедительной победы стало согласие ИСРП на формирование коалиционного правительства с участием представителей других политических сил, а также нескольких беспартийных деятелей, кандидатуры которых не вызвали негативную реакцию договаривающихся сторон. Обстоятельством, априори ставившим «команду» П. Санчеса в политически уязвимое положение, стала полученная им фактиче-

ская поддержка Левых республиканцев Каталонии (партия воздержалась при голосовании в конгрессе и позволила лидеру социалистов избраться). Этот факт давал оппозиции повод упрекать ИСРП в «сотрудничестве с сепаратистами» и «предательстве национальных интересов»¹⁰¹.

Подобного рода заявления (а их было множество) указывали на то, что правление социалистов и их союзников обещало быть сложным, как из-за значительного количества накопившихся проблем, так и благодаря новой расстановке политических сил, отмеченной усилением позиций правых партий. Однако в начале января 2020 г. ещё никто в Испании не мог предсказать, что именно ждёт новое правительство и всю страну в самом ближайшем будущем.

После упорного торга за министерские портфели в состав кабинета вошли 23 человека, включая председателя правительства П. Санчеса. В том числе в правительство были включены 12 представителей ИСРП и ассоциированной с ней Социалистической партии Каталонии, образовавшие костяк исполнительной власти и составившие главную опору лидера социалистов. Среди министров-социалистов следует в первую очередь выделить «плавно перешедшую» из предыдущего кабинета и сохранившую пост первого вице-председателя Кармен Кальву, четвёртого вице-председателя и министра по вопросам экологии и демографии Тересу Риберу, министра юстиции Х. К. Кампо и министра финансов (и официального представителя правительства) Марию Хесус Монтеро. Наряду с представителями ИСРП, в состав кабинета министров вошли 5 членов Унидас Подемос и 6 – беспартийных.

Одной из особенностей коалиционного правительства стало рекордное количество заместителей председателя – четыре, одним из которых (а также министром по социальным правам) стал лидер Унидас Подемос П. Иглесиас, тогда как его супруга Ирене Монтеро заняла пост министра по вопросам равенства. В состав кабинета также вошли ещё три представителя Унидас Подемос: известный социолог М. Кастельс (министерство по

¹⁰¹ Catá J. Vox agita la calle con concentraciones contra el «traidor» Pedro Sánchez // El País, 12.01.2020.

делам университетов), член компартии экономист А. Гарсон (министерство потребления) и Йоланда Диас (министерство труда). Как видим, в сферу ответственности левых политиков вошли ключевые социальные вопросы, что правая оппозиция встретила в штыки, а бизнес-сообщество – настороженно. С их подачи в информационный оборот было введено определение «*социал-коммунистическое правительство*»¹⁰².

Для поддержания политического баланса П. Санчес ввёл в состав кабинета нескольких беспартийных министров, зарекомендовавших себя опытными профессионалами как в Испании, так и за её пределами, в частности, в структурах Евросоюза. Так, ключевые посты третьего вице-президента и министра экономики сохранила за собой Надиа Кальвиньо, в 2010–2018 гг. занимавшая ответственные должности в Европейской комиссии. Свои посты в правительстве сохранили министр обороны Маргарита Роблес, министр внутренних дел Ф. Г. Мараска и министр науки и инноваций П. Дуке. На пост министра социального обеспечения был назначен Х. Л. Эскрива, в 2015–2019 гг. возглавлявший объединение независимых налоговых институтов ЕС. Новым лицом в правительстве стала также беспартийная Аранча Гонсалес Лайя, занявшая пост министра иностранных дел. Ранее А. Гонсалес Лайя длительное время работала в организациях системы ООН¹⁰³.

Основные цели испанского правительства предварительно были определены в электоральных программных документах ИСРП и Унидас Подемос, а в окончательном виде согласованы и сформулированы в ходе переговоров о сотрудничестве между П. Санчесом и П. Иглесиасом. Концептуальные результаты их принципиальных договорённостей были зафиксированы в соглашении «Прогрессистская коалиция. Новое соглашение для Испании» от 30 декабря 2019 г.¹⁰⁴

За каждой задачей, сформулированной в указанном доку-

¹⁰² Ayora A. G. El silencio de los corderos // El Economista, 25.01.2020.

¹⁰³ Gobierno de España. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/gobierno/Paginas/index.aspx>.

¹⁰⁴ Coalición progresista. Un nuevo acuerdo para España. Madrid, a 30 de diciembre de 2019. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/12/30122019-Coalición-progresista.pdf>.

менте, своего рода «дорожной карте» деятельности коалиционного правительства, стояли конкретные проблемы испанской действительности, требовавшие решения. Часть проблем накопилась в период сложного посткризисного экономического восстановления и явно затянувшейся «политической паузы» 2015–2019 гг., что мешало полноценной деятельности членов правительства, пребывавших в статусе «исполняющих обязанности». Ситуацию не спас и стремительно «продавленный» социалистами вотум недоверия председателю правительства «народников» М. Рахою, равно как и уход последнего с политической сцены. Дело в том, что сменивший его на этом посту в июне 2018 г. П. Санчес не обладал необходимой парламентской поддержкой для решительных действий (в частности, страна продолжала жить с бюджетом, принятым НП). В результате, совершённый лидером ИСРП резкий поворот в испанской политике, не воплотился в глубинные социально-экономические изменения¹⁰⁵.

Тем самым, перед первым за более чем 80 лет коалиционным правительством Испании с самого начала стояли сложные и многообразные вызовы, адекватный ответ на которые мог быть дан, на наш взгляд, только при условии сплочённости членов коалиции, их последовательности в проведении намеченной линии в социально-экономической сфере, способности партнёров своевременно учитывать меняющуюся конъюнктуру и идти на необходимые компромиссы.

Неудивительно, что уже на первых заседаниях нового кабинета министров в январе 2020 г. прорабатывалась стратегия окончательного преодоления тяжёлых последствий кризиса 2008–2009 гг., предотвращения возврата рецессии и обеспечения прорыва в экономике, чтобы на этой основе добиться существенного повышения жизненного уровня основной массы населения, по ключевым социальным показателям вплотную приблизиться к передовым государствам Европейского союза. Как заявил П. Иглесиас, «мы (испанское руководство – авт.) хотим модернизировать испанское государство и сделать его выразителем интересов наиболее уязвимых слоев населения, хотим

¹⁰⁵ Яковлев П.П. Испания на крутом политическом вираже // Свободная мысль. 2018. №4. С. 97-110.

стать вакциной против ультраправой эпидемии в Европе»¹⁰⁶.

Исходя из такого рода приоритетов, в центре внимания коалиционного правительства оказалась программа действий по улучшению материального положения нуждающихся испанцев. В том числе:

- увеличение на 2 процентных пункта ставок налогов на доходы физических лиц, превышающие 130 тыс. евро в год, и на 4 п.п. – на доходы свыше 300 тыс. евро;

- также на 4 п.п. (с 23 до 27%) планировалось увеличить налоги на прибыль с капитала;

- для компаний с оборотом продаж свыше 20 млн евро в год предполагалось установить минимальный корпоративный налог в размере 15% (для банков и энергетических корпораций ставка составит 18%);

- введение налога на банковские транзакции, связанные с куплей-продажей акций крупнейших корпораций (так называемый «налог Тобина»), и «налога на Гугл», под действие которого попадают компании, торгующие электронными услугами;

- принятие закона, направленного на укрепление фискальной дисциплины и борьбу с уклонением от уплаты налогов;

- одновременно планировалось несколько (на 2 п.п.) снизить налоговую нагрузку на предприятия малого бизнеса с оборотом продаж ниже 1 млн евро в год¹⁰⁷.

Таким образом, целевой сценарий правительства левых сил предполагал финансирование ускоренного экономического роста с помощью налогового манёвра, нацеленного на увеличение фискальной нагрузки на крупный бизнес и расширение внутреннего покупательного спроса за счёт повышения доходов сравнительно низкооплачиваемых слоёв населения. Действуя в соответствии с духом и буквой «Нового соглашения для Испании», власти в феврале 2020 г. на 5,5% подняли размер минимальной заработной платы (МЗП), доведя его до 950 евро. Заметим, что это было уже второе повышение, осуществленное кабинетом П. Сан-

¹⁰⁶ Sanchez e Iglesias cierran un programa de Gobierno que incluye subida de impuestos para las rentas mas altas y alzas del SMI hasta los 1.200 euros // El Economista, 30.12.2019.

¹⁰⁷ Maestre R.J. Estas son las subidas de impuestos que han aplicado PSOE y Podemos. 04.03.2020. URL: <https://www.elblogsalmon.com/economia-domestica/>

чеса с декабря 2018 г., в результате чего размер МЗП возрос на 29% – совершенно беспрецедентный показатель для посткризисного периода.

Следующим решительным шагом в том же направлении стало повышение пенсий в апреле 2020 г. (их средний уровень превысил 1008 евро). В результате было улучшено материальное положение миллионов испанцев, что, по замыслу властей, должно было остановить или по крайней мере замедлить дальнейшее сжатие производства и вызвать позитивный мультипликативный макроэкономический эффект. Об этом, в частности, неоднократно говорил министр потребления А. Гарсон. Ещё весной 2019 г., задолго до назначения в правительство, он считал необходимым поднять уровень МЗП до 1300 евро в месяц, чтобы придать экономическому росту большую динамику¹⁰⁸.

Обрушившаяся на Испанию пандемия коронавируса COVID-19 смешала все политические карты, буквально перевернула с ног на голову устоявшиеся представления об эффективной хозяйственной деятельности и поставила перед «Прогрессивистской коалицией» во многом беспрецедентные задачи.

В Испании первый диагностированный на коронавирус пациент был зафиксирован 31 января 2020 г., но только с началом марта (с лагом больше месяца) количество заболевших начало расти буквально в геометрической прогрессии и по этому показателю страна стала одним из мировых лидеров. Данное обстоятельство, на наш взгляд, указывает на то, что в известной мере пандемия COVID-19 застала испанские власти врасплох.

Интенсивное наступление эпидемии заставило правительство П. Санчеса с 14 марта ввести на всей территории страны первую из трёх предусмотренных национальной конституцией категорий чрезвычайного положения, именуемую *estado de alarma*, что можно перевести как «состояние тревоги» или «повышенной готовности». (В скобках заметим, что вторая категория – собственно «чрезвычайное положение», а третья – «осадное положение»)¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Alberto Garzón aboga por elevar el salario mínimo a 1.300 euros. 2 de abril de 2019. URL: <https://www.elindependiente.com/politica/2019/04/02/alberto-garzon-aboga-elevar-salario-minimo-1-300-euros/>

¹⁰⁹ Rico J. Coronavirus: ¿Qué es el estado de alarma en España? ¿En qué consiste?

В соответствии с режимом «состояния тревоги» в Испании, как, впрочем, и во многих других странах, были установлены полные запреты или серьёзные ограничения на производственную деятельность, сферу услуг, транспорт и т.д. Введённый карантин лишил общительных испанцев свободы передвижения, обычно многолюдные и шумные городские улицы и площади казались вымершими. К контролю за передвижениями граждан и оказанию помощи социально незащищённым людям власти подключили полицию и армию. «Вирус, – писали местные наблюдатели, – парализовал страну»¹¹⁰.

Трудно преувеличить негативное воздействие коронавируса на испанскую экономику. Особенно тяжёлая ситуация сложилась в обрабатывающей промышленности – одном из локомотивов хозяйственного роста. В частности, автомобилестроение (ключевой индустриальный сектор) 18 марта 2020 г. остановило производство, в результате чего по итогам месяца выпуск сократился почти на 45% по сравнению с уровнем февраля. Только к 11 мая была восстановлена работа большинства автомобильных заводов, но и тогда перспективы отрасли оставались туманными, поскольку порядка 80% продукции традиционно отправлялось на экспорт, а положение на международных рынках характеризовалось непредсказуемостью¹¹¹.

Тяжелейшим последствием пандемии COVID-19 и вынужденного полного сворачивания или сокращения экономической деятельности стал рост безработицы. Снижение занятости и угроза повышения до опасного уровня градуса социального недовольства и напряжения обострили политические расхождения внутри правящей «Прогрессистской коалиции». Одним из камней преткновения стал пересмотр закона о реформе трудовых отношений, принятый в феврале 2012 г. правительством М. Рахоя и вызывавший острое недовольство профсоюзов и левых сил. На отмене закона (при молчаливом согласии П. Санчеса) настаивал П. Иглесиас, сделавший этот вопрос одним из главных

// El Periódico. Barcelona, 13.03.2020.

¹¹⁰ Fernández del Vado S. España, en estado de alarma // Revista Española de Defensa, abril 2020, №371. P. 8.

¹¹¹ Moral M.J. La actividad industrial, pendiente de la automoción // Cinco Días. Madrid, 15.05.2020.

в своей повестке. Однако позиция Унидас Подемос натолкнулась на сопротивление предпринимательских кругов и встретила негативную реакцию «пассивного» участника коалиции партии Левых республиканцев Каталонии, а также третьего вице-председателя правительства, министра экономика Н. Кальвино. По её мнению, в сложных условиях пандемии было «абсурдным и контрпродуктивным» развёртывать дискуссию на такую болезненную и «взрывоопасную» тему, как трудовая реформа¹¹².

Столкнувшись с отказом Левых республиканцев Каталонии поддержать инициативу П. Иглесиаса, сторонники в правительстве пересмотра трудового законодательства договорились о сотрудничестве с «Гражданами» и Баскской националистической партией, что в экспертном сообществе не без оснований расценили в качестве одного из примеров (далеко не единственного) известной политико-идеологической «размытости» коалиции, склонности её участников к ситуативным компромиссам и конъюнктурным альянсам¹¹³. События, связанные с эффектом COVID-19, только усилили эту тенденцию.

ГЛАВА 7. ФОРМИРОВАНИЕ И РАСПАД КОАЛИЦИИ ЛЕВЫХ СИЛ В ПОРТУГАЛИИ

Традиционное соперничество Социалистической партии (СП), позиционировавшей себя как левый центр, и правоцентристской Социал-демократической партии (СДП) в 2015 г. перестало быть доминирующим трендом. Отсчёт нового времени начался с неожиданного сговора социалистов с партиями идеологической ориентации левее центра (в Португалии их называют радикальными) – Левым блоком (ЛБ) и Компартией (ПКП), беспрецедентного в постреволюционной истории Португалии¹¹⁴. Заключённые с «блокистами» и коммунистами четырёхлетние соглашения предусматривали парламентскую поддер-

¹¹² Ruíz Sierra J., Rodríguez M.A. El Gobierno convierte la derogación de la reforma laboral en un nuevo lío interno // El Periódico. Barcelona, 21.05.2020.

¹¹³ A la intemperie // El País, 21.05.2020.

¹¹⁴ См. Яковлева Н.М. Португалия в поисках «нового времени» // Латинская Америка. 2016. №6. С. 38-49.

жку ими правительства, сформированного из членов СП. Речь не шла о создании правительственной коалиции, вхождении представителей левых в новый кабинет министров. Двусторонние договоры с каждой из партий предусматривали лишь перманентные консультации по актуальным проблемам и согласование позиций накануне парламентских дебатов и голосований по принципиальным вопросам. Таким образом, в Португалии возник своеобразный временный альянс партий левого спектра, политическое долгожительство которого первоначально вызвало большие сомнения¹¹⁵. Однако благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура вкупе с результатами деятельности предыдущего правительства под эгидой социал-демократов способствовали оживлению хозяйственной деятельности и улучшению условий жизни населения¹¹⁶. Не последнюю роль в этом сыграло само правительство, действовавшее в русле общеевропейской повестки, а также активность и маневренность премьер-министра А. Кошты, умело лавировавшего между различными силами и использовавшего возникающие противоречия для получения нужного результата.

Задача А. Кошты на первом этапе состояла в том, чтобы сгладить противоречия предыдущего периода нестабильности, найти компромисс с различными политическими силами, в первую очередь с левыми, и обеспечить консенсус по ключевым вопросам общественного развития. Нейтрализовать левых радикалов следовало потому, что именно они «ставили палки в колеса» правительству социал-демократов (2011–2015 гг.), противились политике жёсткой экономии, инициировали вотумы недоверия и в конечном итоге провалили кандидатуру П. П. Коэлью на пост премьер-министра. Левые проголосовали против его программы в Ассамблее республики осенью 2015 г., создав угрозу перманентных парламентских выборов по испанскому образцу.

¹¹⁵ См. Яковлева Н.М. Португалия: неясные очертания левосоциалистического эксперимента // Европа 2017: партии, выборы, власть / отв. ред. В.Я. Швейцер. М., ИЕ РАН, 2018. С. 76-77.

¹¹⁶ См. Яковлев П.П. Глобальные факторы экономического роста // Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / отв. ред. Н.М. Яковлева. М., ИЛА РАН, 2017. С. 24-31.

Компартию, «зелёных» и «блокистов» возмутили жёсткие меры по сокращению бюджетного дефицита, навязанные стране группой кредиторов (Еврокомиссия, МВФ и Европейский центральный банк). Их радикализация доходила до требований отказаться от выполнения согласованной с Брюсселем Программы стабилизации и роста, выйти из зоны евро, из НАТО, начать процесс национализации предприятий и т.д. Подписанные в 2015 г. соглашения позволили перенаправить их активность в более созидательное русло и нейтрализовать оппозицию в парламенте.

Основные вопросы, по которым социалисты консультировались с новыми союзниками, касались социальной сферы, их мнение учитывалось при обсуждении расходных статей государственного бюджета. В частности, под давлением левых партий был увеличен минимальный размер зарплат и пенсий, оказана поддержка семьям с детьми, проведён ряд мероприятий в сфере образования, начато обсуждение реформы в сфере здравоохранения. Главными бенефициарами политики альянса стали госслужащие и пенсионеры, которым вернули ранее урезанные или ликвидированные привилегии и социальные выплаты. Таким образом, по мнению португальских экспертов, альянс выполнил свою главную задачу – полностью отказался от политики жёсткой экономии периода 2011–2015 гг.¹¹⁷

Социально ориентированная программа правительства способствовала расширению базы поддержки партии власти и привела к заметному улучшению её электоральных результатов уже на муниципальных выборах 2017 г. На выборах в Европарламент в мае 2019 г. ей также удалось опередить всех соперников. Социалисты получили 9 мандатов, которые позволили им стать четвёртой по численности группой депутатов во фракции Прогрессивный альянс социалистов и демократов. Майские выборы стали первыми общенациональными выборами с прихода социалистов к власти в 2015 г. и были важны для премьер-министра и правительства как рекогносцировка сил в преддверии октябрьских выборов в национальный парламент, а также укрепления позиций Португалии в Евросоюзе и на внешнем пери-

¹¹⁷ Barata A., Carmo R. M. Portugal: ¿una socialdemocracia con futuro? Nueva Sociedad. 281. Mayo-junio 2019.

метре¹¹⁸.

В последние годы Португалия показала себя с самой выгодной стороны на мировой арене и выступила в качестве островка политической стабильности на фоне серьёзных вызовов, с которыми сталкивались другие страны Евросоюза. Маленькую иберийскую страну стали гораздо чаще упоминать в мировых СМИ, участились визиты в Лиссабон различных политических деятелей, активизировались двусторонние связи, возрос её авторитет на международной арене. Положительный имидж страны отразился на её привлекательности для международного туризма. Португалия переживала настоящий туристический бум: заметно увеличилась численность туристов и доходы отрасли. В 2019 г. был побит рекорд въездного туризма – страну посетили 27 млн человек¹¹⁹.

Достижения альянса левых сил в экономической и социальной областях превратили Португалию из периферийного маргинала, стоявшего на пороге дефолта всего несколько лет назад, в «витрину мирового социализма». «Португальский путь» выхода из тяжелейшего локального кризиса, отягощённого последствиями общемирового 2008–2009 гг., как и практика «невозможных альянсов» стали изучать в других странах. Председатель правительства Испании социалист П. Санчес неоднократно признавал, что использует опыт соседей в своей политической практике. Даже в западной прессе, поначалу скептически воспринявшей приход союза левых к власти, нашли лестные эпитеты для политики союза, назвав её «надёжной»¹²⁰, а модель управления – «маленьким чудом в Атлантике»¹²¹. Власти Евросоюза, которые изначально были настроены к эксперименту почти враждебно, стали приводить Португалию в пример другим членам сообщества. Такие результаты способствовали активизации дея-

¹¹⁸ См. Н.М. Яковлева. Португалия и Европарламент: от истории к современности // Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М., ИМЭМО РАН, 2019. С. 141-147.

¹¹⁹ Portugal registrou 27 milhões de turistas em 2019 // Hosteltur. 15.02.2020.

¹²⁰ Zuber H. A Socialist Success Story in Portugal // Der Spiegel. 01.10.2019.

¹²¹ Social democracy is floundering everywhere in Europe, except Portugal // Economist. 14.04.2018.

тельности А. Кошты в структурах ЕС, укреплению взаимосвязей с некоторыми внешнеполитическими партнёрами и, главное, победе на очередных парламентских выборах.

6 октября 2019 г. в Португалии состоялись очередные парламентские выборы, привлёкшие неожиданный и несколько преувеличенный для стороннего наблюдателя интерес. Дело в том, что в 2015 г. премьер-министр А. Кошта получил свой пост несмотря на то, что СП проиграла парламентские выборы социал-демократам. Это был беспрецедентный эпизод в истории португальской демократии и легитимность мандата подвергали сомнению¹²². Поэтому А. Кошта нуждался в убедительной победе на выборах и в полной легитимизации пребывания у руля управления страной.

Голосование 6 октября принесло социалистам ожидаемую победу, а премьеру – долгожданный мандат народного доверия. Правда, в этой бочке мёда не обошлось без ложки дёгтя. Разумеется, Кошта желал добиться для своей партии абсолютного большинства в Ассамблее республики (116 мандатов) и избавиться таким образом от «попутчиков», с которыми к концу нынешней легислатуры у него накопились разногласия. Однако СП получила на 8 мандатов меньше, чем требовалось, а это означало, как оказалось сразу после процедуры, что ей придётся вновь изыскивать союзников из числа депутатов других левых партий, которые в новом составе парламента получили в совокупности более 30 мандатов.

Однако дело приняло неожиданный оборот. Историческое поражение вечных политических соперников социалистов – социал-демократов и народников, ухудшивших свои предыдущие результаты, превращало их в потенциальных союзников. Неважные результаты этих партий, поддерживавших политику правительства социалистов в соответствии с договорённостями на протяжении четырёх лет, и беспрецедентная фрагментация парламента (10 парламентских партий вместо 7) также оставляли А. Коште определённое пространство для манёвра. Так, Унитарная демократическая коалиция (коммунисты и «Зелёные») потеряла в Ассамблее республики 5 депутатских мандатов по

¹²² Serra Lopes I. A Geringonça. Lisboa: Oficina do Livro, 2019.

сравнению с выборами 2015 г., что ухудшало её переговорные позиции. В ПКП, которая переживает транзитный период в связи со сменой лидера, утрату мандатов объяснили поддержкой «капиталистического курса» Соцпартии¹²³. Оставался открытым для договорённостей и Левый блок, который хотя и не укрепил, но и не ослабил свои позиции. Кроме того, расширился спектр левых партий, с которыми А. Кошта мог бы в принципе взаимодействовать. К коммунистам, ЛБ и Экологической партии «Зелёные», добавились некоторые новые образования.

Тем не менее, в 2019 г. А. Кошта избрал другую тактику и не стал заключать никакие зафиксированные договорённости ни с какими партиями. Причин несколько. Во-первых, в этот раз подобное требование не выдвигал президент М. Р. де Соуза¹²⁴. Во-вторых, итоги парламентских выборов показали, что электорат по-прежнему тяготеет к центру, чего А. Кошта не мог не учитывать¹²⁵. В-третьих, позиции СП в качестве правящей партии консолидировались настолько, что премьер, как ему казалось, мог рассчитывать на поддержку со стороны представителей других партий в парламенте по каждому отдельному вопросу. В специальном коммюнике партии было указано, что и в новой легислатуре будут продолжены предварительные консультации с левыми парламентскими партиями по принципиальным вопросам для поиска взаимоприемлемых решений. В то же время А. Кошта, выступая после выборов перед однопартийцами заявил, что сложились подходящие условия для политической стабильности и продолжения следования избранным партией курсом на протяжении всего мандата¹²⁶. Обвинения в распаде альянса, прозвучавшие из уст координатора ЛБ Катарины Мартинш, отвергли представители СП. Было сказано, что совмест-

¹²³ El socialista Costa gobernará en minoría en Portugal sin acuerdos estables // El País. Madrid. 11.10.2019.

¹²⁴ В 2015 г. требование договорённостей о поддержке кандидатуры А. Кошты на пост главы кабинета министров другими парламентскими партиями выдвигал тогдашний президент Силва ради политической стабильности и исключения внеочередных выборов в Ассамблею республики.

¹²⁵ 65% избирателей отдали голоса за центристские партии (СП и СДП), что позволило им увеличить представительство в парламенте на 21 мандат (всего 187 мандатов).

¹²⁶ El País. 11.10.2019.

ная работа будет продолжена, но в форме устных консультаций¹²⁷.

Устные договорённости с союзниками из левого спектра включали поддержку кандидатуры А. Кошты на пост главы кабинета, что и произошло во время голосования в обновлённом парламенте. Левые фракции утвердили и программу XXII правительства, которое стало самым многочисленным в постреволюционный период (19 министров и 50 секретарей). Вступая в должность 26 октября 2019 г., Кошта пообещал поднять минимальную заработную плату¹²⁸ и провести структурные реформы, в первую очередь в области здравоохранения.

Надо признать, что электоральный успех социалистов не снял с нового правительства Португалии необходимость устранить дисбалансы в экономике и решить находящиеся в центре внимания левых партий социальные вопросы (одно из их требований – реформа трудового законодательства и всеобщее повышение уровня оплаты труда). Однако наибольшим испытанием второго мандата португальского премьера становится пандемия COVID-19 и её последствия.

Правительство Португалии относительно быстро отреагировало на возникшую угрозу и решительно внедрило действенные меры в борьбе с коронавирусом. 12 марта, когда в стране было чуть более ста случаев заражения и ни одной жертвы эпидемии. Совет министров выпустил коммюнике о реализации обширной программы для противостояния распространению вируса SARS-CoV-2¹²⁹. Принятие своевременных мер поддержали другие политические партии и общество. Это не означало полного отсутствия разногласий, но расхождения носили частный характер. Также нельзя утверждать, что санитарно-эпидемиологическая ситуация была безупречной. Тем не менее, считается, что действия португальских властей дали хорошие результаты, особенно в сравнении с другими европейскими странами, в частности, с соседней Испанией¹³⁰. По данным на 1 июля 2020 г. общая чис-

¹²⁷ PS responde a Catarina Martins // Observador. 11.10.2019.

¹²⁸ С 1 января 2020 г. минимальная зарплата в Португалии была повышена до 635 евро, увеличившись на 115 евро с 2015 г.

¹²⁹ Governo decreta estado de alerta // Jornal de Negócios. 13.03.2020.

¹³⁰ FAES contrapone la buena gestión de Costa a la de Sanchez. EUROPA PRESS.

ленность зараженных в Португалии превысила 42 тыс. чел., погибших – более полутора тысяч человек (36-е место в мире)¹³¹.

Понятно, что со временем разного рода уязвимые места и проблемы, проявленные в ходе пандемии, негативно отразятся на экономике в целом и нанесут заметный урон отдельным отраслям. Предполагается, что Португалия станет одной из трёх европейских стран после Италии и Испании, которых ждёт существенное замедление экономического роста. Особенно серьёзные потери понесёт туристическая отрасль, совокупные доходы которой составляют шестую часть ВВП Португалии.

С учётом пережитых шоков правительству предстоит внести определённые коррективы в свою политику и в большей степени, чем предполагалось сразу после парламентских выборов, искать компромиссы с другими партиями для политической стабильности. Важные баталии затронут, без сомнения, все политическое пространство. Испытание, выпавшее на долю страны, заставит общество по-новому оценить истинные амбиции и претензии всех политических игроков. Как и во многих других странах, проявится общественный запрос на качество лидерства. В 2020 г. Португалия свободна от электоральных битв, однако результаты борьбы с пандемией COVID-19 могут оказать существенное влияние на будущий расклад сил.

ГЛАВА 8. ГРЕЦИЯ: МАЛЫЕ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА МЕСТО ВО ВЛАСТИ

В большинстве стран ЕС формирование, функционирование и распад коалиционных правительств давно стали привычной частью политической жизни. Для Греции периода Третьей республики (с падением диктатуры «чёрных полковников» в 1974 г. и до наших дней), правительства в составе двух и более партий – явление нетипичное, которое наблюдалось лишь в те годы, когда страна переживала глубокие потрясения. Данная особенность во многом обусловлена греческим избирательным

29.05.2020.

¹³¹ John Hopkins University. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality>.

законодательством, благодаря которому в стране сложилась и продолжает действовать (хотя и с оговорками) квазидвухпартийная система.

После окончательного перехода от монархии к республике большинство парламентских выборов в Греции проходило в соответствии с усиленной пропорциональной избирательной системой¹³². Эта система действовала по-разному. В 1974–2004 гг. поданные за лидирующие партии голоса конвертировались в большее количество депутатских мест за счёт многоуровневой системы распределения мандатов¹³³ (на втором уровне места отдавались тем партиям, которые преодолевали 17%-ный порог). В 2004 г. была проведена избирательная реформа, резервировавшая 40 дополнительных («бонусных») мест за партией-победительницей. В 2008 г. количество бонусных мест было увеличено до 50, то есть $\frac{1}{6}$ части греческого парламента (Вули). Индекс Галлахера, отражающий несоответствие между долями голосов, поданных за политические партии на выборах, и долями мест, полученных ими в представительных органах, в Греции стабильно высок¹³⁴ и близок к соответствующему показателю для стран с мажоритарной системой. Для того чтобы сформировать однопартийное правительство, победившей партии в большинстве случаев достаточно было набрать всего 40% голосов (а иногда и меньше).

Усиленная пропорциональная избирательная система была (и в известной мере остаётся до сих пор) ключевым фактором, способствующим сохранению в Греции внутривнутриполитической стабильности. Наличие у правящей партии парламентского большинства существенно упрощает работу правительства, позволяя

¹³² Простая пропорциональная система вводилась дважды и на непродолжительное время. Первый раз – в 1989 г. Всегреческим социалистическим движением (ПАСОК). Результатом этого эксперимента стал политический кризис рубежа 1980–1990-х гг. Второй раз – в 2016 г. партией СИРИЗА (согласно греческой конституции, соответствующий закон начнёт действовать через одни выборы, то есть ориентировочно в 2023 г.).

¹³³ Глоссарий терминов избирательного права. Европейская комиссия за демократию через право. Страсбург, 2011. С. 10.

¹³⁴ Tsatsanis E., Teperoglou E. Greece's coalition governments: Power sharing in a majoritarian democracy. In book: *Coalition Government as a Reflection of a Nation's Politics and Society*. Ed. by Evans M. Routledge, 2019. P. 227.

ет ему оперативно реагировать на стоящие перед страной вызовы. Именно поэтому многие эксперты признают, что для Греции как страны с традиционно сильным политическим антагонизмом, уходящим своими корнями в глубь истории, и слабой культурой принятия консенсусных решений такая система наиболее оптимальна. Однако у неё есть и обратная сторона: её бенефициарами являются две крупнейшие партии, имеющие реальные шансы прийти к власти. С точки зрения значительной части избирателей, самой разумной стратегией была бы поддержка либо партии, занимающей лидирующие позиции согласно опросам общественного мнения, либо её ближайшего конкурента, даже в том случае, если это «выбор из двух зол». На протяжении длительного периода – с 1974 по 2012 г. – такими двумя партиями были ПАСОК и «Новая демократия», аккумулировавшие голоса соответственно слева и справа от политического центра. Доля собираемых обеими партиями голосов в разные годы варьировалась от 66 до 87%. В результате выборов 2012 г. на левом фланге произошла «смена караула», и главной «точкой сборки» левых сил стала партия СИРИЗА.

Что касается малых партий, то они, как правило, вынуждены довольствоваться положением «вечной оппозиции». Самое стабильное положение у Коммунистической партии Греции (КПГ) – одной из старейших политических организаций страны, которая имеет стабильную электоральную базу и получает от 4 до 8% голосов (а действуя в коалиции с другими мелкими партиями – даже больше). Помимо коммунистов в парламент удавалось пробиться и другим партиям, расположенным в левой части политического спектра («Демократическая левая», «Река», Союз центристов и Европейский реалистический фронт неповиновения), но ни одна из них, за исключением, конечно, партии СИРИЗА, не смогла закрепиться там надолго. Ещё большей подвижностью отличается правый фланг греческой партийно-политической системы. Справа от «Новой демократии» в разные годы добивались электоральных успехов и затем уходили в политическое небытие сильно различающиеся по своей идеологии и генезису партии. Это «Политическая весна» и «Независимые греки», образовавшиеся в результате расколов внутри «Новой

демократии», Народный православный сбор и «Греческое решение», сумевшие временно консолидировать голоса консерваторов и националистов, а также неофашистская «Золотая заря».

Неустойчивость малых партий связана, прежде всего, с тем, что им крайне сложно конкурировать с двумя ведущими партиями, которые фактически монополизировали политический процесс. Возможность вырваться из отведённого им «электорального гетто» и прийти к власти (пусть даже в качестве младшего партнёра в составе коалиции) открывается перед ними лишь в двух случаях – изменения избирательного законодательства или синхронного снижения рейтинга двух крупнейших партий. Первый имел место в 1989 г., когда выборы прошли на пропорциональной основе. Второй – в годы долгового кризиса и «великой рецессии».

Пребывание у власти коалиционных правительств в период рецессии первой половины 2010-х гг. и посткризисного восстановления было обусловлено резким снижением популярности двух главных партий, политика которых привела к беспрецедентному кризису в экономике и тяжёлым социальным последствиям. На фоне роста налоговой нагрузки и постоянного сокращения бюджетных расходов, которые навязали Греции международные кредиторы (МВФ, ЕЦБ и Еврокомиссия), в стране росла поддержка радикальных партий, критиковавших «кабальные» условия финансовой помощи. Всё это привело к тому, что главным стержнем греческой политики вместо прежнего противостояния ПАСОК и «Новой демократии» стало противоборство партий, признававших необходимость продолжать сотрудничать с кредиторами в прежнем формате (*pro-memorandum parties*), и партий, выступавших против этого (*anti-memorandum*)¹³⁵. Традиционное для Греции деление партий на левые и правые временно утратило актуальность. ПАСОК оказалась в одной упряжке с правоцентристской «Новой демократией» и некоторыми другими, более мелкими партиями, готовыми продолжить непопулярные реформы ради экономической стабилизации.

¹³⁵ Teperoglou E., Tsatsanis E. Dealignment, De-legitimation and the Implosion of the Two-Party System in Greece: The Earthquake Election of 6 May 2012 // *Journal of Elections Public Opinion and Parties*. Vol. 24(2), 2014. P. 234-238.

Осенью 2011 г. рост протестной активности и недовольство политикой ПАСОК внутри самой партии поставили страну на грань серьёзного политического кризиса. В начале ноября премьер-министр страны Г. Папандреу (сын основателя партии А. Папандреу) ушёл в отставку. Было создано временное коалиционное правительство с участием всех партий, готовых поддержать антикризисную политику. Главой правительства стал Л. Пападимос, ранее занимавший должности председателя Банка Греции и зампреда ЕЦБ. В новый кабинет вошли представители трёх партий, поддержавших политику бюджетной экономии, – ПАСОК, «Новой демократии» и праворадикального Народного православного сбора (ЛАОС). В обмен на свою поддержку лидер правоцентристов А. Самарас потребовал провести в кратчайшие сроки досрочные парламентские выборы.

В СМИ этот кабинет министров нередко называли «правительством технократов», что, однако, не соответствовало действительности. Единственным «технократом» в его составе можно было назвать самого Л. Пападимоса, который на протяжении большей части своей карьеры позиционировал себя вне политики. Ключевые должности, напротив, достались довольно известным представителям ПАСОК и «Новой демократии». Также один министерский портфель получил депутат от ЛАОС М. Воридис, известный своими националистическими взглядами.

Главной задачей администрации Л. Пападимоса помимо подготовки к досрочным парламентским выборам было достижение договорённостей с «тройкой» международных кредиторов о новом пакете помощи. Ради этого ему пришлось снизить минимальный размер заработной платы, пенсии, урезать расходы на здравоохранение и оборону, т.е. пойти на меры, которые негативно воспринимала даже часть депутатов правящих партий. В феврале 2012 г. ЛАОС приняла решение покинуть коалицию, а единственный министр от этой партии, чтобы сохранить свой портфель, перешёл в «Новую демократию».

Майские выборы 2012 г. подтвердили изменение расстановки сил в греческой политике. Первое и второе места заняли соответственно «Новая демократия» и леворадикальная СИРИЗА, но из-за большого количества голосов, доставшихся малым пар-

тиям, ни одна из них не смогла сформировать правительство. На прошедших в июне того же года повторных выборах правоцентристы улучшили свои позиции и провели в Вули 129 депутатов, но для того, чтобы сохранить власть, им пришлось заручиться поддержкой ПАСОК (33 места) и небольшой партии «Демократическая левая» (17 мест). Партия ЛАОС – прежний союзник по коалиции – в парламент не прошла.

Правительство во главе с председателем «Новой демократии» А. Самарасом формально считалось коалиционным, но фактически представляло собой «блок правоцентристов и беспартийных», в котором абсолютное большинство министерских портфелей принадлежало партии правого центра. Фракции ПАСОК и «Демократической левой» выдвинули на министерские должности в основном независимых кандидатов, не принадлежащих ни к одной из партий. Очевидно, что цель этих партий состояла, с одной стороны, в том, чтобы не допустить прихода к власти радикальных сил, с другой стороны – по возможности избежать ответственности за новые меры бюджетной экономии, что, однако, им не удалось.

И ПАСОК, и «Демократическая левая» в последующие три года стали терять доверие избирателей, которые не видели разницы между ними и «Новой демократией». В июне 2013 г. «Демократическая левая» попыталась отмежеваться от политики правительства и, используя в качестве предлога закрытие убыточной Греческой корпорации телерадиовещания, в знак протеста покинула коалицию. Как и в случае с ЛАОС, её переход в стан оппозиции оказался запоздалым: на январских выборах 2015 г. она потерпела сокрушительное поражение и не прошла парламент. Для ПАСОК последствия участия в коалициях с «Новой демократией» также были сугубо негативными: за некогда крупнейшую партию Греции отдали свои голоса всего 4,7% греков, а число полученных ею мест в парламенте сократилось до 13. Впоследствии ПАСОК сумела несколько улучшить своё положение, но для этого ей пришлось объединиться с рядом других социал-демократических и центристских партий и провести ребрендинг (её новое название – Движение за перемены).

Главным результатом состоявшихся в январе 2015 г. выборов в парламент Греции стала победа партии СИРИЗА, за которую отдали свои голоса более 36% избирателей. Фракция левых радикалов составила 149 депутатов. Оставшиеся места в парламенте были распределены между шестью партиями – «Новой демократией», ультранационалистической «Золотой зарёй», центристским движением «Потами», КПП, правопопулистской партией «Независимые греки» и ПАСОК.

Таким образом, крупнейшую фракцию образовала леворадикальная партия, ранее никогда не находившаяся у власти. Однако достигнутого ею результата оказалось недостаточно, чтобы самостоятельно сформировать правительство, поэтому СИРИЗА была вынуждена вступить в коалиционное соглашение с одной из малых партий. Выбор левых радикалов пал на популистскую партию «Независимые греки», представляющую правый спектр греческой политики, но обе партии были солидарны в своём намерении пересмотреть неприемлемо тяжёлые для Греции условия получения кредитов. В коалиционном правительстве большая часть должностей, включая пост премьер-министра, который занял А. Ципрас, досталась левым радикалам. В то же время ряд важных министерских портфелей получили «Независимые греки», лидер которых П. Камменос возглавил министерство обороны.

Основной задачей первого правительства А. Ципраса стали переговоры с партнёрами по Евросоюзу и МВФ об условиях программы финансовой помощи Греции. Они растянулись почти на полгода и привели к резкому ухудшению экономической ситуации в стране, оказавшейся на грани дефолта с перспективой выхода из зоны евро. В итоге СИРИЗА и «Независимые греки» были вынуждены пойти на уступки и подписать так называемый третий меморандум, признав, что альтернативы соглашениям, основанным на принципе «деньги в обмен на либеральные реформы», не существует¹³⁶. Другим следствием банкротства избранной радикальными партиями стратегии стали в до-

¹³⁶ Подробнее см.: Квашнин Ю.Д. Греция: временная политическая стабилизация // Европа 2017: партии, выборы, власть / под ред. В.Я. Швейцера. М., ИЕ РАН, 2018. С. 61-67.

срочные выборы сентябре 2015 г., по результатам которых обе партии, хотя и утратили часть мандатов, всё же смогли удержаться у власти. Вторая администрация А. Ципраса, работавшая до 2019 г., по своему составу мало отличалась от предыдущей.

Коалиция леворадикальной партии СИРИЗА с правыми популистами изначально была «браком по расчёту». Эти партии придерживались принципиально разных позиций по целому ряду ключевых для страны вопросов, таким как предоставление гражданства иммигрантам, сокращение военных расходов, отделение церкви от государства, легализация однополых браков (по каждому из вышеперечисленных пунктов СИРИЗА выступает «за», а ориентированные на консервативные ценности «Независимые греки» – «против»). Не менее серьёзными были разногласия по вопросам внешней политики. П. Камменос на протяжении всей своей политической карьеры выступал за жёсткое отстаивание национальных интересов в отношениях с балканскими соседями, в первую очередь – с Албанией и Македонией. СИРИЗА, в силу своих идеологических истоков, во внешней политике апеллировала к принципам международной солидарности и космополитизма и была готова к поиску компромиссов.

Тем не менее, коалиция оказалась на удивление устойчивой. Причины носят сугубо политический характер. СИРИЗА нуждалась в младшем партнёре, чтобы получить парламентское большинство, тогда как «Независимые греки», на сентябрьских выборах 2015 г. с трудом преодолев 3%-ный барьер, опасались вне правительства окончательно утратить интерес избирателей. Показательно, что во время подписания греко-македонского Преспанского соглашения 2018 г., согласно которому бывшая югославская республика была переименована в Северную Македонию, П. Камменос занял весьма двусмысленную позицию. Он подтвердил своё категорическое несогласие с любыми уступками (с его точки зрения, слово «Македония» можно использовать только как обозначение исторической области в составе Греции), но решил остаться в правительстве до тех пор, пока Преспанское соглашение не одобряют законодатели. «Независимые греки» покинули коалицию лишь в январе 2019 г., когда соглашение было окончательно утверждено в Македонии и пе-

редано на рассмотрение в Вули.

За пребывание в составе правительства в качестве младшего партнёра партии П. Камменоса пришлось заплатить высокую цену: в глазах избирателей она полностью утратила свою политическую идентичность, а вместе с нею и электоральную поддержку. После выхода из коалиции многие члены партии влились в ряды «Новой демократии» или вступили в партию СИРИЗА. Не имея никаких перспектив пройти в парламент на выборах 2019 г., П. Камменос принял решение в них не участвовать. Формально «Независимые греки» существуют до сих пор, но сколь-нибудь серьёзной роли в политике более не играют.

Состоявшиеся в июле 2019 г. парламентские выборы ознаменовали завершение растянувшегося почти на 8 лет периода правления коалиционных правительств. Политический кризис, связанный с упадком двух системообразующих партий, был преодолен, а характерная для Третьей республики квазидвухпартийная система – реформатирована. Место ПАСОК как одной из ведущих партий заняла и, скорее всего, надолго, СИРИЗА, которая за последние несколько лет совершила существенный дрейф в сторону центра, отказалась от своего радикализма и всё больше напоминает классическую социал-демократическую партию. «Новая демократия», преодолев внутренние центробежные тенденции и сыграв на усталости избирателей от правительства А. Ципраса, которое не выполнило большую часть своих предвыборных обещаний, одержала убедительную победу, сформировав однопартийное правительство. Примечательно, что в совокупности «Новая демократия» и СИРИЗА собрали 71% голосов. Малые партии вновь были загнаны в «электоральное гетто» и в 2020 г., согласно опросам, продолжают терять популярность.

Говорить о том, что период коалиционных правительств в Греции окончательно ушёл в прошлое, пока преждевременно. Согласно избирательному закону, принятому в 2016 г. по инициативе партии СИРИЗА, следующие выборы будут проведены на пропорциональной основе (без бонуса в виде 50 дополнительных мест), что теоретически может подтолкнуть часть избирателей голосовать за одну из малых партий, у которых вновь

появится шанс войти в состав правительства. Однако, как показал опыт шести рассмотренных нами коалиционных правительств (Д. Дзаннетакиса, К. Золотаса, Л. Пападимоса, А. Самараса и двух правительств А. Ципраса), для малых партий участие в них таит больше угроз, нежели возможностей. Основные политические дивиденды, как правило, достаются старшим партнёрам, тогда как ответственность за допущенные ошибки несут все партии, находящиеся у власти. В этих условиях, как показал опыт КПП – единственной малой партии, которой удалось преодолеть избирательный барьер на всех выборах с 1974 г., – разумная стратегия состоит в принципиальном отказе участвовать в правительстве и пребывать в статусе «вечной оппозиции».

ГЛАВА 9. КОАЛИЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЕЛЬГИИ: ОТ «НЬЮ-ЙОРКА» К «АРИЗОНЕ»

Создание правящей коалиции в условиях многосоставного общества (термин А. Лейпхарта) практически никогда не проходит без проблем. Необходимость учесть мнение множества партий, региональных и федеральных игроков привела к тому, что в 2010–2011 гг. формирование правительства в Бельгии заняло 541 день. Страна вновь находилась на стадии формирования правительственного кабинета, которое началось 27 мая 2019 г., после выборов в федеральный парламент. Формально процесс завершён, и нынешнее правительство Бельгии – полноценный актер, однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это далеко не так. Что же привело к такому положению и каковы дальнейшие перспективы исполнительной власти в Королевстве?

На выборах 2014 г. правопопулистская партия «Новый фламандский альянс» (N-VA, НФА), стоящая на позициях фламандского регионализма, получила абсолютное большинство голосов во Фландрии (в Бельгии сосуществуют две параллельных партийных системы, франко- и нидерландоязычная, действующие каждая в «своём» регионе). Лидер Альянса Барт Де Вейвер стал бургомистром Антверпена. С учётом таких результатов

стало очевидно, что без участия фламандских регионалистов правительство сформировать не получится, и представителям Альянса были отданы ключевые портфели министров обороны, внутренних дел и финансов, а также посты государственного секретаря (статус, аналогичный министру, но без права голоса в совете министров) по вопросам убежища, миграции и упрощения административных процедур и государственного секретаря по борьбе с бедностью, мошенничеством и научной политике. Партнёрами регионалистов стали партии «Открытые фламандские либеральные демократы», «Христианские демократы и фламандцы», а также франкоязычное либерально-центристское «Реформаторское движение», представитель которого Шарль Мишель был назначен премьер-министром. Таким образом, это – первое правительство Ш. Мишеля, или кабинет Мишель-1.

В соответствии с бельгийской политической традицией, правительство получило неформальное название в соответствии с цветами, символизирующими составившие его партии. Так, в 1999–2003 страной правила «радужная» коалиция (regenboog-coalitie) из либералов («синих»), социалистов («красных») и «зелёных». В 2014 г. правительство сформировали четыре партии, и оно было названо «шведским»: фламандские и валлонские либералы были обозначены синим, «Новый фламандский альянс» – жёлтым (по цвету фламандского флага – чёрный лев на жёлтом фоне), христианских демократов же символизировал крест. Символы и цвета сложились в колористику шведского флага.

Однако в 2018 г. «шведская коалиция» распалась. Поводов для этого было достаточно: и противоречия по вопросам энергетики, и достаточно провокационное поведение отдельных представителей НФА. Непосредственным побудительным мотивом распада стала позиция «Альянса», премьер-министра и остальных партий по поводу Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (также неофициально называемого Марракешским пактом ООН). Договор был утверждён 10 декабря 2018 г. на Межправительственной конференции ООН в Марракеше¹³⁷. Несмотря на то, что документ носит ре-

¹³⁷ Полный официальный текст Договора доступен по ссылке: <http://undocs.org/ru/A/CONF.231/3>.

комендательный характер, процедуру его подписания и последующей ратификации странами – членами ООН максимально использовали в своих целях правопопулистские и праворадикальные партии и движения в ЕС.

Председатель «Нового фламандского альянса» Б. Де Вейвер заявил, что в случае подписания договора премьер-министром Бельгии министры от этой партии уйдут в отставку. Премьер Ш. Мишель подтвердил своё намерение подписать документ, и члены НФА 8 декабря покинули правительство. Поскольку следующие парламентские выборы были запланированы уже на 26 мая 2019 г., новое правительство пока решили не формировать, и освободившиеся портфели были перераспределены между представителями других партий. Новая коалиция получила название «оранжево-синей» (синий, как уже было упомянуто, – цвет либералов, а оранжевым, наряду с крестом, обозначают христианских демократов). Также по аналогии с цветами флага Нью-Йорка правительство стали называть «коалицией Нью-Йорк», а противники Мишеля стали употреблять термин «коалиция Марракеш». Министра внутренних дел Ж. Жамбона сменил представитель христианских демократов П. Де Крем, функции министра финансов Й. Ван Овертфелдта получил бывший министр по вопросам развития и телекоммуникаций, либерал-демократ А. Де Кроо, а функции министра обороны – министр иностранных дел, представитель «Реформаторского движения» Д. Рейндерс. Нового министра финансов Де Кроо сменил на посту министра по вопросам развития и телекоммуникаций либерал-демократ Ф. Де Баккер. От постов госсекретарей в новом правительстве было решено отказаться, полномочия госсекретарей – представителей НФА были распределены между остальными министрами. Таким образом, в «оранжево-синем» правительстве появилось только два новых лица – Де Крем (Христианские демократы и фламандцы) и Де Баккер (Открытые фламандские либералы и демократы). Получившаяся коалиция – второе правительство Ш. Мишеля, или же кабинет Мишель-2.

Поскольку НФА – крупнейшая парламентская партия по результатам выборов как 2014, так и 2019 гг., получившееся правительство представляло собой кабинет меньшинства, чего в

истории Бельгии не было. Уже через десять дней после формирования «оранжево-синяя» коалиция была вынуждена уйти в отставку из-за того, что «Новый фламандский альянс» не поддержал проект бюджета на 2019 г. Кроме Альянса, правительство Мишеля подвергли критике находящиеся в оппозиции социалисты (фламандские и валлонские) и «зелёные». После консультаций короля с лидерами других партий стало ясно, что ни одна партия, кроме НФА и «Фламандского интереса», не считает досрочные выборы необходимыми, поэтому фактически в стране осталась «оранжево-синяя коалиция», ставшая «временным правительством», или «правительством текущих дел» – т.е. его полномочия были существенно ограничены.

Фактически, «временное правительство» Софи Вильмес, которая стала первой женщиной – премьер-министром в истории Бельгии, стало продолжением «второго кабинета» Ш. Мишеля. Поскольку 27 октября 2019 г. Ш. Мишель ушёл в отставку в связи с подготовкой к вступлению в должность председателя Европейского совета, его место заняла Вильмес – соратница по партии «Реформаторское движение» и на тот момент министр по делам науки и бюджета. Место Вильмес в правительстве занял Д. Кларинвал; также уже через месяц на смену Д. Рейндерсу (ставшему Европейским комиссаром по вопросам юстиции, фундаментальным правам и гражданству) пришёл Ф. Гоффен. В остальном личный состав «временного правительства» Вильмес-1 остался идентичен «второму» правительству Мишеля и следовал следующей схеме: 7 министров от франкоязычных либералов («Реформаторское движение»; включая премьер-министра), три министра от фламандских либералов и три министра от фламандских христианских демократов.

На волне пандемии коронавируса COVID-19 лидеры основных парламентских партий решили наделить первый кабинет Вильмес всей полнотой власти – но только в вопросе кризисного управления охваченной вирусом страной. Таким образом, хотя формально с 17 марта 2020 г. правительство избавилось от атрибутов «временное» или «исполняющее обязанности» и может считаться полноценным, на деле оно представляет собой кабинет кризисного управления, который должен быть заменён

более представительным составом. Второй кабинет С. Вильмес мог в полной мере исполнять возложенные на него обязанности при условии поддержки парламентского большинства; таковая была получена, но не посредством кооптации представителей других партий – личный состав правительства остался тем же. Было заключено «доверительное соглашение», принятое в системах Вестминстерской демократии в случае, если правительство не имеет парламентского большинства, но получает его за счёт поддержки других партий по конкретным вопросам. В парламенте второй кабинет Вильмес (Вильмес-2) обязались поддерживать все парламентские партии, кроме «Нового фламандского альянса» (действия которого, напомним, и привели к падению кабинета Ш. Мишеля), «Фламандского интереса» и «Бельгийской партии труда». Эти право- и левопопулистские партии решили продолжать оппозиционную тактику в надежде выторговать себе позиции в новом кабинете или по крайней мере привлечь избирателей критикой действующего. Таким образом, «доверительные голоса» правительство Вильмес получило от фламандских и валлонских социалистов, фламандских и валлонских экологов (партии «Зелёные» и «Эколо», соответственно), валлонских христианских демократов и «Независимой федералистской демократической партии» (франкоязычных регионалистов).

Надо сказать, что тактика, по крайней мере, «Фламандского интереса» приносит свои плоды. По результатам независимого опроса, опубликованным 14 марта 2020 г., партия стала самой популярной во Фландрии: на выборах её готовы были бы поддержать 28% избирателей. При этом «Интерес» оттесняет с политического олимпа нынешнюю крупнейшую фламандскую партию – «Новый фламандский альянс», поддержка которой снизилась на 5 п.п. по сравнению с результатами выборов в мае 2019 г.¹³⁸ Роль в этом подъёме сыграла, прежде всего, активная критика фламандскими националистами действий временного правительства в условиях кризиса. В период условного манда-

¹³⁸ Sijstermans J. Coronavirus Shapes Belgium's Government and Populist Opposition // EA WorldView. 30.03.2020. URL: <https://eaworldview.com/2020/03/coronavirus-belgium-government-populist-opposition/> (дата обращения: 15.07.2020).

та кабинета Вильмес-1 партия даже предложила создать комитет для расследования действий правительства и предотвращения «корона-переворота». Также на популярности партии отразилось то, что в условиях пандемии правительство фактически было вынуждено ввести те меры, к которым «Фламандский интерес» давно призывал: ввести контроль на границах и сконцентрировать полномочия на уровне национального государства (в противовес «европейской бюрократии»). Руководство партии оценивает свои перспективы весьма позитивно, о чём говорит и выход новой книги лидера «Фламандского интереса» Т. Ван Грикена под названием «Теперь пришло наше время»¹³⁹.

Было, однако, очевидно, что «чрезвычайное» правительство Вильмес-2 не сможет эффективно управлять страной после окончания кризиса, не имея большинства во фламандском сегменте парламента (там её поддерживают лишь 42 из 89 депутатов, даже учитывая «доверительные голоса»). Крупнейшая партия страны – «Новый фламандский альянс» – торпедировала бы все его инициативы в посткризисный период. Поэтому уже 17 июня 2020 г. лидеры трёх (на данный момент) правительственных партий Ж.-Л. Буше («Реформаторское движение»), Э. Лахарт («Открытые фламандские либералы и демократы») и Й. Кунс («Христианские демократы и фламандцы») по собственной инициативе приступили к попыткам сформировать жизнеспособный кабинет. Трёх лидеров неофициально окрестили в прессе «тремя королями» – по аналогии с волхвами, принёсшими дары младенцу Иисусу. Задумка «трёх королей» – создать коалицию «Аризона», которая бы ввела в кабинет, помимо имеющих партий, представителей «Нового фламандского альянса», фламандских социалистов («Другую социалистическую партию») и валлонских христианских демократов («Демократический гуманистический центр»). Таким образом, в правительстве оказались бы представлены фламандские и валлонские либералы, фламандские регионалисты, фламандские и валлонские демохристиане, а также фламандские социалисты. Валлонская «Социалистическая партия» отказалась рассматривать саму воз-

¹³⁹ Van Grieken T. En nu is het aan ons! Groningen: De Blauwe Tijger, 2020. 170 blz.

можность участия в одном правительстве с НФА. Не собиралась участвовать в коалиции и валлонская христианско-демократическая партия, но её лидера удалось склонить к сотрудничеству.

Цвета четырёх политических направлений – либеральный и христианско-демократический синий, социалистический красный и регионалистский жёлтый – дали сочетание, напоминающее флаг американского штата Аризона. Возможная коалиция «Аризона» обеспечила бы правительству поддержку со стороны 76 из 150 депутатов Нижней палаты парламента – перевес всего в один голос, но такова наиболее жизнеспособная из возможных опций. По крайней мере, она имеет больше шансов по сравнению с вариантом, за который изначально выступали лидеры валлонских и фламандских социалистов П. Маньетт и К. Руссо, – «классический триумвират» из представителей христианских демократов, либералов и социалистов из обеих частей страны. Подобный триумвират, исключив НФА, не обеспечил бы правительству поддержку большинства ни в федеральном парламенте (лишь 71 место), ни в парламенте фламандского региона. Также исключены коалиции, которые включали бы в себя представителей крайне правых («Фламандский интерес») и крайне левых («Бельгийская партия труда»), так как партии истеблишмента не готовы идти на уступки в ключевых для них вопросах. Включать в коалиционное правительство представителей «Независимой федералистской демократической партии» имеет мало смысла, так как она располагает лишь двумя местами в федеральном парламенте. Отсюда очевидно, что игра в «Аризону» стоит свеч. «Три короля» поставили себе цель в общих чертах завершить переговоры к Национальному дню Бельгии – 21 июля. На время написания этого текста было неясно, удастся ли им это сделать.

Очевидно, что ныне действующее бельгийское правительство – наследник «шведской коалиции» 2014 г., распавшейся в 2018 г., а также двух «временных правительств» – второго кабинета Ш. Мишеля и первого кабинета С. Вильмес. В своём нынешнем статусе «коалиция Нью-Йорк» служит лишь инструментом кризисного менеджмента, которую подвергают постоянной критике, как справа, так и слева. Инструмент этот может суще-

ствовать и действовать лишь благодаря «доверительным голосам» большинства парламентских партий. Очевидно, что в силу отсутствия большинства во фламандском сегменте парламента, после нормализации эпидемиологической обстановки правящая коалиция станет несостоятельной. Наиболее оптимальный вариант «посткризисного» правительства – так называемая «коалиция Аризона», которая расширит нынешний состав за счёт фламандских социалистов, валлонских христианских демократов и фламандских регионалистов. Включение последних – наиболее веский аргумент в пользу создания «Аризоны», так как их поддержка (ныне отсутствующая) обеспечит коалиции столь желаемое большинство во фламандском секторе законодательного органа (хотя перевес и будет незначительным). Одновременно подобная инкорпорация исключает из переговорного процесса валлонских социалистов – одну из ведущих франкоязычных политических сил Королевства. Удастся ли сформировать «Аризону» – вопрос времени и усилий лидеров трёх правящих партий.

ГЛАВА 10. ИРЛАНДИЯ: НЮАНСЫ КОАЛИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

После парламентских выборов в феврале 2020 г. в Республике Ирландия произошла существенная перестановка политических сил. Традиционная двухпартийная система, которая строилась на популярности среди избирателей правоцентристской консервативной Фине Гэл и либеральной Фианна Файл столкнулась с испытанием на прочность. Националистическая республиканская партия Шинн Фейн значительно укрепила свои позиции и стала для них серьёзным конкурентом. Места в ирландском парламенте были распределены следующим образом – Фианна Файл (38), Шинн Фейн (37), Фине Гэл (35)¹⁴⁰.

15 июня 2020 г. спустя четыре месяца продолжительных пе-

¹⁴⁰ General election results in Republic of Ireland 2020 // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/election2020/results-hub> (дата обращения 20.06.2020).

реговоров после парламентских выборов Фине Гэл, Фианна Файл и Партия «зелёных» договорились сформировать коалиционное правительство, утвердив политическую программу. В условиях пандемии COVID-19 им предстояло согласовать пакет мер стоимостью 6,5 млрд евро, который будет направлен на восстановление национальной экономики, поддержку бизнеса и граждан.

Отметим, что в результате Республика Ирландия наряду с Грецией и Испанией стала страной ЕС, где большую популярность приобрела партия радикального толка, которая ранее постоянно находилась в оппозиции и никогда не вступала ни в одну правительственную коалицию¹⁴¹. За более чем вековую историю Шинн Фейн использовала как парламентские, так и насильственные методы для достижения своей главной цели – объединения всей Ирландии. За последнюю пару лет партия существенно изменила свой политический имидж. В феврале 2018 г. вместо Дж. Адамса, выходца из рабочей семьи со средним образованием, который был тесно связан с генштабом Ирландской республиканской армии (ИРА)¹⁴², лидером Шинн Фейн стала его полная противоположность – Мэри Макдональд, политик «новой волны», активная и хорошо образованная женщина из богатого пригорода Дублина, которая строила политическую карьеру уже после Смуты¹⁴³.

Успех ирландских националистов на парламентских выборах 2020 г. можно объяснить тем, что правительство Л. Варадкара сконцентрировало своё внимание на переговорах по брекзиту и не решило насущные вопросы социальной политики в сферах здравоохранения, жилищного строительства и борьбы с

¹⁴¹ Barthelemy C. The Role of Minor Political Parties in the Republic of Ireland // *Nordic Irish Studies*. Vol. 17, №2(2018). P. 174.

¹⁴² Ирландская республиканская армия (англ. Irish Republican Army; IRA) – военизированная группировка, которая изначально была крылом партии Шинн Фейн и ставила своей целью – добиться полной самостоятельности Северной Ирландии от Соединённого Королевства. Для этого она активно использовала террористические методы борьбы.

¹⁴³ Смута (англ. The Troubles) – этно-религиозный конфликт в Северной Ирландии между католическими и протестантскими общинами, который продолжался с конца 1960-х гг. до подписания Белфастского соглашения 1998 г., закрепившего мир в регионе.

преступностью. Шинн Фейн вовремя уловила настроения избирателей и разработала предвыборный манифест «Пусть рабочие и семьи отдохнут», в котором пообещала построить 100 тыс. новых домов за 5 лет, уменьшить арендную плату на 1500 ф.ст. в год, снизить пенсионный возраст с 67 до 65 лет, отменить налог на недвижимость, создать дополнительно 1500 больничных коек и сократить время ожидания медицинской помощи, ввести бесплатное образование и увеличить расходы на содержание полиции¹⁴⁴.

Ирландские националисты в итоге получили мощную поддержку среди молодёжи, которая была воодушевлена обещанными социальными гарантиями и устала от перегибов неолиберального экономического курса правительства. После подведения итогов голосования возникла ситуация, когда стало необходимо создать трёхпартийную коалицию, чтобы сформировать новое ирландское правительство.

Фине Гэл и Фианна Файл отказались вести переговоры с Шинн Фейн, потому что в годы Смуты она была политическим крылом ИРА, ответственной за смерть мирных граждан. Также Фине Гэл и Фианна Файл смущает экономический курс ирландских националистов, предполагающий высокие социальные расходы. Он может нарушить устойчивую модель развития страны, зависящую от прямых иностранных инвестиций и привлекающую крупные иностранные компании одним из самых низких корпоративных налогов в Европе, который составляет 12,5%. В случае значительного роста социальных расходов, которые пойдут на реформирование в сферах здравоохранения, жилищного строительства, полиции и пенсионного обеспечения, придётся повысить налогообложение.

Руководство Шинн Фейн вскоре после парламентских выборов назначило П. Догерти главой переговорной группы, которая должна была договориться о формировании нового коалиционного правительства. Он хорошо зарекомендовал себя на должности пресс-секретаря партии по вопросам финансов и неоднократно критиковал правительство Л. Варадкара за повышение

¹⁴⁴ Sinn Fein Manifesto 2020. URL: https://www.sinnfein.ie/files/2020/SF_GE_2020_Manifesto.pdf (дата обращения 20.06.2020).

арендной платы, страховых взносов и цен на бензин¹⁴⁵. Было очевидно, что Фианна Файл и Фине Гэл не пойдут на сделку с Шинн Фейн, поэтому П. Догерти стал договариваться с малыми партиями – «зелёными», социал-демократами, лейбористами и партией «Люди важнее прибыли». Независимые кандидаты также приняли участие в переговорах с Шинн Фейн, но их политическая роль в стране всегда была незначительной, потому что система пропорционального представительства с единым передаваемым голосом по многомандатным избирательным округам не позволяет им получить широкую поддержку избирателей¹⁴⁶.

Партия «зелёных» появилась в Республике Ирландия в 1982 г., изначально она была немногочисленной и начала своё постепенное восхождение с выборов в местные органы власти. В 1989 г. она завоевала одно место в ирландском парламенте, следующий прорыв произошёл в 2002 г. – у неё уже было 6 мест. В 2007 г. депутаты от «зелёных» впервые вошли в состав правительства, которое они сформировали благодаря соглашению с Фианна Файл и прогрессивными демократами. Во время пребывания у власти «зелёные» начали государственные проекты по увеличению возобновляемых источников энергии, реновации жилищного сектора и развитию местной инфраструктуры. Тем не менее, находясь у власти, лидеры «зелёных» с трудом добивались конструктивного диалога с кабинетом министров и рядовыми членами своей партии¹⁴⁷.

В 2011 г. «зелёные» разорвали коалицию с Фианна Файл и ушли в оппозицию из-за того, что перестановка в кабинете министров происходила без их согласия. В том же году они потерпели сокрушительное поражение на всеобщих выборах, потеряв все места в парламенте, но в 2016 г. сумели вернуть себе 2 мандата, а в 2020 г. их представительство возросло до 12 чело-

¹⁴⁵ Budget has failed to ease pressure on working families – Pearse Doherty // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/budget-has-failed-to-ease-pressure-on-working-families-pearse-doherty-1.4044434> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁴⁶ White A. One Hundred Years of Dáil Éireann 1918–2018: Elections, Personalities and Issues // Studies: An Irish Quarterly Review. Vol. 107, №428. P. 424.

¹⁴⁷ Bennie L. Greens in the United Kingdom and Ireland: weak but persistent // Green parties in Europe. New York. 2016. P. 208.

век. Такой исторический успех был в целом связан с активным продвижением климатической повестки в Европе и расширением деятельности общественных организаций по защите окружающей среды, таких как *Climate Emergency*. «Зелёные» неожиданно стали весомой политической силой, без которой в Республике Ирландия невозможно сформировать правительство. Прекрасно это понимая, их лидер Э. Райан решил провести переговоры с Шинн Фейн, Фине Гэл и Фианна Файл и оценить, какая из них готова пойти на уступки, включив экологическую программу «зелёных» в будущий правительственный курс.

Между Шинн Фейн и «зелёными» в ходе переговоров возникли серьёзные разногласия по вопросам здравоохранения, жилищной и климатической политики. Националисты обещают построить в Республике Ирландия дешёвые дома, которые будут стоить не более 250 тыс. евро, но «зелёные» выступают за экологические стандарты жилья, которые значительно повысят его себестоимость. «Зелёные» оказались скептически настроены по отношению к масштабным планам Шинн Фейн по созданию Ирландской национальной службы здравоохранения за 4,5 млрд евро. Также партии не смогли договориться о конкретных действиях по сокращению выбросов углерода в атмосферу до 7% в год – ключевому пункту предвыборной программы «зелёных»¹⁴⁸.

Переговоры Шинн Фейн с партией «Люди важнее прибыли» (ЛВП), лейбористами и социал-демократами не принесли конкретный результат. В конце февраля 2020 г. ЛВП представила Шинн Фейн свой список требований для формирования коалиции – повысить минимальную заработную плату с 10,1 до 15 евро в час, отменить налог на имущество, продлить оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком и увеличить родительские пособия, заморозить рентные платежи и ввести государственный контроль над арендной платой¹⁴⁹. Шинн Фейн не готова сделать ещё более «левый» поворот, потому что тогда рискует ослабить

¹⁴⁸ Green Party Manifesto 2020. URL: https://www.greenparty.ie/wp-content/uploads/2020/01/GREEN_PARTY_TOWARDS_2030-WEB-VERSION.pdf (дата обращения 20.06.2020).

¹⁴⁹ Left-wing TDs push Sinn Fein to bring in €15 «living wage». URL: <https://www.herald.ie/news/left-wing-tds-push-sinn-fein-to-bring-in-15-living-wage-39236934.html> (дата обращения 20.06.2020).

потенциал своей политической платформы, которая обеспечила ей на выборах рекордное количество голосов. В свою очередь, лейбористы и социал-демократы не выражают достаточную заинтересованность в сотрудничестве с Шинн Фейн, потому что опасаются, что их политическая идентичность быстро растворится в правительственной коалиции с таким мощным союзником, поэтому они охотнее останутся в привычной роли оппозиции. Дополнительные препятствия для межпартийных переговоров создала пандемия COVID-19, которая с конца марта стала быстро распространяться по стране и потребовала введения режима самоизоляции, который начали ослаблять только с начала мая 2020 г.

5 мая 2020 г. лидер ЛВП Р. Бойд Барретт опубликовал открытое письмо, адресованное М. Макдональд, в котором выразил надежду, что Шинн Фейн вместе с левыми партиями возобновит подготовку альтернативной правительственной программы, которая составит конкуренцию Фине Гэл и Фианна Файл¹⁵⁰. Тем не менее, создание коалиционного правительства во главе с националистами было изначально обречено на провал. Левые партии внутри него создали бы мощные группы давления на Шинн Фейн, не только помешав ей в полном объёме воплотить в жизнь намеченную программу социально-экономических реформ, но и создав угрозу её политическому имиджу.

Вместо этого Шинн Фейн необходимо сосредоточиться на долгосрочной стратегии и перейти к оппозиционной борьбе, позволив Фине Гэл и Фианна Файл объединиться с «зелёными». Их рейтинг уже начал падать в связи с жёсткой экономией на социальных расходах и может ещё опуститься на фоне экономического кризиса после пандемии COVID-19 и неясных перспектив после брекзита. М. Макдональд заметила, что ирландцы устали от многолетнего правления Фине Гэл и Фианна Файл, новые просчёты их будущей правоцентристской коалиции могут дать националистам ещё больше очков и укрепить их позиции внутри страны.

Фине Гэл и Фианна Файл имеют много точек соприкоснове-

¹⁵⁰ People Before Profit open letter to Sinn Fein, May 5, 2020. URL: <https://www.pbp.ie/open-letter-to-sinn-fein/> (Дата обращения: 20.06.2020).

ния в своих идеологических позициях – обе партии поддерживают европейскую интеграцию и критикуют брекзит, придерживаются неоллиберальной экономической модели развития страны, сохранения низкого корпоративного налога и активного сотрудничества с бизнесом. Традиционно Фианна Файл в своих избирательных кампаниях опиралась на обещание создать сильное правительство, а Фианна Файл часто объединялась в коалицию с лейбористами, чтобы критиковать просчёты в социальной политике Фине Гэл. После парламентских выборов 2016 г. по итогам переговоров Фине Гэл сформировала правительство меньшинства, заключив соглашение о поддержке на три года с Фианна Файл и объединившись с независимыми кандидатами.

После того, как лидером Фине Гэл и премьер-министром Республики Ирландия в 2017 г. был избран Л. Варадкар¹⁵¹, правительственный курс стал более либеральным, были внесены поправки в Конституцию, которые разрешили аборт, критику католической церкви и упростили процедуру расторжения брака. Отказавшись от облика патриархальной страны, Республика быстрыми шагами двигалась в сторону секулярных ценностей¹⁵². За время его пребывания у власти в стране происходил быстрый экономический рост – в 2017 г. объём ВВП возрос на 7,8%, ВВП – на 6,6%, экспорт – на 6,9% в год¹⁵³; но в 2019 г. макроэкономические показатели упали на фоне давления, которое оказывал брекзит – рост ВВП составил 5,8%¹⁵⁴. Л. Варадкар при-

¹⁵¹ Выборы лидера Фине Гэл, согласно партийному Уставу, проводит коллегия выборщиков, в которой квоты распределяются между парламентской фракцией Фине Гэл (65%), рядовыми членами (25%) и местными представителями (10%). Кандидаты должны собрать не менее 10% подписей парламентской фракции, чтобы их занесли в избирательный список. Выборы премьер-министра Республики Ирландия проходят в нижней палате парламента, кандидату необходимо набрать не менее половины голосов (80 из 160), чтобы выиграть.

¹⁵² Вершинина Д.Б. Семья в фокусе общественно-политических дебатов в современной Ирландии // Вестник Прикамского социального института. 2018. №3(81). С. 133.

¹⁵³ The Republic of Ireland Department of Finance Monthly Economic Bulletin, 26 April 2018. P. 2. URL: <https://assets.gov.ie/4929/181218131545-70d8d350bf0c4d7aa5c1da22b9726adf.pdf> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵⁴ Ibec Quarterly Economic Outlook Q 1 2020. P. 1. URL: <https://www.ibec.ie/influencing-for-business/economy-and-tax/quarterly-economic-outlook-q1-2020#:~:text=The%20latest%20Quarterly%20Economic%20Outlook,consumer%20sentime>

нимал активное участие в переговорах Великобритании и ЕС по брекзиту, его правительство добилось сохранения открытой границы в Северной Ирландии и соблюдения Белфастского соглашения 1998 г. Он поддержал режим «бэкстопа», который хотела ввести Т. Мэй, а затем план Б. Джонсона по сохранению Северной Ирландии в Таможенном союзе. Во многом благодаря его посредничеству удалось быстрее наладить конструктивный диалог между Лондоном и Брюсселем по этому вопросу.

Тем не менее, в правительстве Л. Варадкара между партиями Фине Гэл и Фианна Файл неоднократно вспыхивали разногласия по социально-экономическим вопросам. Во время референдума по легализации абортс весной 2018 г, который инициировал премьер-министр, назвав его «великим актом демократии», больше половины парламентариев от Фианна Файл резко выступили против его начинания¹⁵⁵. В октябре 2019 г. разгорелись баталии в связи с утверждением бюджета на следующий год, в ходе которых Фианна Файл обвинила Фине Гэл в необоснованных требованиях значительно увеличить социальные расходы, которые могли обойтись налогоплательщикам как минимум в 4,35 млрд евро¹⁵⁶. Фианна Файл уступила и заявила, что не будет выдвигать никаких требований, но и не станет дальше поддерживать какие-либо предложения только ради сохранения правительства¹⁵⁷. Стало очевидно, что обе партии крайне тягостит совместная работа в правительстве, и только неясная ситуация с брекзитом заставила их продлить соглашение о поддержке до 2020 г. Однако когда Палате общин в Лондоне удалось настоять на новой отсрочке выхода Великобритании из ЕС до 31 января 2020 г., Фине Гэл и Фианна Файл решили поскорее

nt%20and%20business%20confidence (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵⁵ More than half of Fianna Fail parliamentary party backing «no» vote in referendum. URL: <https://www.independent.ie/irish-news/abortion-referendum/more-than-half-of-fianna-fail-parliamentary-party-backing-no-vote-in-referendum-36870462.html> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵⁶ Fianna Fail slam Fine Gael plan for 2020 Budget. URL: <https://www.dublinlive.ie/news/dublin-news/fianna-fail-slam-fine-gael-16882922> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵⁷ Fianna Fail not issuing any «threats of read lines» as Budget 2020 talks continue. URL: <https://www.newstalk.com/news/fianna-fail-budget-talks-911366> (дата обращения 20.06.2020).

разойтись и провести досрочные парламентские выборы в начале февраля.

Две главные партии страны решили преодолеть политический кризис, создав «большую коалицию», включив в неё «зелёных», с которыми Шинн Фейн не удалось договориться. Ситуация усугублялась тем, что в Республике Ирландия активизировалось общественное протестное движение, которое не хотело возвращения к власти Финне Гэл и Фианна Файл. 7 марта 2020 г. около 300 демонстрантов вышли на улицы Дублина при поддержке партии «Люди важнее прибыли», недовольные упадком здравоохранения и жилищного строительства, который происходил при правительстве Л. Варадкара¹⁵⁸. В конце февраля ирландский парламент не смог выбрать нового премьер-министра, потому что никто из кандидатов не набрал необходимой половины голосов. В соответствии с законом Л. Варадкару пришлось уйти в отставку, что ещё сильнее осложнило создание правительственной коалиции.

В апреле 2020 г. после продолжительных переговоров Финне Гэл и Фианна Файл согласовали план коалиционного правительства, который будет направлен на устранение в Республике Ирландия экономических последствий пандемии коронавируса, и подписали предварительный программный документ, закрепляющий повышение роли государства в области здравоохранения, жилищного строительства и ухода за детьми. В нём заявлено, что новое правительство будет сформировано на фундаментальных принципах «сообщества» и «солидарности», которые стали центральными для страны в условиях чрезвычайной ситуации¹⁵⁹.

В начале мая к переговорам о вступлении в коалицию подключились «зелёные» и заявили, что будут готовы к сотрудничеству, если Финне Гэл и Фианна Файл включают в программный

¹⁵⁸ Hundreds march against Fianna Fáil-Fine Gael coalition «stitch-up» // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/news/politics/hundreds-march-against-fianna-f%C3%A1il-fine-gael-coalition-stitch-up> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵⁹ A draft document between Fianna Fáil and Fine Gael to facilitate negotiations with other parties on a plan to recover, rebuild and renew Ireland after the COVID-19 Emergency. URL: <https://static.rasset.ie/documents/news/2020/04/april-15-framework-document-final-version-.pdf> (дата обращения 20.06.2020).

документ их климатическую повестку и обещание построить более устойчивое и справедливое общество. Переговоры с «зелёными» оказались очень непростыми, потому что правоцентристские партии опасались, что увеличение расходов на защиту окружающей среды может привести к росту налогов и дефициту госбюджета, который заметно возрос во время пандемии коронавируса, когда государство к началу мая дополнительно выделило 3 млрд евро на преодоление негативных экономических последствий¹⁶⁰.

В середине июня 2020 г. после серии продолжительных переговоров Фине Гэл, Фианна Файл и «зелёным» удалось найти компромисс и договориться о формировании коалиционного правительства. Было решено, что на посту премьер-министра будут по очереди друг друга сменять М. Мартин и Л. Варадкар, что создало прецедент в ирландской политике – никогда ранее такой ротации не было. Подобный эксперимент может создать совершенно иные, более гибкие и жизнеспособные формы взаимодействия между ведущими правыми партиями.

В совместном программном документе Фине Гэл, Фианна Файл и «зелёных» необходимость такого нововведения объясняется следующим образом: «В борьбе против того, что угрожает нам всем, мы должны совместно выработать идеи, которые восстановят нашу страну»¹⁶¹. Партии договорились значительно расширить меры социально-экономической поддержки ирландцев в условиях пандемии коронавируса – выплатить дополнительно 6 млрд евро в июле 2020 г. и не повышать пенсионный возраст (65 лет) до начала 2021 г.¹⁶²

¹⁶⁰ Coronavirus: spending measures set to wipe out budget surplus // The Irish Times. URL: <https://www.irishtimes.com/business/economy/coronavirus-spending-measures-set-to-wipe-out-budget-surplus-1.4197925?mode=sample&auth-failed=1&pw-orig=https%3A%2F%2Fwww.irishtimes.com%2Fbusiness%2Feconomy%2Fcoronavirus-spending-measures-set-to-wipe-out-budget-surplus-1.4197925> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁶¹ A draft document between Fianna Fáil and Fine Gael to facilitate negotiations with other parties on a plan to recover, rebuild and renew Ireland after the COVID-19 Emergency. URL: <https://static.rasset.ie/documents/news/2020/04/april-15-framework-document-final-version-.pdf> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁶² Programme for government revealed as Fine Gael, Fianna Fail and Green Party agree historic deal // The Irish Examiner. URL: <https://www.irishexaminer.com/>

Будет создана Комиссия по социальному обеспечению и налогообложению, которая модифицирует налоговую систему, учитывая долгосрочные изменения экономики в связи с мировым финансовым кризисом, старением населения, переходом к альтернативным источникам энергии и ростом цифровых сбоев на предприятиях. Были сделаны большие уступки «зелёным» – планируется расширить сеть общественного транспорта, велосипедную и пешеходную инфраструктуру, сократить выбросы углерода в атмосферу на 7% в год.

Становится очевидным, что классическая двухпартийная система в Республике Ирландия уходит в прошлое, уступая место право- и левоцентристским альянсам, которые будут выстраивать взаимоотношения на основе баланса интересов и актуальной политической повестки. Это может представлять угрозу именно для малых партий, которые будут утрачивать свою идеологическую идентичность, формируя совместно с Фине Гэл, Фианна Файл и Шинн Фейн популистские платформы.

ГЛАВА 11. КРИЗИС СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ В ШВЕЦИИ

Политическую жизнь Скандинавских стран отличает наличие сильной социал-демократической партии, что особенно характерно для Швеции. В послевоенный период СДРПШ беспрерывно находилась у власти вплоть до 1976 г., формируя однопартийные правительства меньшинства. В 1976 г. она уступила власть блоку буржуазных партий, состоявшему в разных комбинациях из партии Центра, Народной партии и Умеренной партии. Этот блок не отличался полным единством: за 6 лет сменилось 4 правительства, что само по себе не характерно для Швеции. В коалиции отсутствовала движущая сила, которая приводила бы к общему знаменателю разнообразные точки зрения. Между центристскими партиями и правыми традиционно существовали значительные разногласия. Однако это объединение

breakingnews/ireland/programme-for-government-revealed-as-fine-gael-fianna-fail-and-green-party-agree-historic-deal-1005299.html (дата обращения 20.06.2020).

стало своего рода репетицией для формирования более консолидированного объединения партий правого толка, в который в дальнейшем вошла также Христианско-демократическая партия. Знаменательным событием было создание Альянса партий, вдохновителем которого стал руководитель самой крупной из них – Умеренной партии Ф. Райнфельдт, отказавшийся от малопопулярной неолиберальной риторики, политической агрессивности. Он попытался сформулировать идеи новой социал-либеральной шведской модели, которая представляла симбиоз традиционных ценностей либерализма и заимствованных у социал-демократов тезисов о социальной справедливости и равенстве. Главным достижением Ф. Райнфельдта было объединение и сплочение под новыми лозунгами партий буржуазного блока, который просуществовал до января 2019 г., и две легислатуры (2006–2014 гг.) находился у власти.

На эти манёвры буржуазных партий левые и левоцентристские силы попытались дать симметричный ответ. Традиционного сотрудничества СДРПШ илевой партии было уже недостаточно, чтобы действительно противостоять Альянсу: социал-демократическая партия мало-помалу теряла голоса избирателей, и в условиях объединения правых ей пришлось искать новых союзников, с которыми она могла бы получить недостающие голоса. Таким союзником стала самая молодая партия шведского риксдага – партия Окружающей среды (или «Зелёные» – ПЗ), которая в 2014 г. впервые вошла в правительство. Эта малая партия позиционировала себя с самого начала как организация, стоящая вне правого и левого партийного блока, проводящая самостоятельную политику, где приоритет отдавался проблемам окружающей среды, а не традиционным для правящих партий вопросам экономического роста, материального благосостояния и т.д. Странников, большая часть которых принадлежала к слоям интеллигенции, партия черпала в женском, пацифистском, экологическом движениях. Однако успех «Зелёных» был переменчивым: партия не всегда могла набрать необходимые 4% голосов для того, чтобы преодолеть электоральный барьер и войти в национальный парламент.

Через два года после поражения на выборах 2006 г. социал-

демократическая партия, Левая партия и «Зелёные» объявили о сотрудничестве, превратив тем самым так называемый социалистический блок в блок левых или «красно-зелёных». Целью его должно было стать создание коалиционного правительства в случае победы на парламентских выборах 2010 г. Однако успех не сопутствовал новому объединению. СДРПШ и Левая партия потеряли голоса избирателей, «Зелёные» же, напротив, набрали рекордную для себя долю голосов¹⁶³. Они стали тяготиться союзом с Лево́й партией, поскольку в стране распространялось суждение, что это партия «вчерашнего дня» и не имеет перспектив. Скептически оценивали политическое будущее Лево́й партии и в руководстве СДРПШ. Вскоре было объявлено о прекращении начатого сотрудничества. В дальнейшем роль Лево́й партии вновь ограничилась функцией поддержки формируемого социал-демократами правительства, а позже даже её переходом в оппозицию СДРПШ. «Зелёные» же получили министерские портфели.

Однако шведская политическая система в последнее время претерпевает значительные изменения, что отражается на взаимоотношениях обоих блоков. Перемены связаны в первую очередь с приходом в политическую жизнь и стремительным укреплением позиций националистической партии Шведские демократы (ШД), которая в 2010 г. вошла в риксдаг и вскоре превратилась в силу, способную вмешаться в парламентское соперничество двух блоков. Увеличение мандатов этой партии в риксдаге позволяет им ставить условия политикам из традиционных партий. Если вначале Шведских демократов рассматривали как *persona non grata* все парламентские партии, то постепенно приходило понимание, что сотрудничество с третьей по величине партией (на выборах 2018 г. Шведские демократы получили 17,5% голосов избирателей)¹⁶⁴ в той или иной комбинации неизбежно. Однако отношение к подобному сотрудничеству всё ещё разделяет политиков. Если социал-демократы и центристские партии отрицают такую возможность, то Христианские де-

¹⁶³ СДРПШ 30,6% (-4,3%), ЛП – 5,6% (-0,24), ПЗ – 7,3% (+2,1%) Val. URL: <https://data.val.se/val/val2010/slutresultat/R/rike/index.html>.

¹⁶⁴ Val. URL: <https://data.val.se/val/val2018/slutresultat/R/rike/index.html>.

мократы и Умеренные проявляют всёбольшую готовность к нему. Надо отметить, что на местном уровне такое сотрудничество практикуется уже несколько лет.

Выборы 2018 г., на которых оба блока получили фактически равное количество голосов, привели к патовой ситуации на переговорах по формированию правительства, длившихся долгие четыре месяца. Шведские демократы стали той силой, от которой напрямую зависели перспективы формирования нового правительства. Они были готовы сотрудничать с Умеренными и Христианскими демократами, но с самого начала оговаривали условия подобного сотрудничества, предполагавшего их влияние на принятие решений и признание их роли в политической жизни. Тогда, в 2018 г., принятие такого ультиматума было невозможно. Альянс оказался на грани раскола по данному вопросу, центристские партии не только выступили против сотрудничества с Шведскими демократами, но отвергли и возможность правительства меньшинства, состоящего из Умеренных и Христианских демократов, так как коалиция, по их мнению, привела бы к усилению роли ШД. Постепенно центристы стали склоняться к налаживанию сотрудничества с социал-демократами, что противоречило их взглядам и политике, в которой в последние годы усилились неолиберальные тенденции. Руководство обеих центристских партий не могло претендовать на главные роли в формировании кабинета и исключало вхождение в правительство, руководимое С. Лёвенем, однако в сложившейся ситуации имело возможность диктовать свои условия. Соглашение было заключено. В итоге, заручившись поддержкой центристских партий, СДРПШ сформировала коалиционное правительство, в которое вошла партия «Зелёных».

Это означало, что Альянс был расколот и прекратил своё существование. Система межблокового соперничества была поколеблена, в оппозиции правительству оказались Умеренные, Христианские демократы и Левая партия, руководители которой резко критиковали СДРПШ за сдачу позиций и сотрудничество с центристами.

Важнейшим спорным вопросом издавна было трудовое право. Правые партии выступали и выступают за законодательное

решение проблем в этой сфере. Социал-демократы при поддержке профсоюзов всегда отстаивали переговорный принцип, когда важнейшие вопросы в трудовой сфере напрямую решали профсоюзы и работодатели. В условиях зависимости от центристских партий руководство СДРПШ было вынуждено пойти им на уступки. Одним из требований был демонтаж и приватизация Биржи труда. За два года, прошедших с последних выборов, были уволены или ушли сами до $\frac{1}{3}$ сотрудников, бюджет организации уменьшился на треть, половина местных контор Биржи труда была ликвидирована. И это на фоне двукратного роста безработицы¹⁶⁵. Были заморожены ассигнования на создание новых рабочих мест. Особенно негативно снижение финансирования сказалось на тех коммунах, которые были вынуждены принимать большое количество беженцев – обеспечение их работой стало затруднительно. В связи с пандемией и ростом безработицы проблемы ещё более обострились, и правительству С. Лёвена пришлось предпринимать экстренные меры на рынке труда.

Ещё одна проблема, которая не теряет своей актуальности и остроты, – миграционная политика. Действующий миграционный закон, принятый в 2016 г., предполагается заменить новым, обсуждение которого вызывает значительные противоречия в самом правительстве С. Лёвена. Подготовкой нового закона занимается комитет риксдага по миграционным проблемам, представивший его проект в сентябре. Однако значительная часть пунктов документа выявила несогласие между двумя правительственными партиями. Это касалось, например, предложений о квотировании беженцев, которых может принять Швеция, об ужесточении предоставления постоянного вида на жительство для приезжающих, требование гарантии финансового и жилищного обеспечения от лица, ходатайствующего о приёме родственников по статье воссоединения семьи. После кризиса с беженцами 2015 г. социал-демократы отстаивают ужесточение миграционного законодательства. Значительная часть бывших избирателей СДРПШ отошла к Шведским демократам, что

¹⁶⁵ «13,5 procent arbetslöshet kräver fungerande arbetsförmedling». 19.04.2020. URL: <https://www.dn.se/debatt/135-procent-arbetsloshet-kraver-fungerande-arbetsformedling/>

не может не беспокоить руководство правящей партии. Кроме того, становится очевидным, что нынешний кризис не позволяет продолжать прежнюю щедрую миграционную политику. Однако соратник социал-демократов по коалиции – партия «Зелёных», отстаивает противоположные принципы и не соглашается с большинством выдвинутых на обсуждение предложений. Из 26 пунктов документа, «Зелёные» одобрили лишь три и сопротивляются тому, чтобы документ был передан на широкое обсуждение. Фактически это предопределило раскол в коалиционном правительстве, преодолеть который ныне пытается премьер-министр С. Лёвен.

В недавнем выступлении он напрямую связал рост преступности в стране с проводимой иммиграционной политикой, когда в страну прибывает большое количество мигрантов, интеграция которых затруднена. Государство не справляется с подобной задачей, и следствием становится растущая социальная напряжённость в обществе. С. Лёвен подтвердил также, что линия его партии состоит ныне в стремлении уменьшить иммиграцию в страну и сделать более строгими законы предоставления вида на жительство и государственных пособий, и наибольшие противоречия наблюдаются у социал-демократов не с буржуазными партиями, а с «Зелёными» и Левой партией. Руководство СДРПШ вынуждено менять миграционную политику, учитывая приближающиеся выборы в парламент, где по прогнозам эти вопросы вновь окажутся в центре внимания. Конкурировать с Шведскими демократами, у которых растёт доля сторонников, СДРПШ становится всё труднее. Подобные процессы характерны и для соседней Дании, где социал-демократическая партия взяла на вооружение многие лозунги право-популистской Датской народной партии, поддержка которой избирателями после этого резко уменьшилась.

Что касается партии «Зелёных», то расхождения с социал-демократами по миграционной политике привели к широким дебатам о месте и дальнейшей политике партии. Критика со стороны недовольных была настолько острой, а расхождения весьма серьёзными, что подала в отставку одна из руководителей «Зелёных» Исабелла Лёвин, которая выступала против пе-

переговоров руководства СДРПШ с буржуазными партиями по миграционному вопросу. Последние опросы общественного мнения свидетельствуют о снижении рейтинга партии: она едва набирает 4% избирателей, готовых голосовать за неё. Не только её подходы к решению иммиграционного вопроса вызывают сомнения, но в зону критики попадают такие традиционно выигрышные для «Зелёных» сюжеты, как охрана окружающей среды и климатические изменения. И тут, по признанию самих «Зелёных», партия пожинает плоды неизбежных компромиссов, на которые приходится идти, чтобы сохранить статус правительственной партии. О желании оставаться в правительстве и после выборов 2022 г., заявил её руководитель П. Булюнд в интервью газете «Дагенс Нюхетер»¹⁶⁶. Однако не всё для «Зелёных» потеряно: в условиях равновесия основных политических сил в стране, на партию «Зелёных» смотрят как на возможного союзника по коалиции и Умеренные, которые уже предлагали им сотрудничество, хотя и здесь есть определённые риски. В Швеции на «Зелёных» привыкли смотреть как на «почти левую», и союз с «умеренными» вполне может отразиться на её имидже в глазах молодёжного электората. Будущее покажет, какие настроения в партии «Зелёных» возобладают и, главное, наберёт ли она заветные 4%, без которых её влияние сойдёт на нет.

ГЛАВА 12. **АВСТРИЯ: ОБНОВЛЕНИЕ** **КОАЛИЦИОННОГО ЛАНДШАФТА**

Лето 2019 г. в Австрии ознаменовалось политическим кризисом. 17 мая в местных СМИ появилась видеозапись, сделанная двумя годами ранее. На ней руководитель Австрийской партии свободы (АПС) Х.-К. Штрахе и лидер её парламентской фракции Й. Гуденус проводили переговоры с женщиной, которая представилась племянницей российского олигарха. Утверждалось, что на этой встрече шло обсуждение возможной сделки о покупке крупнейшей газеты «Kronen Zeitung» с последую-

¹⁶⁶ Bolund P. Vill fortsätta januarisamarbetet efter 2022. 03.09.2020. URL: <https://www.dn.se/sverige/per-bolund-vill-fortsatta-januarisamarbetet-efter-2022/>

шей сменой состава редколлегии и активной агитацией в пользу АПС. В обмен руководство этой партии обещало передать необозначенному предпринимателю крупнейшие подряды в сфере строительства. Кроме того, на встрече была затронута тема, по существу, незаконного финансирования Партии свободы. Этот инцидент, вошедший в историю Австрии как «Ибница-гейт», и спровоцировал мощный политический кризис в стране.

После публикации скандальной записи канцлер С. Курц – лидер Австрийской народной партии (АНП) – потребовал от Х.-К. Штрахе и Г. Кикля, также представителя АПС, покинуть посты вице-канцлера и министра внутренних дел. В ответ все министры от АПС ушли в отставку. В результате возникла необходимость проведения внеочередных парламентских выборов. Они состоялись 29 сентября того же года. Их итоги весьма показательны: АНП с результатом 37,46% (+5,99%) голосов одержала уверенную победу; на втором месте традиционно оказалась СПА, которую поддержали 21,18% (-5,68%) избирателей, третьей к финишу с большими потерями пришла АПС: её общий итог составил 16,17% (-9,80%) электоральной поддержки. Неожиданно сильно выступили «Зелёные», набрав 13,90% (+10,10%) голосов избирателей, тем самым улучшив прежний результат более чем в три раза.

По итогам выборов стало ясно, что в Австрии возможны только три коалиции (каждая из двух участников): АНП + СПА = 111 мест в парламенте; АНП + АПС = 102 места; АНП + «Зелёные» = 97 мест. Уже с начала переговоров выяснилось, что Социал-демократическая партия Австрии не будет участвовать в формировании коалиции, поскольку взгляды АНП и СПА на многие вопросы категорически не совпадали. К тому же в 2017 г. Австрийская народная партия уже имела неудачный опыт сотрудничества с социал-демократами, и обе стороны не желали его повторения. Руководство АПС не было готово участвовать в новой коалиции, поскольку партия признала себя виновницей скандала, развалившего прежнее правительство.

Итак, два из трёх коалиционных вариантов оказались нерезультативными, и для АНП остался только один возможный партнёр – «Зелёные». В конце 2019 г. политическая ситуация сложилась

для них как никогда удачно. Ещё два года назад они настолько плохо выступили на общенациональных выборах, что потеряли представительство в парламенте. Теперь они получили возможность принять участие в формировании федерального правительства. Понимая, что Народная партия, не желавшая повторных выборов, на которых её результат мог быть хуже, пойдёт на серьёзные уступки на переговорах с потенциальным партнёром по правительству, «Зелёные» сумели добиться включения многих своих позиций в повестку для коалиционных переговоров (в сферах образования, иммиграции, экономики и климатического кризиса).

В течение ноября-декабря 2019 г. АНП и «Зелёные» вели коалиционные переговоры, в результате которых сторонам удалось, хотя и не без сложностей, прийти к согласию. В январе 2020 г. коалиционный договор был опубликован. Канцлером стал С. Курц, лидер победившей партии, молодой по возрасту, однако уже опытный политический деятель Второй республики. Должность вице-канцлера занял руководитель партии «Зелёных» В. Коглер. Он же возглавил новое министерство искусства, культуры, государственной службы и спорта. Остальные портфели распределились следующим образом: АНП контролирует четыре важнейших государственных ведомства – министерство внутренних дел (К. Нехаммер), министерство европейских и международных отношений (А. Шалленберг), министерства финансов (Г. Блюмель) и министерство обороны (К. Таннер). Всего АНП получила десять министерских кресел. Остальные четыре достались «Зелёным», среди которых особенно важно отметить министерство здравоохранения (Р. Аншобер), а также новое уникальное ведомство по вопросам климата, экологии, энергетики, мобильности, инноваций и технологий (Леоноре Гевесслер). Последнее создали специально для «Зелёных», с учётом их партийной программы.

«Зелёные», ставшие младшим партнёром в правительстве, внесли ряд важных позиций в коалиционную программу. В ней обозначено, что уже к 2030 г. вся электроэнергия в Австрии будет производиться из возобновляемых источников, к 2035 г. планируется запретить газовое и угольное отопление. К 2040 г.

(срок указан как самый поздний) Австрия должна стать климатически нейтральной страной и перестать наносить ущерб климату, что может произойти на десять лет раньше, чем в Германии и Европейском союзе в целом. Народная партия и «Зелёные» планируют сделать упор на развитие железнодорожного и автобусного сообщения, причём как городского, так и междугородного. В коалиционном договоре содержится намерение переоснастить парк общественного транспорта машинами, работающими на электричестве, а также уменьшить потребление пластика на 20%. Более того, отныне все принимаемые законы будут проходить специальную экспертизу на предмет их влияния на климат¹⁶⁷.

Новое правительство Австрии оказалось уникальным по целому ряду пунктов. Во-первых, никогда раньше консерваторы и «Зелёные» не договаривались между собой на федеральном уровне. «Зелёные» впервые получили возможность участвовать в работе правительства Второй республики. Это правительство стало первым в истории Австрии, в котором женщины численно преобладали над мужчинами. С. Курц во второй раз стал самым молодым руководителем правительства и страны – члена Европейского союза. Средний возраст его министров оказался заметно ниже, чем в предыдущих правительствах. Есть основания полагать, что эта тенденция связана с тем, что в Австрии снизили избирательный ценз до 16 лет. Ещё один нюанс: министерство юстиции возглавила Альма Задич – первый в истории страны министр, потомок мигрантов и беженцев, в частности, из Боснии и Герцеговины¹⁶⁸.

Однако все намерения нового правительства в сфере экологии пришлось отложить по причине начавшейся пандемией. Народной партии и «Зелёным» удалось согласовать меры по борьбе с пандемией (закрытие границ, обязательное ношение перча-

¹⁶⁷ Das Regierungsprogramm im Detail und als Download. URL: <https://www.nachrichten.at/politik/innenpolitik/aus-verantwortung-fuer-oesterreich;art385,3207466> (дата обращения 20.07.20).

¹⁶⁸ Was die erste österreichische Ministerin mit Migrationshintergrund erreichen will. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/alma-zadi-was-die-erste-oesterreichische-ministerin-mit-migrationshintergrund-erreichen-will/25385626.html?ticket=ST-11114626-SGLFRoHx1pjbilL4klSS-ap5/>

ток и масок и т.д.). Кроме того, в июне 2020 г. из интервью вице-канцлера В. Коглера стало известно, что коалиция согласовала выплату в 450 евро в течение трёх месяцев для всех безработных. Невысокий уровень заболеваемости в Австрии позволяет сделать вывод о том, что коалиция Народной партии и «Зелёных» прошла первую проверку на прочность и имеет шансы успешно взаимодействовать в будущем.

ГЛАВА 13. БАЛКАНСКИЕ СЮЖЕТЫ

В постсоциалистической истории стран Юго-Восточной Европы, ныне входящих в ЕС (Болгария, Румыния, Словения, Хорватия), подавляющее большинство кабинетов были многопартийными и исключениями можно считать противоположные случаи. В начале 1990-х гг. для партий социалистического толка, в которые трансформировались бывшие коммунисты, коалиции были скорее данью новомодному политическому дизайну – средством «демократической» легитимизации, нежели необходимостью. Однако для противостоящих им многочисленных новорождённых «демократических» партий с антикоммунистической родословной объединение усилий являлось неременным условием победы. Постепенное убывание сил заставило и социалистов для достижения политического превосходства активно использовать коалиционную тактику и избирать себе в союзники даже партии, далеко не родственные, не чувствуя никакой идеологической брезгливости. Случались и казавшиеся «немыслимыми» коалиционные правительства соперников из противоположных лагерей, когда и тем, и другим, было важно избежать досрочных выборов: скажем, трёхпартийный кабинет социалистов, партии бывшего царя Бориса и Движения за права и свободы в 2005 г. в Болгарии или нынешняя ситуация в Хорватии. В этой стране Независимая демократическая сербская партия входит в коалицию с правонационалистическим Христианским демократическим содружеством, отдельные министры которого не чураются откровенно шовинистических и сербофобских заявлений. Важным фактором, стимулировавшим коалицион-

ность власти, стало наличие влиятельных партий национальных меньшинств (Демократического союза венгров Румынии, турецко-мусульманского Движения за права и свободы в Болгарии, Независимой демократической сербской партии в Хорватии), которые нередко в условиях примерного равновесия сил ведущих конкурентов не без выгоды играли роль балансира на политических весах и предопределяли конструирование правящего большинства.

Ситуация начала меняться в 2000-е гг., когда стала разваливаться фактически двухполюсная (или точнее: 2,5-полярная) политическая система. Соответственно, проявилась тенденция к постепенному выравниванию отмеченной асимметрии, что меняло и характер коалиций. Избиратель изверился в продуктивности чередования у власти двух традиционных политических соперников, которых перестал различать. Электорат во всё большей мере стал симпатизировать новообразованиям с неясным идейно-политическим профилем, деидеологизированной повесткой и прагматической программой, главным достоинством которых стала их непричастность к политическому истеблишменту и критическое к нему отношение. Центром консолидации недовольных становился какой-либо кумир общественного мнения, по стечению обстоятельств сумевший быстро снискать его благосклонность.

В Болгарии в 2001 г. оглушительную победу (120 из 240 мест в Народном собрании) одержало Национальное движение «Симеон II», созданное экс-монархом Симеоном Сакс-Кобург-Готским за пару месяцев до выборов. Однако к 2009 г. и он сам, и его движение полностью утратили доверие граждан (3,01% голосов на парламентских выборах) и даже не смогли преодолеть 4%-ный порог. Новым воплощением народных надежд стал мэр Софии Б. Борисов и его движение «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ). Оно получило 116 мест в парламенте. Повторить такой успех ему было не суждено. И хотя ГЕРБ после некоторого перерыва продолжает быть правящей партией, а Б. Борисов – премьером, удержание власти при помощи хрупких коалиций становится для него всё более трудной задачей. Очередным, но пока куда менее удачливым соискате-

лем подобной роли стала партия «Воля» (ранее «Либеральный альянс»), основанная в 2007 г. владельцем сети аптек и бензоколонок В. Марешки, именующим самого себя «болгарским Трампом». Партия себя позиционировала как противница коррумпированного политического истеблишмента, сочетая праволиберальную, националистическую и антииммигрантскую риторику с призывами к дружественным отношениям с Москвой. Последнее выглядело чистой демагогией, учитывая наличие в её руководстве нескольких заядлых русофобов и членов «Атлантического клуба». Ни в 2009, ни в 2013, ни в 2014 гг. партия не смогла добиться сколько-нибудь заметного результата. Однако на президентских выборах 2016 г. В. Марешки получил 11% голосов¹⁶⁹, а на парламентских в следующем году – партия «Воля» набрала 4,15% голосов, завоевав 12 мест в Народном Собрании¹⁷⁰. В преддверии последних выборов в Европарламент В. Марешки вновь прибег к испытанному способу привлечь к себе внимание, заявив о намерении начать кампанию за референдум о выходе страны из НАТО, которая «на практике ничего нам не даёт, но много забирает»¹⁷¹.

Столь же показателен и успех коалиции националистических партий «Объединённые патриоты» (НФСБ, Атака и ВМРО). Их кандидат в президенты К. Каракачанов получил в первом туре 14,97% голосов, заняв третье место. На парламентских выборах объединение смогло привлечь 9,31% голосов, что дало ему 27 мандатов в Народном Собрании. Тем самым оно стало незаменимым партнёром при формировании правящей коалиции, что дало сильные позиции в кабинете, который возглавил фаворит выборов – правоцентристская партия «ГЕРБ» Б. Борисова (33,54% голосов и 95 мандатов из 240). Тем не менее, даже эту партию и её лидера, с 2009 г. доминирующих на болгарской политической сцене и прославившихся подчёркну-

¹⁶⁹ Результаты от избори за президент и вице-президент на републиката. URL: <https://results.cik.bh/pvtr2016/tur1/president/>. Дата обращения 26.06.2018.

¹⁷⁰ Результаты от парламентарни избори. 26 март 2017. Разпределение на мандати. URL: <https://results.cik.bg/pi2017/mandati/index.html> (дата обращения 26.06.2018).

¹⁷¹ Болгарский политик призвал к выходу страны из НАТО. URL: <https://vz.ru/news/2018/5/3/920932.htm> (дата обращения: 26.06.2018).

то антироссийской политикой, не миновали новые веяния. Для довольно скромной (сравнительно с былыми результатами) победы и возвращения к власти им понадобились и антитурецкая риторика, и покаянные жесты в сторону Москвы, прежде немыслимые и «еретические» для Брюсселя и Вашингтона. Они, впрочем, неизменно компенсируются показательными антироссийскими провокациями по самым вздорным поводам.

В Словении на трёх последних парламентских выборах любимцами фортуны становились свежеиспечённые незадолго до голосования политические формирования, самоидентификация которых не включала идеологические координаты, но подчёркивала отличия от существующих партий. Символом и единственным капиталом новичков был внушающий надежду новый лидер. В 2011 г. такую роль сыграла «Позитивная Словения», которую создал популярный мэр Любляны З. Янкович, в 2014 г. – Партия М. Церара (профессора права Люблянского университета), позднее переименованная в Партию современного центра, в 2018 г. – Список М. Шарца. Громкие победы новобранцев политической сцены объяснимы одним – сильным массовым запросом на её обновление и крайне низким уровнем доверия граждан элите. Однако словенское общество склонно быстро разочаровываться в былых кумирах, и очередные выборы нередко приносят успех следующему дебютанту. На досрочных парламентских выборах 3 июня 2018 г. удача оказалась благосклонна к М. Шарцу – актеру-комику и популярному на телевидении политическому пародисту, с 2010 г. преуспевавшему мэру небольшого городка. Хотя фаворитом на выборах стала правоцентристская Словенская демократическая партия (СДП) экс-премьера Янеза Янши (24,96% голосов), второе место занял «Список Марьяна Шарца» (12,66%), заметно обогнав остальные партии – как старые, так и относительно молодые¹⁷². Поскольку большинство их отказалось даже вступать в переговоры с Я. Яншей, к власти пришла левоцентристская коалиция во главе с М. Шарцом.

¹⁷² Izidi glasovanja po voliščih v Sloveniji. URL: <https://www.dvk-rs.si/index.php/si/arhiv-drzavni-zbor-rs/volitve-v-drzavni-zbor-rs-2018> (дата обращения 02.04.2020).

Схожие процессы заметны в Хорватии. На фоне продолжающегося противоборства двух основных политических соперников: правоконсервативного и националистического Хорватского демократического содружества и Социал-демократической партии, – всё большую роль стали играть представители т.н. «третьей Хорватии», не принадлежащие к партийно-политическому истеблишменту и против него выступающие. Уже при избрании президента (2015 г.) главной сенсацией стали 16,42% голосов, отданных в первом туре 24-летнему студенту И. Синчичу из общественной организации «Живая стена», борющейся с принудительным выселением граждан за долги. Его избиратели фактически проголосовали «против всех». Сходный феномен проявился и на внеочередных парламентских выборах 8 ноября 2015 г.¹⁷³. 19 (впоследствии 15) мандатов (вскоре четверо депутатов покинули группу) и «золотая акция» в решении вопроса о составе правительства достались объединению независимых «Мост», созданному в 2012 г. в провинциальном городке молодыми активистами общественных объединений и социальных сетей. Группа претендует на центристскую позицию в политическом спектре, а постоянное выяснение отношений между «наследниками усташей» [хорватских фашистов – авт.] и «потомками партизан» – неизменный мотив противоборства националистов с социал-демократами – независимые считают лишь средством отвлечь внимание граждан от насущных проблем страны.

После драматического торга и с левыми, и с правыми Мост» склонился к союзу с ХДС. Противоречия между ними через полгода привели к падению кабинета и ещё одним внеочередным выборам 11 сентября 2016 г. ХДС жёсткой националистической риторикой сумело стянуть к себе весь правый электорат (61 мандат). Социал-демократы, взявшиеся перещеголять соперников на чужом поприще, были наказаны (54 места). Однако «Мост» (13 мандатов) подтвердил свою позицию весомого партнёра при формировании правительства. Впервые вышедшая на парламентские выборы «Живая стена» И. Синчича получила 8

¹⁷³ Election for Hrvatski Sabor (Croatian Assembly). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2882/> (дата обращения 26.06.2018).

мандатов.¹⁷⁴ Тенденция к обновлению политической сцены получила зримое воплощение. И хотя лидер «Моста» занял пост главы парламента, а его соратники несколько министерских постов, союз вновь оказался не долговечным. «Мост» вскоре ушёл в оппозицию, его парламентская фракция сократилась до 10, а у «Живой стены» – до 3 депутатов. Успехи на выборах не смогли восполнить отсутствия политического и управленческого опыта и достаточных кадровых ресурсов, не нашлось и необходимой политической гибкости.

Очередное проявление той же тенденции наблюдалось и на президентских выборах (22 декабря 2019 – 5 января 2020). Помимо двух основных соперников из одиннадцати претендентов привлекали внимание несколько независимых. Среди них выделялся популярный певец и музыкант М. Шкоро. Он и сам некогда был членом ХДС, но на этот раз решил действовать самостоятельно, понося «власть предрержащих» и отнимая у них крайне правый националистический электорат – исторический заповедник «хадеэсовцев». Адвокат М. Колакушич заработал популярность на защите принудительно выселяемых из жилья должников, которую успешно «конвертировал» в мандат депутата Европарламента на недавних выборах. И. Пернар, депутат хорватского Сабора и один из руководителей организации «Живая стена», прославился на том же поприще и эффектно дебютировал на прошлых парламентских выборах. Однако «Живая стена» после того, как смогла провести в Европарламент своего лидера И. Синчича, раскололась из-за распри вождей. В президенты И. Пернар выдвигался уже как глава отдельной партии собственного имени. В итоге независимые помешали главным соперникам разрешить их спор уже в первом туре и серьёзно повлияли на итоги второго. Отказ М. Шкоро поддержать во втором туре кандидата ХДС К. Грабар-Китарович обеспечил победу выдвиженцу социал-демократов З. Милановичу.

На политической сцене в Румынии, где последние годы национал-либералы и сочувствующий им президент жёстко враждуют с социал-демократами и их премьерами, также обозначи-

¹⁷⁴ Election for Hrvatski Sabor (Croatian Assembly). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2971/> (дата обращения 26.06.2018).

лась молодая политическая сила с неопределённой идеологией – «Союз спасения Румынии». Он был сформирован в 2016 г. после успеха «Союза спасения Бухареста» на местных выборах в столице, когда новое формирование и его лидер Н. Дан заняли второе место. В декабре 2016 г. «Союз спасения Румынии» получил на парламентских выборах 8,92% голосов, 13 мест в Сенате и 30 кресел в Палате депутатов¹⁷⁵, став третьей по популярности партией в стране. Впрочем, её вряд ли правомерно причислять к принципиальным противникам истеблишмента, учитывая готовность занять сторону президента в противостоянии с социал-демократами. Для них же характерной чертой предвыборной кампании стала активная эксплуатация националистических и евроскептических настроений, что и принесло им победу, несмотря на все обвинения лидеров партии в коррумпированности. (далее пропущен абзац)

ГЛАВА 14. ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Прибалтийские страны выделяются несколькими характерными особенностями, касающимися коалиционных правительств. Так, в отличие от большинства других стран, коалиционные правительства в Прибалтике выступают не одной из опций межпартийных взаимоотношений, а служат обычной нормой формирования местных правительств. В силу исторических условий население стран Прибалтики условно разделено на три группы с разными взглядами на международную ориентацию своих государств. Их можно разделить на западников, сторонников многовекторности – восточников и националистов – государственников. Это размежевание в полной мере проецируется почти на весь прибалтийский электорат. Соответственно, ни одна из прибалтийских партий объективно не в состоянии на-

¹⁷⁵ Romania. Election for Camera Deputaţilor (Romanian Chamber of deputies). Results. URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2693/> (дата обращения 26.06.2018). Romania. Election for Romanian Senate. Results. URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/2692/> (дата обращения 26.06.2018).

брать на выборах такое количество голосов, которое необходимо для самостоятельного правления. Другая особенность состоит в том, что симпатии прибалтийского населения к Евросоюзу находятся на уровне примерно 30%. За исключением конъюнктурных флуктуаций такой уровень, если опираться на показатели выборов в Европарламент, остаётся с 2004 г. почти неизменным¹⁷⁶.

Разумеется, в каждой из прибалтийских стран коалиционные правительства обладают национальными особенностями. Рассмотрим подробнее данную диспозицию.

Действующее в Латвии коалиционное правительство образовано по итогам выборов в национальный парламент Сейм¹⁷⁷ 6 октября 2018 г. В ходе парламентских выборов партии, претендующие на статус системных, не смогли достичь убедительных результатов, набрав в среднем по 12,8% голосов¹⁷⁸. Депутатские мандаты на выборах 2018 г. получили 7 партий¹⁷⁹. Из них наибольшее количество мест (22) досталось партии «Согласие» (по-латышски – «Saskaņa»), представляющей интересы русскоязычного и латышскоговорящего населения. Остальные шесть партий: «Кому принадлежит страна?», Новая консервативная партия, Развитию/За!, Национальное объединение, Союз «зелёных» и крестьян, Новое единство распределили места в парламенте, получив от 8 до 16 депутатских мандатов. «Согласие» традиционно опережает другие партии по количеству голосов на парламентских выборах, но считается оппозиционной партией в Сейме, поскольку другие партии традиционно отказывают ей в мандате на формирование правительства.

Мотив преднамеренной изоляции партии «Согласие» определяется тем, что её эвентуальное участие в правительстве мо-

¹⁷⁶ Официальный сайт Европарламента. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/about> (дата обращения 29.07.2020).

¹⁷⁷ Национальный парламент Латвии называется Сазэйма (на латышском – «Saeima»), общепринятое название на русском языке – Сейм; состоит из одной палаты, насчитывающей 100 мест.

¹⁷⁸ Расчёт автора, сделанный на основании данных Центральной избирательной комиссии Латвии.

¹⁷⁹ Официальный сайт Сейма Латвии в части представленных партий. URL: https://titania.saeima.lv/Personal/Deputati/Saeima13_DepWeb_Public.nsf/structureview?readform&type=2&lang=LV (дата обращения 28.07.2020).

жет повлечь изменение государственной идеологии Латвии. В её внутренней политике ключевым идеологическим тезисом стало разделение населения страны на латышскоговорящее и русскоязычное. Во внешней политике доминирует тезис о так называемой «российской угрозе», под которой понимают якобы имеющееся у России намерение присоединить к себе Прибалтику силой, используя русскоязычное население в качестве «пятой колонны».

Несмотря на указанный «привычный» для Латвии избирательный алгоритм, выборы 2018 г. оказались особо провальными для системных партий. Среди них не нашлось партии, которая выделялась бы своими результатами на выборах и служила бы убедительной основой для формирования коалиционного правительства. В этой связи формирование коалиционного правительства, исключая участие партии «Согласие», приобрело затяжной характер и растянулось почти на четыре месяца. В конечном итоге мандат на формирование правительства был предоставлен партии «Новое единство», набравшей на парламентских выборах наименьшую долю голосов и получившей наименьшее количество мандатов в Сейме – 8 мест¹⁸⁰. Выбор опорной для коалиции партии и медленный характер создания коалиции были обусловлены не столько трудностями согласования позиций между партиями, сколько стремлением подобрать на министерские посты политиков, соответствующих государственной идеологии, готовых и обладающих личными качествами твёрдо её отстаивать. Правительство, в состав которого вошли 5 из 7 парламентских партий, приступило к деятельности 23 января 2019 г.¹⁸¹. Нынешнее коалиционное правительство Латвии можно рассматривать как пример консолидации аусайдеров и партий, неспособных получить большинство на парламентских выборах.

Провальные для «системных» партий парламентские выборы 2018 г. и неурядицы с созданием коалиционного правитель-

¹⁸⁰ Официальный сайт Сейма Латвии. URL: https://titania.saeima.lv/Personal/Deputati/Saeima13_DepWeb_Public.nsf/structurereview?readform&type=2&lang=LV (дата обращения 28.07.2020).

¹⁸¹ Официальный сайт правительства Латвии. URL: <https://www.mk.gov.lv/> (дата обращения 25.07.2020).

ства в 2018–2019 гг. побуждают поставить вопрос об их причинах. Идёт ли речь о разных обстоятельствах или наличествует некий общий знаменатель?

Наиболее очевидным представляется объяснение, согласно которому латвийские партии не уживаются с государственной идеологией, подчинённой целям разобщения латвийского общества и поиска внешнего врага. Однако можно подойти к теме с иной стороны: не отражает ли электоральная слабость коалиционных партий сложности с выработкой коалиционной основы их взаимоотношений, что порождает кадровую чехарду с подбором кандидатов на министерские посты? В пользу такой гипотезы говорит и то, что коалиционные партии сегодняшнего правительства относятся к партиям, созданным относительно недавно – во втором десятилетии XXI в.

В целом, судя по всему, сохранение латвийской государственной идеологии на данном этапе возможно в основном видимо за счёт консолидации меньшинства и узурпации им власти. В таком контексте коалиционное правительство становится фактором, сдерживающим развитие социально-экономических отношений внутри латвийского общества.

Действующее в Литве коалиционное правительство сформировано по итогам парламентских выборов, состоявших в октябре 2016 г. В Сейм были избраны 6 партий, из которых две партии: «Союз крестьян и зелёных Литвы» (СКЗЛ) и Социал-демократическая партия Литвы (СДПЛ) образовали коалиционное правительство¹⁸². Осенью 2017 г. СДПЛ приняла решение расторгнуть коалицию по причине несогласия с политикой премьер-министра Саулюса Сквернялиса (СКЗЛ)¹⁸³. В ходе серии интриг СДПЛ оказалась расколотой. В октябре 2017 г. часть депутатов покинули СДПЛ и образовали новую партию под названием Социал-демократическая трудовая партия Литвы (СДТПЛ), которая сразу же вступила в коалицию с СКЗЛ. В коалиции СКЗЛ выступает ведущей силой, обладая 55 депутатскими ман-

¹⁸² Официальный сайт Сейма Литвы. URL: <https://www.lrs.lt/> (дата обращения 29.07.2020).

¹⁸³ Официальный сайт правительства Литвы. URL: <http://ministraspirmininkas.lrv.lt/lt/> (дата обращения 30.07.2020).

датами, а СДПЛ выглядит вспомогательной с 11 депутатскими мандатами. В сумме у коалиции 66 из 141 депутатских мандатов, что обеспечивает её достаточно устойчивое доминирование в Сейме с учётом идеологической разнородности остальных парламентских партий.

«Союз крестьян и зелёных Литвы» относится к системным партиям страны. Активное участие Союза в литовской политической жизни приходится на рубеж XX и XXI вв. Некоторые склонны её воспринимать как своего рода правопреемницу литовских партий, родившихся в период революции 1905 г. в России и отражавших интересы крестьянства¹⁸⁴. Первоначально она располагалась на левом крыле литовского политического спектра и считалась левоцентристской. Рост популярности заметен в начале 2000-х гг., когда к её руководству партией пришла Казимира Прунсене. В своё время она занимала пост Председателя совета министров Литовской ССР, показала себя умелым администратором и пользовалась авторитетом среди населения, особенно в сельской местности. Возглавляемая К. Прунсене партия проводила курс, направленный на многовекторную внешнюю политику и социально ориентированную внутреннюю политику. Под многовекторностью понималось в том числе поддержание добрососедских отношений с Россией.

После смены партийного руководства «Союз крестьян и зелёных Литвы» последовательно дрейфует вправо. В настоящее время партийная программа и партийная практика СКЗЛ идут вровень с литовскими традиционными правыми партиями и даже соперничают с ними, а руководители СКЗЛ часто прибегают к антироссийской риторике. Более глубокая причина нынешней популярности партии СКЗЛ заключается в том, что она аккумулировала в своей политике и идеологии две фундаментальные литовские национальные ценности. Первая выражает историческое стремление Литвы выступать лидером Прибалтики и определять стратегию развития субрегиона. Борьбу за то, чтобы быть носителем такой идеологии традиционно вели между собой центристская Социал-демократическая партия Литвы и правоцент-

¹⁸⁴ Официальный сайт партии «Союз крестьян и зелёных Литвы». URL: <https://www.lvzs.lt/lt/> (дата обращения 30.07.2020).

ристская партия – Союз Отечества – Литовские христианские демократы. Несколько лет тому назад в их соперничество включилась СКЗЛ. Другая амбиция литовцев – преодолеть исторические разногласия Литвы и Польши и выстроить союзнические литовско-польские отношения. Нынешнее партийное руководство «Союза крестьян и зелёных Литвы» объединило обе литовские ценности. Ставится цель политического и экономического сближения Литвы и Польши, принятие Литвой на себя роли связующего звена между Польшей и Прибалтикой с расчётом на формирование польско-прибалтийского субобъединения во главе с Польшей.

Практические возможности такой концепции уже апробированы. В частности, Польша и прибалтийские республики составляют в ЕС группу стран, которые не только возражают против отмены санкционного режима в отношении России, но и настаивают на том, чтобы придать санкциям состояние нормальных отношений с Россией. Эта же группа стран выступает против проекта «Северный поток-2».

Действующее коалиционное правительство Эстонии сформировано 17 апреля 2019 г. по результатам прошлогодних парламентских выборов. В коалицию вошли Центристская партия Эстонии, Народная консервативная партия Эстонии и партия «Отечество» (Isamaa). Это коалиционное правительство может служить примером того, как партии правого толка наращивают посредством участия в коалиции своё влияние и становятся значимым фактором во внутривнутриполитической жизни страны. Примером может быть Народная консервативная партия Эстонии (НКПЭ). До недавнего времени НКПЭ считали политическим аутсайдером и маргинальной партией, на что были вполне зримые основания. С основания в 2012 г. и до недавнего времени НКПЭ по популярности в стране и по симпатиям электората оставалась партией меньшинства, но активно претендующего на ведущую роль в политике. В Эстонии ведущими политическими партиями считаются Центристская партия и Партия реформ, которые традиционно пользуются предпочтениями эстонского электората.

Однако повышенная публичная активность партийных фун-

кционероv НКПЭ и в парламентской деятельности, и в целом в жизни эстонского общества дала свои результаты. Уже на первых после образования партии парламентских выборах в 2015 г. эстонские консерваторы сумели пройти в национальный парламент – Рийгикогу, хотя они оказались и на последнем месте по количеству депутатских мандатов (7) среди шести партий, представленных в парламенте, но обрели статус парламентской партии. Заметное улучшение положения НКПЭ в эстонском партийном пространстве было подтверждено на парламентских выборах 2019 г., когда она получила 19 депутатских мандатов¹⁸⁵, почти утроив их количество по сравнению с 2015 г. В целом в эстонском парламенте консерваторы заняли около 20% мест.

Если отвлечься от цифр, характеризующих положение НКПЭ в Рийгикогу, то итоги парламентских выборов 2019 г. вполне очевидно свидетельствуют о поправении эстонского электората. Посмотрим на этот факт в более широком плане. Учитывая, что электорат, безусловно, представляет наиболее активную часть местного населения и сопоставляя парламентские выборы 2015 и 2019 гг., можно констатировать, что в Эстонии наблюдается радикализация общественных настроений.

Объяснения быстрому росту популярности НКПЭ просматриваются в следующих обстоятельствах. Образование партии произошло в результате слияния аграриев-центристов и радикальных националистов. От первых партия получила заметный по численности электорат, а от вторых – основные положения партийной программы и националистические лозунги. Исторически эстонский менталитет имеет крестьянское происхождение и поэтому склонен к консерватизму. Националисты придали ему радикализм. Этот симбиоз весьма перспективен в Эстонии и быстро набирает силу.

Приглашение НКПЭ к участию в коалиции исходило от руководства Центристской партии Эстонии. Центристы проявили политическую проницательность, полагая, что настроения в эстонском обществе имеют тенденцию к поправению. Кроме то-

¹⁸⁵ Сайт Рийгикогу в части партийного состава. URL: <https://www.riigikogu.ee/tutvustus-ja-ajalugu/riigikogu-ajalugu/xvi-riigikogu-koosseis/> (дата обращения 15.07.2020).

го, кризис, вызванный COVID-19, обнажил социально-экономические проблемы, которые эстонская пропаганда замалчивала. Возможно, центристы заглядывают вперёд и посредством коалиции хотели бы избежать межпартийного соперничества с НКПЭ на фоне её растущей популярности. В настоящее время партия НКПЭ – полноправный член коалиционного правительства, а её руководители занимают в нём ключевые посты министра внутренних дел и министра финансов¹⁸⁶.

ГЛАВА 15. ЕВРОПАРЛАМЕНТ: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФРАКЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ

Европейская комиссия (ЕК) – один из главных институтов Евросоюза и занимает ведущее место в системе управления ЕС наряду с Европейским советом и Европейским парламентом (ЕП). В соответствии с Лиссабонским договором её статус, порядок формирования и структура, а также основы её компетенции и условия их осуществления определяются ст. 17 Договора о ЕС и ст. 244-250 Договора о функционировании ЕС.

Еврокомиссию иногда сравнивают с институтом национального правительства. Действительно, по своему статусу, месту и роли в политической системе ЕС она во многом похожа на правительства отдельных государств. Однако до последнего времени у ЕК отсутствовал один из важнейших элементов правительственного института, а именно: она формировалась не на партийно-политической основе по итогам общеевропейских парламентских выборов.

На первых порах Европейскую комиссию формировал Европейский совет, включающий глав государств и правительств стран – членов ЕС. Большинство стран представляли лидеры национальных партий (в основном консерваторов или социалистов), и в этом смысле партийные предпочтения играли опреде-

¹⁸⁶ Официальный сайт правительства Эстонии в части партийного состава. URL: <https://www.valitsus.ee/en/objectives-activities> (дата обращения 29.07.2020).

лѐнную роль при назначении Председателя ЕК и, особенно, её членов, которых рекомендовали в состав Комиссии эти самые главы государств и правительств. Однако процесс формирования ЕК в тот период не имел институциональной основы с точки зрения общеевропейского политического представительства. В результате заметно пострадали статус и общественное восприятие Европарламента, практически исключѐнного из процедуры формирования Еврокомиссии, хотя ЕП остаѐтся единственным политическим институтом в ЕС, формируемым в результате волеизъявления его граждан.

Ситуация стала меняться в конце 1980-х гг., когда в ЕС стали формироваться так называемые общеевропейские партийные объединения. В 1976 г. возникла Европейская народная партия (ЕНП)¹⁸⁷, в 1973 г. сформировалась Конфедерация социалистических партий Европы, которая в 1992 г. была преобразована в Партию европейских социалистов¹⁸⁸ (ПЕС). В 1984 г. возникла Европейская партия зелёных (ЕПЗ)¹⁸⁹, затем Альянс либералов и демократов (АЛДЕ)¹⁹⁰, партия Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР), партия Европейских левых (ПЕЛ), и т.д.

В 1992 г. в раздел 41 Маастрихтского договора¹⁹¹ была добавлена ст. 138а (позднее перенумерованная в ст. 191) Римского договора, в которой было указано, что «политические партии на европейском уровне имеют важное значение в качестве фактора интеграции в рамках Союза. Они способствуют формированию европейского самосознания и выражению политической воли граждан Союза». В настоящее время в ЕС официально зарегистрированы и функционируют 10 общеевропейских партий-

¹⁸⁷ Jansen T. The European People's Party: Origins and Development. London, Macmillan Press, 1998. P. 68-69.

¹⁸⁸ Гуселетов Б.П. Европейская социал-демократия: есть ли шанс на возрождение? Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. 2019. С. 43-48. URL: <http://vestnikieran.Instituteofeurope.ru/images/Guseletov52019.pdf>.

¹⁸⁹ Bomberg E. Green Parties and Politics in the European Union. Routledge Academic Publisher. 2005. P. 70.

¹⁹⁰ Гуселетов Б.П. Удастся ли европейским либералам остаться третьей силой в Европе? Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2. С. 48-54. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Guseletov22020.pdf>.

¹⁹¹ Сайт «EUR-Lex – 11992M/TXT – EN – EUR-Lex». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:11992M/TXT>.

ных объединений, участвующих в выборах депутатов Европарламента, которые проводятся с 1979 г., и по их итогам формируют соответствующие фракции (политические группы). В 1992 г. Договором о Евросоюзе¹⁹² в процедуру её формирования был внесён ряд принципиальных изменений, сделавшие его представительский институт – Европарламент – «соучастником» процесса формирования исполнительного органа ЕС.

В результате порядок формирования Комиссии приобрёл некоторые сходства с порядком назначения правительства в парламентской либо полупрезидентской республике, где в роли коллективного президента выступал Европейский совет. Все эти изменения демонстрировали, что политическая система ЕС постепенно эволюционирует в сторону парламентарной формы правления.

До 2009 г., когда вступил в силу Лиссабонский договор, Европейский совет не обязан был учитывать результаты выборов в Европарламент при формировании Еврокомиссии. Тем не менее, партийные объединения, имевшие в Европарламенте даже относительное большинство, стремились провести на должность председателя ЕК своего представителя. Например, в 1985 г. самую большую фракцию в ЕП имела ПЕС, и председателем Еврокомиссии стал её представитель – французский социалист Ж. Делор, занимавший этот пост с 1985 по 1995 гг. Затем его сменил представитель ЕНП из Христианско-социальной народной партии Люксембурга Ж. Сантер, занимавший этот пост с 1995 по 1999 г., которого, в свою очередь, сменил представитель ПЕС от Демократической партии Италии Р. Проди (1999–2004 гг.). Ему на смену пришёл представитель ЕНП из Социал-демократической партии Португалии Ж. М. Баррозу, занимавший этот пост с 2004 по 2014 г.

Сам состав Еврокомиссии формировался путём делегирования в неё 1-2 до 2004 г., а после – одного представителя от страны – члена ЕС. Кандидатура еврокомиссара во многом зависела от того, какая партия в данной стране в тот момент находилась у власти. Таким образом, сами по себе общеевропейские

¹⁹² Договор о Европейском союзе (новая редакция). URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>

партийные объединения не могли напрямую влиять на формирование состава ЕК, но тем не менее определённая корреляция между итогами общеевропейских выборов и представительством этих партий в ЕК существовала.

С 1979 по 2004 г. ЕНП и ПЕС на двоих имели от 60 до 80% мест в Еврокомиссии, а так называемые независимые члены ЕК чаще всего делегировались в неё при поддержке одной из этих партий. Определённое представительство в ЕК всегда имели европейские либералы из АЛДЕ – на уровне 7-12%, за исключением 2004 г., когда их представительство подскочило сначала до 20, а затем до 44%. Этот всплеск был связан с тем, что в 2004 г. в связи с присоединением к ЕС новых членов комиссия Р. Проди увеличилась на 10 человек. И среди них оказались два представителя АЛДЕ от Эстонии и Кипра.

После выборов 2004 г. представительство АЛДЕ в Еврокомиссии Баррозу расширилось за счёт того, что помимо традиционных для либералов Бельгии, Голландии и Дании она имела представителей от Эстонии и Кипра, а также Болгарии, Ирландии и Финляндии, где в те годы либералы оказались весьма популярны.

Из других общеевропейских партийных объединений в тот период в ЕК лишь однажды (1999–2004 гг., Комиссия Проди) была представлена Европейская партия «зелёных», которую представляла М. Шрейер из немецкой партии «Зелёные». В то время Германия имела двух еврокомиссаров, один из которых представлял СДПГ (ПЕС), а другую партию «Зелёных», которая на парламентских выборах в этой стране 2002 г. показала третий результат и стала членом правящей коалиции¹⁹³.

Остальные общеевропейские партии, имевшие свои политические группы в Европарламенте (ЕКР, ПЕЛ, правые радикалы) своих представителей в ЕК в этот период не имели, что отчасти свидетельствовало об их маргинальности.

Тем не менее, Европарламент постепенно усиливал своё влияние на деятельность Еврокомиссии. Так, например, после того как в 1989 г. ЕП выдвинул обвинения в коррупции против

¹⁹³ Швейцер В.Я. Многопартийность: перемены на западном фронте // Современная Европа. 2003. №2. С. 55-63.

ряда членов Комиссии Сантера, последний принял 15 марта 1999 г. решение о коллективной отставке всей комиссии¹⁹⁴.

Первая комиссия Баррозу (2004–2009 гг.) также столкнулась с серьёзными трудностями при обсуждении в Европарламенте кандидатов в её члены. По инициативе евродепутатов от ПЕС была отклонена кандидатура представителя «Союза христианских и центристских демократов» Италии (ЕНП) Р. Буттильоне из-за его крайне консервативной позиции по вопросам положения женщин в браке и отношения к гомосексуализму, который он считал грехом¹⁹⁵. В результате его пришлось заменить на представителя партии «Вперёд, Италия» – видного итальянского политика Ф. Фраттини.

Вторая комиссия Баррозу была сформирована по итогам общеевропейских выборов 2009 г. И хотя Баррозу имел поддержку ряда ведущих европейских лидеров, включая С. Берлускони и Н. Саркози, он заявил, что решение о том, кто возглавит исполнительный орган Евросоюза, должно быть принято политическими партиями, представленными в Европарламенте¹⁹⁶. Победу на выборах 2009 г. вновь одержала ЕНП, набравшая 36% голосов избирателей. Она опередила ПЕС, получившую 25%, АЛДЕ – 11,4%, ЕПЗ – 7,5%, ЕКР – 7,3%, ПЕЛ – 4,8% и праворадикальную партию «Европа свободы и демократии» (ЕСД) – 4,3%. Места членов ЕК среди партий распределились следующим образом: ЕНП – 48,2%, АЛДЕ и ПЕС по 25,9%. Итоги свидетельствовали как о падении влияния социалистов в ряде европейских стран, в которых они традиционно были сильны (Австрия, Болгария, Германия, Италия, Польша, Франция, Финляндия, Швеция и др.), а также об усилении противостояния между фракциями консерваторов (ЕНП) и социалистов (ПЕС) в Европарламенте, в результате чего победившие народники предпочли социалистам либералов из АЛДЕ.

¹⁹⁴ Ringer, Nils F. The Santer Commission Resignation Crisis: Government-Opposition Dynamics in Executive-Legislative Relations of the EU. University of Pittsburgh. February 2003. 47 p.

¹⁹⁵ Bowley Graham. «EU deputies not swayed on Buttiglione: Barroso proposals fail to quell revolt». International Herald Tribune, 22.10.2004.

¹⁹⁶ «Berlusconi backs Barroso to head EU Commission again». France press Agency, 09.07.2009.

Тем не менее, при утверждении состава ЕК в парламенте вновь по инициативе депутатов от ПЕС была отклонена кандидатура Т. Елевой из болгарской партии ГЕРБ (ЕНП), которую заменили на другую представительницу ГЕРБ К. Георгиеву, занимавшую на тот момент пост вице-президента Всемирного банка. В целом можно сказать, что процесс утверждения состава второй комиссии Баррозу представлял собой начало плавного перехода от модели формирования ЕК исключительно Евросоветом (т.е. главами государств и правительств) к модели с более активным участием европейских политических партий через их фракции в Европарламенте.

Накануне очередных 2014 г. общеевропейских выборов в качестве важной меры укрепления легитимности ЕП предложил инициативу по выдвижению каждой европейской партией, участвующей в этих выборах, так называемого «ведущего кандидата» (Spitzenkandidat), который представляет партию в ходе выборов и в случае победы предлагается на пост главы ЕК. Эта инициатива заметно усиливала положения Лиссабонского договора, согласно которому ЕП избирает большинством голосов кандидата на пост Председателя ЕК по предложению Евросовета с учётом итогов выборов. Она способствовала трансформации политической системы ЕС в сторону её большей демократизации и транспарентности¹⁹⁷ за счёт перераспределения полномочий между ЕП и Евросоветом.

На выборах 2014 г. эта инициатива была впервые реализована, и возглавлявший список победившей на них ЕНП Ж.-К. Юнкер был избран Председателем ЕК. Этот опыт поддержало большинство европейских избирателей, которые впервые голосовали за общеевропейские партийные объединения, сознавая, кто по итогам выборов станет новым главой Еврокомиссии.

Казалось бы, на следующих выборах 2019 г. этот эксперимент должен быть продолжен, тем более что за прошедшие 5 лет объединённая Европа пережила ряд серьёзных кризисов. К

¹⁹⁷ Rohrschneider R., Schmitt H. and Popa S.A. Polarizing without Politicizing: The Effect of Lead Candidates' Campaigns on Perceptions of the EU Democracy, Paper presented at the EES2014 Conference, Mannheim, 6-8.11.2015. URL: http://eesho.mepage.net/wp-content/uploads/2015/11/Rohrschneider-Schmitt-and-Popa_Mannheim.pdf.

ним относятся миграционный кризис 2015–2016 гг., брекзит, обострение отношений между странами – основателями ЕС и так называемыми младевропейцами по вопросам преодоления миграционного кризиса и отношения к европейским ценностям (Венгрия, Польша), рост общественного недовольства слабостью и недемократичностью ключевых политических институтов ЕС, которое выразилось в росте электоральной поддержки евроскептиков на общеевропейском и национальном уровнях.

Значение выборов 2019 г. для европейских избирателей было крайне высоко, что нашло отражение в их небывало высокой явке. Для электората крайне важным был состав нового Европарламента и как он будет влиять на формирование новой Еврокомиссии. Все ведущие европейские партии выдвинули своих «ведущих кандидатов»: от ЕНП – лидер фракции в ЕП М. Вебер (Германия); от ПЕС – первый заместитель главы ЕК и бывшего министра иностранных дел Нидерландов Ф. Тиммерманс; от АЛДЕ – целых 7 кандидатов, среди которых лидер фракции АЛДЕ в ЕП Г. Верхофстадт и Еврокомиссар М. Вестагер (Нидерланды), от Европейских консерваторов и реформистов – депутат ЕП Я. Захардил (Чехия) и т.д.

Победу на этих выборах вновь одержали консерваторы из ЕНП, набравшие 21,0% голосов, лишь ненамного опередив ПЕС, у которой 18,5%. Затем расположилось объединение либералов «Обновим Европу» (ОЕ, бывшая АЛДЕ) – 13,0%, ЕПЗ – 11,7%, праворадикальная партия «Идентичность и демократия» (ИД) – 10,8%, ЕКР – 8,2% и ПЕЛ – 6,5%.

После длительных дискуссий Евросовет несколько неожиданно предложил на пост Председателя ЕК не М. Вебера, а министра обороны Германии Урсулу фон дер Ляйен, которая представляла партию ХДС (ЕНП), но не имела никакого отношения к избирательной кампании консерваторов.

Это решение, несомненно, нанесло заметный урон дальнейшей демократизации политической системы ЕС. И замедление процесса укрепления роли и влияния объединений европейских политических партий и формируемого ими Европарламента показывает, что, к сожалению, у глав государств и правительств, а также ряда партий нет единой позиции в вопросе распределе-

ния полномочий между ведущими политическими институтами союза.

Три партийные группы ЕНП, ПЕС и ЕПЗ последовательно отстаивают принцип *Spitzenkandidat* и необходимость усилить роль и статус Европарламента, либералы ОЕ и влиятельная часть членов Евросовета выступают против его автоматического применения.

Можно предположить, что по крайней мере в ближайшее время демократизация политической системы продолжится, роль и влияние общеевропейских партий и представительного органа ЕС Европарламента, отражающих интересы и умонастроения европейских избирателей, будут сохраняться, возможно, даже усиливаться, и они будут оказывать всё большее влияние на деятельность остальных институтов ЕС, включая Еврокомиссию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шансы, риски, перспективы

Сегодня свои коррективы в тему расклада политических сил в Европе может внести и далеко не завершившаяся пандемия. Пока что новая ситуация не привела к появлению каких-либо партий и движений, сделавших бы пандемию главным брендом своих позиций. Однако вполне правомерно предположить, что ближайшие выборы любого уровня дадут электоральный прирост оппозиционным силам. Здесь фаворитами выступают прежде всего партии экологического и лево-социалистического толка. В своих программах, а иногда и в практике коалиционного присутствия во власти, они всегда отдавали приоритет гуманистическим ценностям, а не чисто технологическим решениям. В выигрыше, безусловно, будут и националистические силы. Последние, как правило, рассматривали темы иммиграции с точки зрения проникновения потенциальных опасных инфекций на Запад от граждан «третьего мира».

Нельзя исключить и определённых перемен в программных установках партий истеблишмента (христианских демократов, консерваторов, либералов, отчасти социал-демократов). В пропагандистском плане они, безусловно, сделают теперь акценты

на реформы системы здравоохранения, столь необходимые в условиях пандемии. Очевидно, что при любом раскладе сил оппозиционные партии вряд ли будут пенять власть имущим на издержки в борьбе против коронавируса. В то же время оппозиция, даже не беря на себя всю полноту политической ответственности, не только может, но и должна выступать с инициативами, способствующими решению общих задач борьбы против пандемии.

Многое зависит и от межпартийного сотрудничества в рамках коалиций. При всех очевидных и вполне естественных расхождениях по частным внутривнутриполитическим проблемам тема коронавируса должна синхронизировать действия европейских коалиционных партнёров. Опора на различные социальные слои населения с их особыми экономическими интересами не может дозвезть над решением общих задач государственной важности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №11. С. 31-37.
2. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. №5. С. 7-23.
3. Басов Ф.А., Васильев В.И., А. Кокеев А.М., Хорольская М.В. Немецкое представление о безопасности // *Международная жизнь*. 2018. №10. С. 37-54.
4. Борко Ю.А. Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*. 2015. №3. С. 7-16.
5. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, Русский сувенир, 2012. 98 с.
6. Васильев В.И. ФРГ – США: дружба по расчёту? // *Международная жизнь*. 2020. №3. С. 24-37.
7. Васильев В.И. Quo vadis, Германия? // *Международная жизнь*. 2017. №2. С. 107-127.
8. Великобритания – 2010. Новая политическая ситуация / под ред. Ал.А Громыко. М.: ДИЕ РАН, Русский сувенир, 2010. 162 с.
9. Великобритания в преддверии всеобщих парламентских выборов в 2015 г. / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2014. 142 с.
10. Верников В.Л. Каталонский национализм как фактор истории Испании // *Современная Европа*. 2020. №4. С. 176-183.
11. Воронов В.К. Европейский порядок: мировая смена парадигмы? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. №3. С. 36-44.
12. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. 178 с.
13. Выборы в Европейский Парламент 2014: итоги и перспективы / отв. ред. В.В. Швейцер. М.: Ключ, 2014. 238 с.

14. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2017. 88 с.
15. Выборы и избирательные кампании в Европе (2014–2015 гг.) / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2015. 100 с.
16. Германия. 2016 / под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, 2017. 130 с.
17. Германия. 2018 / под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, 2019. 126 с.
18. Громько Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: 2007. 344 с.
19. Громько Ал.А. Политический ландшафт Европы. Грозит ли ЕС геополитическое одиночество? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3. С. 4-9.
20. Данилов Д.А. «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1. С. 17-23.
21. Данилов Д.А. Североатлантический альянс: бремя Трампа // Международная жизнь. 2017. №4. С. 20-41.
22. Европа: партии, выборы, власть / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2018. 130 с.
23. Европейская аналитика 2017 / под ред. К.Н. Гусева. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история, 2017. 176 с.
24. Европейская аналитика 2018 / под ред. К.Н. Гусева. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история, 2018. 168 с.
25. Европейская аналитика 2019 / под ред. К.Н. Гусева. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история, 2019. 144 с.
26. Европейский парламент. Проблемы и перспективы / под ред. В.Я. Швейцера. М., 2004. 208 с.
27. Зубарева М.А. Проблемы обеспечения безопасности в Германии и подходы немецких партий ХДС/ХСС к их решению // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2019. №4. С. 76-89.
28. Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М., 2019. 48 с.
29. Испания в меняющемся мире / под ред. В.Л. Верникова. М.: ИЕ РАН, 2017. 76 с.
30. Испания и Португалия в эпоху глобальных трансфор-

маций / под ред. Н.М. Яковлевой. М.: ИЛА РАН, 2017. 307 с.

31. Италия: от Второй республики к Третей? / под ред. Е.А. Масловой. М.: ИЕ РАН, 2015. 128 с.

32. Итальянская республика в меняющемся мире / под ред. А.А. Язьковой. М.: ИЕ РАН, 2014. 142 с.

33. Коалиционное правительство Великобритании – год после выборов / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2011. 180 с.

34. Кокеев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. №11. С. 26-34.

35. Леонов Е.С. Методы информационного воздействия США на примере Германии // *Международная жизнь*. 2018. №3. С. 78-90.

36. Максимычев И.Ф. Четверть века «большой ФРГ»: немцы и уроки истории // *Международная жизнь*. 2015. №10. С. 64-78.

37. Оленченко В.А. Страны Балтии: лаборатория методов внешнего управления // *Международная жизнь* 2015, №10. С. 89-110.

38. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму» / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2013. 142 с.

39. Павлов Н.В., Хохлов В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? // *Современная Европа*. 2015. №4. С. 69-80.

40. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2018. 140 с.

41. Политическая система Франции: незаконченная модернизация / под ред. Ю.И. Рубинского, Т.В. Белик. М., 2006. 136 с.

42. Португалия: 40 лет революции. Что дальше? / под ред. В.Л. Верникова. М.: ИЕ РАН, 2014. 82 с.

43. Правительство Терезы Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017 г. / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2017. 140 с.

44. Роль малых партий в партийно-политической системе Германии / под ред. В.Б. Белова и Е.П. Тимошенко. М.: ИЕ РАН, 2015. 136 с.

45. Рубинский Ю.И. Приметы времени. Том I. Мир и Европа: в 3-х томах. М.: ИЕ РАН, 2018. 440 с.
46. Рубинский Ю.И. Приметы времени. Том II. Франция: незаконченная модернизация: в 3-х томах. М.: ИЕ РАН, 2018. 424 с.
47. Рубинский Ю.И. Приметы времени. Том III. Франция на новых рубежах: в 3-х томах. М.: ИЕ РАН, 2018. 384 с.
48. Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011. 320 с.
49. Свет и тени «эры Макрона» / под ред В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2019. 128 с.
50. Сепаратизм в политической жизни современной Европы / под ред. П.В. Канделя. М.: ИЕ РАН, 2015. 88 с.
51. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II / под ред. Е.А. Масловой, О.В. Потёмкиной. М.: ИЕ РАН, 2017. 84 с.
52. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы / под ред. Е.А. Масловой. М.: ИЕ РАН, 2018. 108 с.
53. Социал-демократия в России и странах постсоветского пространства: вызовы и надежды. М.: Изд-во МГИМО, 2011. 249 с.
54. Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка / под ред. Н.Б. Кондратьевой и А.К. Никитина. М., 2019. 164 с.
55. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Часть I / под ред. Б.П. Гуселетова. М.: ИЕ РАН, 2017. 142 с.
56. Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Часть II / под ред. Б.П. Гуселетова. М.: ИЕ РАН, 2017. 116 с.
57. Фёдоров В.П. Германия: оптимизация Европы // Современная Европа. 2018. №3. С. 5-15.
58. Фёдоров В.П. Существует ли германский вопрос? // Современная Европа. 2015. №4. С. 15-27.
59. Хенкин С.М. Испания: современные тенденции массового протеста // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, №9. С. 73-82.
60. Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выборов 2015 г. в Великобритании / под ред. Е.В. Ананьевой. М.Е

ИЕ РАН, 2015. 148 с.

61. Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 158-171.

62. Экономика и политика Германии: через год после выборов/ под ред. В.П. Фёдорова и Е.П. Тимошенко. М.: ИЕ РАН, 2019. 134 с.

63. Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века) / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2016. 114 с.

64. Яковлев П.П. Испания в «красной зоне»: политическая перезагрузка в условиях пандемии // Свободная мысль. 2020. №4. С. 89-104.

65. Яковлев П.П. Испания после избирательного марафона: вызовы нового политического цикла // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №2(18). С. 61-75.

66. Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации. М.: ИЛА РАН, 2016. 260 с.

1. Ayora A. G. El silencio de los corderos // El Economista. Madrid, 25.01.2020.

2. Barata A., Carmo R. M. Portugal: ¿una socialdemocracia con futuro? // Nueva Sociedad. Buenos Aires. №281. Mayo-junio 2019.

3. Bolund, P.: Vill fortsätta januarisamarbetet efter 2022. Dagens Nyheter 03.09.2020.

4. Cavaco Silva, A. Quinta-feira e outros dias – Da coligação à 'geringonça'. Porto: Porto Editora, 2017. 592 p.

5. Fernández del Vado S. España, en estado de alarma // Revista Española de Defensa, abril 2020, №371. P. 6-14.

6. Lindvall, J., Bäck H., Dahlström C., Naurin E., Teorel J. Samverkan och strid i den parlamentariska demokratin. Stockholm 2017.

7. Meinander H., Karonen P., Östberg K. (red) Demokratins drivkrafter. Kontext och särdrag i Finlands och Sveriges demokratier 1890–2020.

8. Moral M.J. La actividad industrial, pendiente de la automoción // Cinco Días. Madrid, 15.05.2020.

9. Pereira, P.T. Democracia em Portugal. ¿Como evitar o seu

declínio? Lisboa: Edições Almedina, 2020. 240 p.

10. Pereira Marques, F. O Socialismo e o PS em Portugal. Lisboa: Âncora Editora, 2017. 328 p.

11. Rico J. Coronavirus: ¿Qué es el estado de alarma en España?¿En qué consiste? // El Periódico. Barcelona, 13.03.2020.

12. Sanchez e Iglesias cierran un programa de Gobierno que incluye subida de impuestos para las rentas mas altas y alzas del SMI hasta los 1.200 euros // El Economista. Madrid, 30.12.2019.

13. Serra Lopes, I. A Geringonça. – Lisboa: Oficina do Livro, 2019. 240 p.

14. Tolgfors S. (2017) Att skapa stabila regeringar i högerpopulismens Sverige Att skapa stabila regeringar i högerpopulismens Sverige. Stockholm 2017.

ОБ АВТОРАХ

Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., г.н.с., руководитель Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН, сопредседатель НС «Партийно-политические системы Европы XXI века».

Ананьева Елена Владимировна, к.филос.н., в.н.с., руководитель Центра британских исследований Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

Синдеев Алексей Александрович, д.и.н., профессор РАН, г.н.с. Отдела европейской безопасности ИЕ РАН.

Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Канинская Галина Николаевна, д.и.н., профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Алексеевкова Елена Сергеевна, к.полит.н., с.н.с., руководитель Центра итальянских исследований Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН.

Яковлев Пётр Павлович, д.э.н., руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Яковлева Наиля Магитовна, к.и.н., в.н.с. Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН.

Квашнин Юрий Дмитриевич, к.и.н., руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

Осколков Пётр Викторович, к.полит.н., с.н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Охошин Олег Валерьевич, к.и.н., с.н.с. Центра британских исследований Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

Плевако Наталия Сергеевна, к.и.н., в.н.с., руководитель Центра Северной Европы Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

Грибовский Василий Сергеевич, к.полит.н., м.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Кандель Павел Ефимович, к.и.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Оленченко Владимир Анатольевич, к.ю.н., с.н.с. Центра европейских исследований ИМЭМО РАН.

Гуселетов Борис Павлович, д.полит.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

ABOUT AUTHORS

Vladimir Schweitzer, Doctor (History), chief researcher, Head of the Centre for social and political research, IE RAS, Co-chairman of the Scientific Council «Party and political systems of Europe of the XXI century».

Elena Ananyeva, Candidate (Philosophy), leading researcher, Head of the Center for British studies, IE RAS.

Alexey Sindeev, Doctor (History), Professor, chief researcher, Head of the Centre for European security, IE RAS.

Sergey Fedorov, Candidate (Political science), leading researcher at the Centre for social and political research, IE RAS.

Galina Kaninskaya, Doctor (History), Professor, Head of the Centre for General history, Yaroslavl State University.

Elena Alekseenkova, Candidate (Political science), senior researcher at the Head of the Center for Italian studies, IE RAS.

Pyotr Yakovlev, Doctor (Economics), Head of the Center for Iberian studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Professor at the Plekhanov Russian University of Economics.

Naila Yakovleva, Candidate (History), leading researcher at the Center for political studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences.

Yuri Kvashnin, Candidate (History), Head of the Centre for European studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Peter Oskolkov, Candidate (Political science), senior researcher at the Centre for the European integration research, IE RAS.

Oleg Okhoshin, Candidate (History), senior researcher at the Centre for British studies, IE RAS.

Natalia Plevako, Candidate (History), leading researcher, Head of the Centre for Northern Europe research, IE RAS.

Vasily Gribovsky, Candidate (Political science), junior researcher at the Centre for social and political research, IE RAS.

Pavel Kandel, Candidate (History), Ph. D., senior researcher at the Centre for social and political research, IE RAS.

Vladimir Olenchenko, Candidate (Law), senior researcher at the Centre for European studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Boris Guseletov, Doctor (Political sciences), leading researcher at the Centre for social and political research, IE RAS.

**В 2018–2020 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

355. Ю.А.Борко. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. ДИЕ РАН № 355. М., 2018 г.
356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.
357. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 357. М., 2018 г.
358. И.С.Гладков, Е.Ю.Горбатенко. Внешняя торговля Европейского союза: особенности на современном этапе. ДИЕ РАН № 358. М., 2018 г.
359. А.И.Бажан. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты. ДИЕ РАН № 359. М., 2018 г.
360. Экономика и политика Германии: через год после выборов. Отв. ред. Е.П.Тимошенко. ДИЕ РАН № 360. М., 2019 г.
361. Германия. 2018. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 361. М., 2019 г.
362. Свет и тени «эры Макрона». Отв. ред. В.Я. Швейцер. ДИЕ РАН № 362. М., 2019 г.
363. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Отв. ред. О.В.Буторина. ДИЕ РАН № 363. М., 2019 г.
364. Итоги правления Терезы Мэй. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН № 364. М., 2019 г.
365. П.В.Осколков. Правый популизм в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 365. М., 2019 г.
366. А.И.Шумилин. Ближневосточные конфликты: европейский подход. ДИЕ РАН № 366. М., 2019 г.
367. И.Н.Щербак. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. ДИЕ РАН № 367. М., 2019 г.
368. Германия. 2019. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН № 368. М., 2020 г.
369. Е.П.Тимошенко. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А.Меркель. ДИЕ РАН № 369. М., 2020 г.
370. Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН № 370. М., 2020 г.
371. Л.С.Биссон. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 371. М., 2020г.
372. Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н.Лункин, П.В.Осколков. ДИЕ РАН № 372. М., 2020 г.
373. К.А.Годованюк. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. ДИЕ РАН № 373. М., 2020 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2018–2020

355. Yu.A.Borko. The Eastern Partnership: project, realities, future. Reports of the IE RAS, № 355. M., 2018.
356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V. Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356. M., 2018.
357. Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 357. M., 2018.
358. I.S.Gladkov, E.Yu.Gorbatenko. The foreign trade of the European Union: features at the present stage. Reports of the IE RAS, № 358. M., 2018.
359. A.I.Bazhan. Prospects for European integration: monetary and financial aspects. Reports of the IE RAS, № 359. M., 2018.
360. Economy and Politics of Germany – a year after the elections. Ed. by E.P.Timoshenkova. Reports of the IE RAS, № 360. M., 2019.
361. Germany. 2018. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 361. M., 2019.
362. Light and Shadows of the «Macron Era». Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 362. M., 2019.
363. The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security. Ed. by O.V.Butorina. Reports of the IE RAS, № 363. M., 2019.
364. Theresa May's Governance – Summing Up. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 364. M., 2019.
365. P.V.Oskolkov. Right-Wing Populism in the European Union. Reports of the IE RAS, № 365. M., 2019.
366. A.I.Shumilin. The Middle East conflicts: European Approach. Reports of the IE RAS, № 366. M., 2019.
367. I.N.Shcherbak. The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation. Reports of the IE RAS, № 367. M., 2019.
368. Germany. 2019. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 368. M., 2020.
369. E.P.Timoshenkova. A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship. Reports of the IE RAS, № 369. M., 2020.
370. Monetary regulation in Russia and the EU. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 370. M., 2020.
371. L.S.Bisson. Legal migration governance in the European Union. Reports of the IE RAS, № 371. M., 2020.
372. Europe in search of new solutions. Ed. by R.N.Lunkin, P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, № 372. M., 2020.
373. K.A.Godovanyuk. «Global Britain» in the run-up to Brexit. Reports of the IE RAS, № 373. M., 2020.

Научное издание

КОАЛИЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ:
ШАНСЫ И РИСКИ

Монография

Доклады Института Европы

№ 374

Подписано в печать 25.11.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,4
Тираж 500 экз. Заказ № 2279

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86